

№ 3 (52)
2020

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:
Е. Ю. Антонова,

д-р юрид. наук, профессор;

А. М. Баранов,

д-р юрид. наук, профессор;

А. С. Бахта,

д-р юрид. наук, профессор;

С. С. Безруков,

д-р юрид. наук, доцент;

В. А. Болдырев,

д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,

д-р юрид. наук, доцент;

В. В. Денисенко,

д-р юрид. наук, профессор;

А. Н. Древаль,

д-р юрид. наук, профессор;

Н. Н. Егоров,

д-р юрид. наук, профессор;

В. П. Камышанский,

д-р юрид. наук, профессор;

С. М. Кузнецова,

канд. юрид. наук, доцент;

Ю. И. Кулешов,

д-р юрид. наук, профессор;

В. Н. Лисица,

д-р юрид. наук, доцент;

Н. Е. Мерецкий,

д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Петухов Е. Н. Основы теории уголовно-процессуальных обязанностей (часть вторая) / 5

Хисматуллин И. Г., Мамошин М. А. О некоторых проблемах регламентации производства дознания в сокращенной форме / 14

Стельмах В. Ю. Понятой как лицо, выполняющее удостоверительную функцию при производстве следственных действий / 20

Арсенова Н. В. Снижение степени общественной опасности деяния или лица, его совершившего, как условие прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ / 29

Уголовное право и криминология.

Уголовно-исполнительное право

Антонова Е. Ю. Коронавирус и меры уголовно-правового реагирования / 35

Сердюк А. В., Сердюк П. Л. Об эффективности социальных и правовых мер противодействия коррупции / 42

Кобец П. Н., Никитенко И. В. Международные правовые основы противодействия коррупции / 47

Сливко Н. К. О порядке возмещения вреда потерпевшим от преступлений в уголовном законодательстве Финляндии / 53

Пастушенко А. А. Нецелевое расходование бюджетных средств: правоприменительные ошибки / 58

Суверов С. Е. Развитие института примирения с потерпевшим в уголовном праве Германии / 63

Крушанова Л. А. Браконьерство на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI века / 70

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность

Мерецкий Н. Е., Крючкова В. Ф., Осипова Т. В. Проблемы доказывания преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ / 79

Гармаев Ю. П. Коррупционные преступления и их криминалистически значимые особенности / 84

Иванов П. И., Шитов А. С. Некоторые элементы оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений, совершаемых на потребительском рынке / 90

Галкин Д. В. Спутниковая навигация в криминалистике: технические возможности и правовые проблемы / 98

И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
Н. А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
В. Н. Шмаков,
канд. юрид. наук, доцент;
Н. Г. Шурухов,
д-р юрид. наук, профессор

Редактор

Е. Ю. Колобанова

**Компьютерная верстка
и дизайн**

А. В. Ковалев

Корректор

Н. Б. Хохлова

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-77679 от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 28.09.2020.
Дата выхода в свет 30.09.2020.
Бум. офис. Формат 60×84¹/₈.
Усл. печ. л. 17,2.
Тираж 300 экз. (1-й завод – 1–80 экз.)
Заказ № 35.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46–52–17
Тел./факс: (4212) 46–52–06
© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2020

Виноградова О. П., Ржанникова С. С. Проблемные аспекты расследования хищений транспортных средств, совершенных с применением современных информационных технологий / **105**
Бардаченко А. Н., Чулков И. А. Криминалистическая характеристика следов применения 9-мм пистолета SIG SAUER P229 / **112**

Гражданское право. Предпринимательское право.

Семейное право. Международное частное право

Древаль А. Н. О правовом регулировании аудиторской деятельности (аудита): история и современность / **119**

Турчина О. В. Актуальные вопросы исполнения обязательств / **124**

Блинова Ю. В. Презумпция врачебной ошибки по договору о предоставлении лечения в Германии / **130**

Овчинникова А. А. Право регресса публично-правовых образований к должностному лицу, чьи незаконные действия (бездействие) привели к возмещению вреда: действие во времени / **136**

Информация для авторов / 147

№ 3 (52)
2020

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
A. V. Ryabtsev,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
E. Yu. Antonova,
Doctor of Law, Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. A. Boldyrev,
Doctor of Law, Associate Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. V. Denisenko,
Doctor of Law, Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
V. P. Kamyshanskii,
Doctor of Law, Professor;
S. M. Kuznetsova,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
Yu. I. Kuleshov,
Doctor of Law, Professor;
V. N. Lisitsa,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure

Petukhov E. N. Fundamentals of the theory of criminal procedure duties (part two) / **5**

Khismatullin I. G., Mamoshin M. A. About some problems of regulation of inquiry proceedings in abbreviated form / **14**

Stelmakh V. Yu. Understood as a person performing a certifying function in the conduct of investigative actions / **20**

Arsenova N. V. Reducing the degree of public danger of the act or the person who committed it, as a condition for terminating the criminal case under art. 25.1 Code of criminal procedure of the Russian Federation / **29**

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Antonova E. Yu. Coronavirus and criminal justice response / **35**

Serdyuk L. V., Serdyuk P. L. On the effectiveness of social and legal measures anti-corruption / **42**

Kobets P. N., Nikitenko I. V. International legal framework for countering corruption / **47**

Slivko N. K. About the procedure of the compensation of damage to victims of crimes in the criminal legislation of Finland / **53**

Pastushenko A. A. No-purpose expenditure of budgetary funds: enforcement errors / **58**

Suverov S. E. Development of the institution for reconciliation with a victim in the criminal law of Germany / **63**

Krushanova L. A. Poaching in the Far East of Russia in the late XX – early XXI centuries / **70**

Criminalistics. Forensic expertise activity.

Operative search activity

Meretskiy N. E., Kryuchkova V. F., Osipova T. V. Problems of proving crimes under art. 238 of the criminal code of the Russian Federation / **79**

Garmaev Yu. P. Corruption crimes and their forensically significant features / **84**

Ivanov P. I., Shitov A. S. Some elements of operational-search characteristics of tax crimes committed on the consumer market / **90**

Galkin D. V. Forensic satellite navigation: technical capabilities and legal issues / **98**

Vinogradova O. P., Rzhannikova S. S. Problematic aspects of investigation of vehicle theft committed with the use of modern information technologies / **105**

Bardachenko A. N., Chulkov I. A. Criminal characteristics of traces of application of 9-mm gum SIG SAUER P229 / **112**

I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Associate Professor;
N. A. Shabelnikova,
Doctor of History, Professor;
V. N. Shmakov,
kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor
E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev

Proofreader
N. B. Khokhlova

Civil law. Business law. Family law. Private international law

Dreval L. N. On legal regulation of auditing activity (audit): history and modernity / **119**

Turchina O. V. Current issues of fulfillment of obligations / **124**

Blinova Yu. V. Assumptions of medical malpractice from medical service contract in Germany / **130**

Ovchinnikova A. A. The right of recourse of public law formations to an official whose illegal actions (inaction) led to compensation for harm: action in time / **136**

Information for authors / 147

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties: 12.00.03 – Civil law; business law; family law; private international law, 12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal-executive law, 12.00.09 – Criminal procedure, 12.00.12 – Criminalistics; forensic expertise activity; operative search activity.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 28.09.2020.
Issue: 30.09.2020.
Format 60×84¹/₈. Size 17,2 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–80 copies).
Order № 35. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

УДК 343.1

ОСНОВЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Евгений Николаевич Петухов, доцент кафедры Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: petuchove@mail.ru

В статье освещаются положения, выработанные в науке уголовного процесса как структурные элементы сформированной теории уголовно-процессуальных обязанностей. Приводятся обоснования о существовании устоявшихся в науке уголовного процесса зрелых знаний, раскрывающих понятие, сущность, виды, признаки, механизм реализации и обеспечения уголовно-процессуальных обязанностей, а также их место и роль в достижении назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальные обязанности; теория уголовно-процессуальных обязанностей.

FUNDAMENTALS OF THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE DUTIES (PART TWO)

Evgeny Nikolaevich Petukhov, department associate professor of the Altai State University, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article highlights the provisions developed in the science of criminal procedure as structural elements of the formed theory of criminal procedure duties. Justifications are given for the existence of Mature knowledge established in the science of criminal procedure that reveals the concept, essence, types, features, mechanism for the implementation and maintenance of criminal procedural duties, as well as their place and role in achieving the purpose of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure; criminal procedure duties; theory of criminal procedure duties.

Уголовный процесс как отраслевая наука, определяя содержание собственной профессиональной терминологии, как верно подмечает О. А. Зеленина, опирается на багаж теоретических и научных исследований общей теории права, наполняя его особенностями, характерными для отраслевой направленности [11, с. 82]. Результаты исследований, посвященных данной правовой категории, показывают, что термин «юридическая обязанность» действительно является одним из базовых понятий для любой отрасли правовых отношений, в том числе и для уголовного процесса, поэтому диапазон определений юридической обязанности в науке обширен [2, с. 112; 5, с. 11; 6; 12, с. 60; 22, с. 285], но основные черты, отличающие это понятие, являются тождественными – это должное поведение субъекта, признанное законодателем необходимым и обеспечиваемое мерами государственного принуждения.

Если мы обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Даля, то там мы тоже найдем подтверждение, что в основе сущности слова «обязанность» лежит долг [9, с. 640].

На основе общего смысла обязанности и общетеоретического понимания сущности юридической обязанности в науке уголовного процесса правоведами-процессуалистами разработаны и предложены собственно отраслевые дефиниции категории «уголовно-процессуальная обязанность».

Так, например, М. С. Строгович, придерживаясь общетеоретического определения уголовно-процессуальных обязанностей, рассматривал их в виде одного из основных регуляторов общественных отношений, возникающих в сфере уголовного процесса [27, 30–34].

Другие ученые уголовно-процессуальные обязанности определяют как одно из специфических правовых средств воздействия на сознание и волю граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве. С их точки зрения, с помощью юридических обязанностей регулируется преимущественно поведение должностных лиц и таких участников процесса, как свидетели, эксперты, специалисты, переводчики. В этих случаях они констатируют безусловность того, что обязанность опирается на сознательность, чувство долга, принятие публичных интересов в качестве своих собственных [17, с. 91, 94].

Аналогичные определения уголовно-процессуальных обязанностей участников уголовного процесса формулируют авторы учебника по уголовному процессу под редакцией В. М. Лебедева, которые определяют, что под уголовно-процессуальной обязанностью участника уголовно-процессуальных правоотношений следует понимать меру должного поведения обязанного субъекта, обусловленную требованиями юридической нормы и обеспеченную возможностью государственного принуждения [29, с. 108].

В. М. Корнуков, формулируя понятие уголовно-процессуальных обязанностей, устанавливает, что это предусматриваемая и обеспечиваемая законом необходимость, вынужденность соответствующего поведения. При этом он поясняет, что необходимость как требование закона составляет основу всякой уголовно-процессуальной обязанности, а ее сущностью является воля господствующего класса (сегодня всего народа) по поводу вида и меры должного, социально требуемого и полезного поведения [14, с. 84].

О. И. Андреева и А. С. Санников через понятие юридической обязанности формулируют определение уголовно-процессуальной обязанности применительно к должностным лицам и субъектам стороны обвинения в уголовном судопроизводстве. В частности, О. И. Андреева предлагает понимать под уголовно-процессуальной обязанностью должностных лиц в уголовном судопроизводстве «установленное законом объективно необходимое и возможное поведение, которому лицо должно следовать, осуществляя возложенные на него функции, с учетом прав и законных интересов управомоченного, и обеспеченное возложенной ответственностью» [3]. В свою очередь, А. С. Санников под обязанностями стороны обвинения в досудебном производстве предлагает понимать предусмотренные УПК РФ, иными законами и нормативными правовыми актами должные, возможные и безусловные для выполнения процессуальные действия, которые необходимо осуществлять субъектам уголовного судопроизводства, выполняющим на основе состязательности функцию обвинения с момента получения сообщения о преступлении до направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу в интересах управомоченных участников [24].

Л. Л. Кожевников в своем диссертационном исследовании определяет уголовно-процессуальную обязанность как вид юридической обязанности, а под уголовно-процессуальной обязанностью понимает меру зависимости субъекта от государства, заключающуюся в предъявлении к правообязанному лицу требования поведения определенного вида и в закреплении в источниках уголовно-процессуального права не только содержания этого требования, но и средства принудительного обеспечения его выполнения [13].

На основе проведенного анализа работ вышеназванных авторов представляется возможным сформулировать авторскую дефиницию уголовно-процессуальной обязанности: это закрепленная в нормах уголовно-процессуального законодательства необходимая совокупность определенного вида и определенной меры, обеспеченных возможностью осуществления должных (правовых) действий участника уголовного процесса, за неисполнение (ненадлежащее исполнение) которых предусматривается ответственность в виде претерпевания различного рода ущемлений прав и свобод данного участника.

Уголовно-процессуальной обязанности должны быть присущи следующие признаки:

1. Объективно целесообразное и общественно необходимое поведение участника уголовного процесса.
2. Закреплена в нормах уголовно-процессуального законодательства.
3. Адресована участникам уголовного судопроизводства и обусловлена его ролью и местом в уголовно-процессуальной деятельности.
4. Предопределена принципами уголовного процесса.
5. Направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства и на защиту публичных и личных интересов.
6. Основана на закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве потребности совершения активных или пассивных действий участниками уголовного процесса.
7. Детерминирована сознательностью субъектов, их чувством гражданского и профессионального долга и реализуется активными или пассивными действиями этих субъектов.
8. За неисполнение (ненадлежащее исполнение) предусматривается возможность наступления ответственности.

При кажущемся достаточно определенном понимании сущности уголовно-процессуальных обязанностей все же остаются невыясненными такие вопросы, как:

- насколько много места должны они занимать в уголовно-процессуальной деятельности (чтобы не переборщить с принципом «разрешено все, что не запрещено законом»), то есть каково должно быть их соотношение с правами;
- каково должно быть соотношение полномочий должностных лиц, сформулированных в виде обязанности и в виде права, а также каково должно быть количество полномочий должностных лиц, выраженных посредством использования описательного способа регулирования (без терминов «обязан», «должен», «вправе»);
- в каком виде и каким образом они должны быть закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве (системно или бессистемно);
- какая роль им отводится в реализации назначения уголовного судопроизводства, а также в обеспечении механизмов реализации отдельных уголовно-процессуальных институтов;
- какие организационно-правовые средства способны в достаточной степени обеспечить надлежащее их выполнение (как обеспечить развитие чувства гражданского и профессионального долга, а также правовую активность участников уголовного судопроизводства как основу для добросовестного исполнения возложенных на них обязанностей)?

Полагаем, что ответ на данные вопросы нужно искать в плоскости их правовой природы, так как их существование обусловлено воплощением начал организованности и дисциплины человеческой деятельности, связанной с реализацией права. Безусловно, таковой является уголовно-процессуальная деятельность, и она должна быть основана на указанных началах. Также при ответе на поставленные нами вопросы обязательно нужно учитывать ценности, находящиеся под особой защитой закона и охраняемые Конституцией Российской Федерации.

Подтверждением важности уголовно-процессуальных обязанностей в уголовном процессе являются воззрения ученых-процессуалистов о месте и роли данных обязанностей в системе гарантий обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства.

Так, А. М. Володина [7], В. Ю. Мельников [23], О. И. Андреева [3], С. В. Заводнова [10] и многие другие исследователи отмечают, что уголовно-процессуальные обязанности, возложенные законодателем на должностных лиц и органы государства в уголовном процессе, занимают важное место среди основных процессуальных средств в механизме обеспечения правосудия и защиты прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Э. Ф. Куцова в своем исследовании о гарантиях в уголовном судопроизводстве указала на то, что сущностью данных гарантий являются наравне с правами и обязанности не только должностных лиц и органов государства, но и всех граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства [18, с. 189].

А. В. Синельников также подтверждает большую роль уголовно-процессуальных обязанностей должностных лиц в механизме обеспечения уголовного преследования как одного из назначений уголовного судопроизводства, определенного таковым в ч. 2 ст. 6 УПК РФ [26]. Более того, само уголовное преследование российский законодатель назвал обязанностью прокурора, следователя и дознавателя (см. ст. 21 УПК РФ). На первый взгляд, в выполнении данной обязанности указанными субъектами нет трудностей, так как, согласно УПК РФ, они наделены достаточными полномочиями. Однако за последнее десятилетие результаты деятельности субъектов, осуществляющих уголовное преследование, свидетельствуют об обратном. Так, за 2010 г. и шесть месяцев 2011 г. из-за ненадлежащего выполнения обязанности осуществления уголовного преследования было выплачено из российской казны в виде моральной компенсации реабилитированным 620 млн руб. [21, с. 262]. Эта негативная тенденция сохраняется и до настоящего времени. В 2016 г. в общем порядке судебного разбирательства уголовные дела рассмотрены в отношении более 345 тыс. лиц, из них оправданы 3,5 тыс. чел., в отношении 10 тыс. лиц дела прекращены по реабилитирующим основаниям, а в отношении 11 тыс. лиц уголовные дела возвращены прокурору в связи с существенным нарушением закона, препятствующим рассмотрению судами дел. В особом порядке судопроизводства рассмотрены дела в отношении более 650 тыс. лиц, из которых в отношении 110 тыс. лиц дела судом прекращены*.

На недолжное исполнение обязанности осуществления уголовного преследования указывает информация, содержащаяся в докладе Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева о «Подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2018 год» на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 12 февраля 2019 г.). В докладе обращено внимание на низкое качество расследования и отмечено, что в 2018 г. только по рассмотренным в особом порядке (при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением) уголовным делам суды вынуждены были прекратить дела в отношении 95 тыс. лиц**.

Полагаем, что имеющихся организационных возможностей и правовых ресурсов у субъектов, которые бы обеспечивали надлежащее исполнение обязанности осуществления уголовного преследования, недостаточно.

Кроме того, в механизме доказывания уголовно-процессуальная обязанность доказывания играет первостепенную роль, от надлежащего исполнения которой зависит достижение цели доказывания. Относительно субъектов обязанности доказывания в науке уголовного процесса среди ученых развернулась достаточно острая дискуссия. Главный вопрос этого спора – кто является надлежащим субъектом обязанности доказывания? Здесь следует вспомнить советского прокурора А. Я. Вышинского, который пытался перенести в нашу страну представление о распределении обязанности доказывания между обвинителем и обвиняемым, выработанное в англо-американской системе права, когда обвинитель должен доказать обвинение, а обвиняемый должен доказать все оправдывающие его обстоятельства. Это по-

* URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/6820/ (дата обращения: 09.11.2019).

** URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/video_archive/27607/ (дата обращения: 09.11.2019).

ложение не было принято законодателем тогда и сейчас не может быть принято, так как обвиняемый не обладает юридическими знаниями и не может предпринимать активных действий. Представление доказательств невиновности обвиняемого не может быть возложено и на его защитника. Защитнику достаточно породить у суда сомнения в доказанности стороной обвинения вины обвиняемого. На наш взгляд, ответ ясен: обязанность доказывания виновности обвиняемого лежит на обвинителе (государственном или частном).

Сущность обязанности доказывания и ее субъектов рассмотрел в своем диссертационном исследовании А. В. Авилов. По его мнению, обязанность доказывания означает предусмотренное УПК РФ требование, обращенное к уполномоченным субъектам, осуществлять с использованием мер процессуального принуждения действия по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления всех обстоятельств и фактов, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Им же отстаивается точка зрения о том, что обязанность доказывания нельзя отождествлять с бременем доказывания, а также с обязанностью осуществления уголовного преследования [1].

Таким образом, накопленные знания об обязанности доказывания достаточно определенно раскрывают ее суть как осуществление деятельности органов и должностных лиц по собиранию, проверке и оценке доказательств. Однако остается открытым вопрос о соотношении указанной деятельности с обязанностью полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, или последняя обязанность поглощается обязанностью доказывания?

Также остается нерешенной проблема об однозначности места и роли других участников уголовного процесса (особенно суда) в реализации обязанности доказывания и о содержании самой этой обязанности. Например, высказывается точка зрения, в соответствии с которой под обязанностью доказывания следует понимать и обоснование ходатайства об исключении доказательств. При этом предлагается считать субъектом данной разновидности обязанности доказывания сторону, которая заявила ходатайство.

В реализации механизма осуществления правосудия обязанность занимает еще более важное место, так как порядок при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу должен быть безупречным, а дисциплина участников судебного заседания «железной». С позиции правовых основ осуществления судебного разбирательства все это может обеспечить только уголовно-процессуальная обязанность, закрепленная в нормах уголовно-процессуального законодательства, правильно уясненная и безукоризненно исполненная, так как должны быть созданы все организационно-правовые условия, обеспечивающие возможность для ее надлежащей реализации носителем (участником судебного заседания).

Относительно сказанного С. А. Лонь в своих исследованиях, посвященных применению уголовно-процессуальных норм в ходе судебного разбирательства, приводит доводы о существовании у суда (судьи) организующей обязанности, содержание которой состоит в стимулировании развития правоотношений уголовного судопроизводства, в принуждении участников судебного заседания выполнять свои обязанности и создании возможностей для реализации их прав, а также в контроле и пресечении нарушения имеющихся запретов [19, с. 73].

В научную теорию уголовно-процессуальных обязанностей в качестве составной ее части входят знания о видах и мере уголовно-процессуальных обязанностей, так как очевидно, что уголовно-процессуальная обязанность есть не просто должное (правомерное) поведение, но и характеризуемое определенным качеством (вид) и находящееся в определенных границах (мера) поведение.

По данному аспекту в уголовно-процессуальной науке накоплен достаточно значимый багаж знаний, касающихся определения критериев деления уголовно-процессуальных обязанностей на виды, определения меры (объема) уголовно-процессуальных обязанностей, преде-

лов (границ) действия обязанностей, содержания обязанности как воздействия на поведение участников уголовного процесса (велеие, воздержание, запрет) и т. д.

В науке уголовного процесса советского времени уголовно-процессуальные обязанности делят на следующие виды: вытекающие из корреспондирующих им прав других субъектов; самостоятельные, вытекающие из своих прав; специфические – обязанности защитника перед подзащитным (доверителем). Что касается обязанностей, которым не корреспондируют ничьи права, то в качестве таковых называются обязанности, установленные ради правопорядка в целом. Легко заметить, что под такой вид подпадают многие обязанности должностных лиц в уголовном судопроизводстве (как правило, приводится обязанность возбудить уголовное дело) [1, с. 110–117].

Однако исследования в данном направлении продолжаются, и авторы предлагают все новые и новые виды уголовно-процессуальных обязанностей, в частности, такие как «односторонние отрицательные обязанности», «замаскированные обязанности», «безусловные и условные обязанности», «положительная обязанность», «правообязанность» [25], «скрытые обязанности» [8], «профессиональная обязанность» [30], «организующая обязанность» [19], «формальные и материальные обязанности» [23].

Исследователи разрабатывают и классификацию уголовно-процессуальных обязанностей. Так, А. С. Санников [24] и О. А. Зеленина [11] внесли свою лепту в расширение знаний по этому вопросу. С их точки зрения, все обязанности в уголовном процессе условно следует разделить на две группы: 1) обязанности, возложенные на всех участников уголовного судопроизводства (общие); 2) обязанности, принадлежность которых определена конкретным процессуальным статусом участника. В юридической литературе имеются и другие классификации, при этом предлагается еще множество классификационных признаков.

Итак, мы видим, что в теории науки уголовного процесса в настоящее время отсутствует единообразная четкая классификация уголовно-процессуальных обязанностей. Полагаем, что существующие подходы разделения уголовно-процессуальных обязанностей на виды имеют право на существование при условии, что многие должны остаться в теории науки уголовного процесса. Для законодательного процесса необходимо дать критическую оценку существующим подходам и выбрать такой из них, либо разработать новый, чтобы он являлся основой закрепления обязанностей участников уголовного судопроизводства в нормах уголовно-процессуального законодательства, что привело бы к правильному пониманию места их нахождения в системе регуляторов поведения, а также способствовало четкому, ясному и полному уяснению предъявляемых требований к действиям или решениям каждого правообязанного субъекта и тем самым обеспечивало бы их добросовестное исполнение.

Кроме видов в теории уголовно-процессуальных обязанностей имеются устоявшиеся знания и о мере, и о содержании, и о структуре данной уголовно-процессуальной категории. Например, четырехкомпонентная структура юридической обязанности, разработанная Н. И. Матузовым, которая включает в себя: 1) необходимость совершать определенные действия либо воздержаться от них; 2) необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного; 3) необходимость нести ответственность за неисполнение этих требований; 4) необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право [28, с. 492].

Также в теории уголовно-процессуальных обязанностей накопилось достаточно знаний и относительно обозначения и содержания этапов, характеризующих возникновение (образование) у участника уголовного процесса обязанности, исполнение ее содержания и ее окончание.

Момент (начало) возникновения обязанности у участника уголовного процесса связывают с наступлением юридического факта: лицо становится субъектом уголовно-процессуальных отношений (его поведение подпадает под регулятивное воздействие уголовно-процессу-

альной нормы, предписывающей ему обязывающее или запрещающее поведение); со стороны правомочного субъекта уголовного процесса (должностного лица или органа государства) принимается решение в виде требования, определяющего должное поведение обязанного субъекта уголовно-процессуальных отношений.

Исполнение (или форма выражения) обязанности характеризуется совершением участником уголовного процесса меры, предписывающей конкретное поведение – активное действие или воздержание.

Моментом окончания (завершения или прекращения) исполнения обязанности является посредством меры воздействия либо требования должностного лица или органа государства, в производстве которого находится уголовное дело, осуществленное (завершенное) активное действие, воздержание (фактическое поведение), предписанное нормой закона, то есть это наступление требуемого юридического факта либо отмена правомочным лицом своего требования (в данном случае происходит окончание исполнения обязанности путем прекращения требования о ее исполнении).

Относительно пределов (границ) исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, на наш взгляд, требуется дополнительно провести исследования, касающиеся возможностей стимулирования надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей, а также обстоятельств, которые должны служить в качестве объективных причин прекращения исполнения обязанностей (например, уважительные причины).

Следующей составной частью основ теории уголовно-процессуальных обязанностей являются знания о механизме (организационных возможностях и правовых средствах) обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей.

О. И. Андреева достаточно полно раскрывает структурную характеристику механизма обеспечения исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. В структуру этого механизма автор предлагает включить: закрепленный в законодательстве порядок исполнения обязанностей, условия соблюдения прав и свобод обязанных лиц, обеспечение их безопасности, возможные последствия, в том числе стимулирующие исполнение обязанности и ответственность за неисполнение обязанности [4, с. 121].

На наш взгляд, следует признать, что концептуальной основой механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальной обязанности участником уголовного процесса является самообязывание этого участника на основе сознания личного нравственного, общественного и государственного долга.

Значительный вклад в развитие теории уголовно-процессуальных обязанностей внес В. М. Корнуков, исследуя с точки зрения теоретического и практического осмысления проблему важности исполнения обязанностей всеми участниками уголовного процесса и последствий неисполнения этих обязанностей, а также их дифференцированного законодательного закрепления при соблюдении четкой содержательной регламентации [15, с. 58–62; 16, с. 43–50].

Констатируя, что существует и органически развивается системная совокупность зрелых научных знаний, сформировавшихся в уголовно-процессуальной науке, в достаточной степени объясняющих закономерности зарождения и развития обязанностей участников уголовного процесса, мы приходим к достоверному выводу, что имеем дело с существующей научной теорией самостоятельного уголовно-процессуального института – теорией уголовно-процессуальных обязанностей. На существовании теории юридических обязанностей в уголовном судопроизводстве настаивает и Л. Н. Масленникова, отводя обязанностям важное место в числе внутренних факторов, определяющих тенденции в развитии уголовного судопроизводства [20, с. 41]

В завершение сделаем обобщение о том, что правовая мысль постоянно находится в поиске наиболее совершенных, отвечающих современным реалиям теоретических конструктов (объектов), являющихся содержанием научных правовых теорий, поэтому и теория уголов-

но-процессуальных обязанностей должна далее развиваться путем активной переработки многообразного теоретического, нормативного и эмпирического материала.

Сформулируем промежуточные выводы, определив дальнейшую программу исследования предмета теории уголовно-процессуальных обязанностей:

1. Можно констатировать о наличии в уголовно-процессуальной науке полноценной теории уголовно-процессуальных обязанностей, которая является ее самостоятельной частью и отвечает всем общим признакам, предъявляемым к научной теории.

2. Суть теории уголовно-процессуальных обязанностей заключается в существующей научно значимой и практически полезной совокупности научных положений в виде знаний о предмете исследования, в качестве которого выступают обязанности участников уголовного процесса.

3. Основами конструкции теории уголовно-процессуальных обязанностей являются присущий ей обособленный предмет (обязанности) и составляющие ее компоненты: понятие, сущность, содержание, признаки, правовая природа, значение обязанностей в механизме уголовно-процессуального регулирования и реализации назначения уголовного судопроизводства, место и роль обязанностей в статусе участников уголовного процесса, вид (название) обязанностей, классификация обязанностей, мера обязанности, пределы (границы) действия обязанности (возникновение, исполнение и прекращение), носители обязанностей, условия обеспечения исполнения обязанностей, причины неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей, механизм надлежащего исполнения обязанностей, организационно-правовой механизм надлежащего исполнения обязанностей, ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей, уважительные причины неисполнения обязанностей.

4. Несмотря на значительный вклад ученых в разработку теории уголовно-процессуальных обязанностей, на современном этапе очень мало исследований, направленных на дальнейшее развитие данной теории в контексте постоянно и существенно изменяющейся функционально-типологической модели уголовного судопроизводства в современной России.

5. Остается потребность в решении проблем теории уголовно-процессуальных обязанностей как на уровне восприятия обязанностей, их научного описания, законодательного закрепления, так и на уровне обеспечения их практической реализации.

6. Необходимо выработать единый принципиальный подход для дифференцированного закрепления обязанностей в системе норм уголовно-процессуального законодательства.

7. Существует необходимость в разработке важного компонента теории уголовно-процессуальных обязанностей – организационно-правового конструкта (механизма), выступающего в виде гаранта, обеспечивающего надлежащее их исполнение. Полагаем, что данный механизм должен быть основан на самоорганизации (самообязывании) участников уголовного процесса, чему будет способствовать, как минимум, закрепление в нормах уголовно-процессуального права кроме уже существующих еще три новых самостоятельных принципа о гарантированном исполнении уголовно-процессуальных обязанностей, о нравственности и о запрете злоупотребления правом. Мы должны руководствоваться консервативным мировоззрением и законодательно закрепить традиционные для России ценности. Состоять разрабатываемый механизм должен из концептуального, конструктивного (логического) и функционального уровней, сочетая в равной степени в себе организационно-процессуальные ресурсы.

Литература

1. Авилов А. В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.
2. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
3. Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект): монография / под ред. М. К. Свиридова. Томск: Томский ун-т, 2004.
4. Андреева О. И. Установление процессуальных обязанностей и запретов на осуществление определенной деятельности как гарантия ограничения свободы поведения должностных лиц государствен-

- ных органов в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357.
5. Брагусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.
  6. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
  7. Володина Л. М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.
  8. Давыдов С. И., Петухов Е. Н. «Скрытые» уголовно-процессуальные обязанности профессиональных участников стороны обвинения и суда в России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41).
  9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1989.
  10. Заводнова С. В. Обязанности властных субъектов уголовного судопроизводства, направленные на обеспечение прав его участников // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3 (29).
  11. Зеленина О. А. К вопросу о законодательной регламентации процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49).
  12. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
  13. Кожевников Л. Л. Обязанности обвиняемого: понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003.
  14. Корнуков В. М. Личность в уголовном судопроизводстве: проблема обязанностей // Советское государство и право. 1988. № 7.
  15. Корнуков В. М. Правовая регламентация обязанностей участников уголовного процесса и возможности ее совершенствования // Вопросы уголовного процесса: межвуз. сб. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979.
  16. Корнуков В. М. Правовые средства, обеспечивающие выполнение обязанностей участниками уголовного процесса // Вопросы уголовного процесса: межвуз. сб. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977.
  17. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989.
  18. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М.: Юрид. лит., 1973.
  19. Лось С. Л. Применение уголовно-процессуальных норм судьей (судом) // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003.
  20. Масленникова Л. Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции в развитии уголовного судопроизводства // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.
  21. Маслова З. Г. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого как процессуальная обязанность лиц, производящих расследование // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. Т. 3. № 1–1.
  22. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права: монография. Саратов, 2003.
  23. Мельников В. Ю. Назначение уголовного судопроизводства, обязанность и ответственность властных субъектов // Северокавказский юридический вестник. 2013. № 3.
  24. Санников А. С. Обязанности участников уголовного судопроизводства стороны обвинения в до-судебном производстве: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2013.
  25. Середнев В. А. К вопросу понятий «права» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности) // Отечественная юриспруденция. 2016. № 7 (9).
  26. Синельников А. В. Теоретические вопросы построения санкции за уклонение от исполнения обязанности осуществлять уголовное преследование и принимать меры к его обеспечению // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 1 (12).
  27. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.
  28. Теория государства и права: курс лекций / М. И. Байтин [и др.]; под ред. А. В. Малько, Н. И. Матузова. М.: Юрист, 1997.
  29. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. В. М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
  30. Шаров Г. К. Ответственность адвокатов за вред, причиненный ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей // Закон. 2007. № 12.

УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Ильдар Гайсович Хисматуллин, заместитель начальника кафедры, кандидат юридических наук, доцент;

Максим Анатольевич Мамошин, доцент кафедры, кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: ildar-khismatullin@yandex.ru

mister.maxim83@yandex.ru

В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с производством сокращенного дознания. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства, мнений ученых-процессуалистов, а также эмпирического материала авторы высказывают собственную позицию по вопросам совершенствования данного института и перспектив его дальнейшего развития.

Ключевые слова: дознание; сокращенная форма; дознаватель; подозреваемый; потерпевший.

ABOUT SOME PROBLEMS OF REGULATION OF INQUIRY PROCEEDINGS IN ABBREVIATED FORM

Ildar Gaysovich Khismatullin, deputy head of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor;

Maxim Anatolyvich Mamoshin, department associate professor, *kandidat nauk* degree in Law (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article discusses some of the problems associated with the production of a shortened inquiry. Based on the analysis of criminal procedure legislation, the opinions of procedural scientists, as well as empirical material, the authors Express their own position on the improvement of this institution and the prospects for its further development.

Keywords: inquest; abbreviated form; interrogating officer; suspect; victim.

С момента вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2002 г. законодатель основательно взялся за его корректировку, устранение пробелов и противоречий в различных нормах. Не стало исключением в этом вопросе и производство дознания, которое до сих пор остается наиболее проблемным институтом уголовно-процессуального права.

На протяжении всего времени существования УПК РФ мы наблюдаем, как законодатель последовательно реализует идею упрощения уголовного судопроизводства, направленную на экономию сил и средств, а также сокращение сроков производства по делу. Так, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] в уголовный процесс России была введена сокращенная форма дознания, регламентируемая гл. 32.1 УПК РФ.

Следует отметить, что введение данного института было воспринято неоднозначно как учеными-процессуалистами, так и правоприменителями. Причина неоднозначности суждений весьма тривиальна и связана, как и прежде, с несовершенством норм уголовно-процессуального законодательства. Глава 32.1 УПК РФ создала новые вопросы, связанные с реализацией введенного института сокращенной формы дознания, которая по своей сущности не стала прообразом закрепленной ранее в УПК РСФСР (1960 г.) протокольной формы досудебной подготовки материалов. Предпосылки к введению в УПК РФ сокращенной формы дознания,

наряду с уже существующим обычным дознанием, были вызваны созданием условий для сокращения сроков расследования по очевидным уголовным делам, когда отсутствует необходимость производства большинства следственных действий и не требуется формирование объемной доказательственной базы по изобличению лица в совершении преступления небольшой или средней тяжести.

Тем не менее, правоприменитель очень осторожно воспринял появившуюся законодательную новеллу, а научное сообщество обрушилось с немалой долей критики на УПК РФ за очередную допущенный «брак» в регулировании уголовно-процессуальных вопросов, касающихся производства сокращенной формы дознания. Действительно, при внимательном изучении гл. 32.1 УПК РФ обнаруживаются серьезные пробелы и коллизии, которые могут обуславливать проблемы в правоприменительной деятельности.

Как показывают общероссийские статистические данные, в 2017 г. дознавателями органов внутренних дел было направлено в суд 385368 уголовных дел, из них 99407 дел расследованных по сокращенной форме дознания (25,8 %)*. В 2018 г. было направлено в суд 357836 уголовных дел, из них 99118 дел расследованных в сокращенном порядке (27,7 %)** . В 2019 г. дознание было завершено с направлением дела в суд по 323013 уголовным делам, из них 80102 дела, расследованных в сокращенной форме (24,8 %)**.

Таким образом, доля уголовных дел, расследованных в сокращенной форме дознания, остается незначительной, что свидетельствует, полагаем, о неоправданности существования данного производства и его введения в уголовный процесс.

Существенной проблемой при реализации сокращенного дознания являются закрепленные в ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, которые могут возникнуть в любой момент расследования и повлечь переход дела к обычному дознанию. Объяснять, насколько подобная «рокировка» может негативно сказаться на судьбе всего уголовного дела, наверное, нет необходимости. Более того, вызывает вопросы сам перечень представленных в ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ обстоятельств, часть которых, по нашему мнению, не вписываются в конструкцию рассматриваемого института и являются излишними.

Так, указание в п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ на обстоятельство, препятствующее производству сокращенного дознания в связи с необходимостью применения к лицу принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном гл. 51 УПК РФ, не логично ввиду того, что по таким категориям дел дознание вообще проводиться не может.

То же самое относится и к ситуации, когда подозреваемый является специальным субъектом, предусмотренным гл. 52 УПК РФ, на которую нормы дознания не распространяются.

Не вправе дознаватель производить дознание по преступлениям, не предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, т. е. по тем, которые относятся к подследственности органов предварительного следствия.

Таким образом, мы приходим к выводу, что законодатель абсолютно безосновательно включил п. 2–4 в ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ в качестве обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Достаточно сомнительным, по нашему мнению, является включение в ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, предусматривающего возражение потерпевшего на производство дознания в сокращенной форме. Более того, УПК РФ четко не регламентирует процедуру получения согласия потерпевшего на данное производство, который уведомляется об этом в течение

* Состояние преступности в России за 2017 г. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177.

** Состояние преступности в России за 2018 г. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177.

*** Состояние преступности в России за 2019 г. Официальный сайт МВД РФ. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177.

24 часов с момента вынесения соответствующего постановления дознавателем путем направления уведомления об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 5 ст. 226.4 УПК РФ).

Таким образом, может сложиться ситуация, в которой подозреваемый дает согласие на производство дознания в сокращенной форме, а потерпевший категорически возражает. Причем это возражение он вправе заявить на любом этапе движения уголовного дела. Если потерпевший заявит возражение против производства сокращенного дознания, расследование уголовного дела должно быть продолжено в обычном порядке.

Полагаем, что законодатель излишне перестраховался в ситуации с наделением потерпевшего столь широкими правами, влияющими на выбор формы расследования уголовного дела. Потерпевшему, безусловно, необходимо быть в курсе того, как правоохранительные органы осуществляют поиск преступника, изобличают его, принимают меры к возмещению вреда, причиненного преступлением. Для потерпевшего важно, чтобы виновный был установлен и понес заслуженное наказание. Вместе с этим, в силу публичности отечественного уголовного процесса, предоставление законодателем права потерпевшему заявлять отказ от производства дознания в сокращенном порядке, тем самым вмешиваясь в реализацию поставленных перед органами предварительного расследования задач, считаем некорректным.

Анализируя перечень обстоятельств, установленных в ст. 226.2 УПК РФ, следует отметить, что этот перечень не исчерпывается указанными шестью пунктами, на самом деле он гораздо шире. Так, например, считает К. В. Муравьев, который выделяет ряд иных обстоятельств, препятствующих производству сокращенного дознания: достаточные основания полагать самооговор подозреваемого; обязательность назначения судебной экспертизы, на производство которой требуются длительные сроки; выполнение к моменту поступления ходатайства подозреваемого значительного объема следственных действий и достаточность собранных доказательств для окончания предварительного расследования с обвинительным актом [3, с. 106].

Следовательно, отсутствие указания в законе на иные обстоятельства, также препятствующие производству дознания в сокращенной форме, помимо перечисленных в п. 1–6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, может создать правоприменителю проблемы с реализацией данного института.

Учитывая особенности предмета доказывания при производстве сокращенного дознания, дознаватель вправе собирать доказательства по уголовному делу в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера вреда, причиненного преступлением, а также виновности лица в совершении преступления. При этом дознаватель обязан провести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой утрату необходимых доказательств.

Таким образом, объем следственных и иных процессуальных действий определяется дознавателем по своему внутреннему убеждению (субъективному мнению), что может в дальнейшем привести к расхождению во мнениях с надзирающим прокурором и субъектами ведомственного процессуального контроля (начальником органа и подразделения дознания). Кроме того, в ст. 226.5 УПК РФ указан «усеченный» предмет доказывания (в ст. 73 УПК РФ перечислены девять обстоятельств, подлежащих доказыванию, а в данном случае их только три). Однако при составлении обвинительного постановления, согласно требованиям положений ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, необходимо указать большинство обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 73 и ч. 1 ст. 225 УПК РФ. На наш взгляд, прослеживается определенное противоречие между положениями вышеуказанных норм УПК РФ.

Производя дознание в сокращенной форме, исследуются доказательства, полученные до возбуждения уголовного дела на этапе доследственной проверки.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать предметы и документы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, осмотр документов, предметов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий.

Производство иных следственных действий (выемка, допрос и др.) до возбуждения уголовного дела не допускается. В случае производства указанных следственных действий такие доказательства признаются недопустимыми. Из этого следует, что обвинение может основываться на материалах, полученных путем проведения «проверочных действий», в ходе доследственной проверки. При этом отходит на второй план допустимость доказательств. Приоритетное значение имеют относимость и достоверность сведений: неважно, каким путем получено доказательство (допустимость), если его достоверность не подвергается сомнению участниками процесса [2, с. 19].

Принимая во внимание, что в правоприменительной практике подразделений дознания нередко возникают проблемы с правильным толкованием положений ч. 3 ст. 144 УПК РФ, следует отметить, что возбудить ходатайство перед начальником органа дознания (до 10 суток) или прокурором о продлении срока проверки сообщения о преступлении (до 30 суток) вправе не только дознаватель, но и иное должностное лицо органа дознания, которому начальником органа дознания было поручено проведение соответствующей проверки (п. 7 ст. 5 и ч. 1 ст. 41 УПК РФ).

В правоприменительной деятельности подразделений дознания нередко складывается ситуация (практика), когда объяснения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, не признаются надзирающими прокурорами доказательством по уголовным делам, расследуемым в форме сокращенного дознания, в связи с тем, что лицо приобретает статус свидетеля только после возбуждения уголовного дела.

Действительно, на сегодняшний день законодатель не определяет процессуальный статус лиц, дававших объяснения в стадии возбуждения уголовного дела. В ходе получения объяснений они не могут предупреждаться как свидетели об уголовной ответственности по ст. 307, 308 УК РФ (за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний).

Несмотря на то, что УПК РФ (п. 2 ч. 3 ст. 226.5) предоставляет дознавателю право не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении в надлежащем порядке были получены объяснения, на практике мнение надзирающего прокурора, имеющее приоритет над позицией дознавателя, будет являться по данному вопросу окончательным.

Такая ситуация возникает в связи с тем, что дознание как форма предварительного расследования традиционно именуется «прокурорским дознанием». В отличие от предварительного следствия, прокурорский надзор за производством дознания является более существенным. В связи с этим практика производства дознания и толкование норм УПК РФ, к сожалению, напрямую зависят от позиции надзирающих прокуроров.

Еще одной проблемой сокращенного дознания являются сроки его производства. Изначально данный институт задумывался как более упрощенный и быстрый по отношению к обычному дознанию. В реальности все обстоит несколько иначе. Согласно ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ, дознание в сокращенной форме должно быть окончено в срок, не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о его производстве. В действительности дознаватель располагает только 10 сутками, не позднее которых ему необходимо вынести обвинительное постановление. Помимо основного срока сокращенного дознания законодатель допускает

возможность его продления до 20 суток в случаях, предусмотренных ч. 9 ст. 226.7 УПК РФ. В этот промежуток времени дознавателю необходимо удовлетворить все поступившие ходатайства, произвести дополнительные следственные действия, успеть составить обвинительное постановление и ознакомить с ним сторону обвинения и защиты. В данном случае мы не берем во внимание различные «форс-мажорные» ситуации, когда, например, либо подозреваемый, либо потерпевший вообще заявят отказ от производства дознания в сокращенной форме. Такое право у них есть.

Следовательно, по срокам движения уголовного дела дознание в сокращенной форме не имеет существенных преимуществ по отношению к обычному дознанию. Более того, оно является достаточно проблематичным и рискованным производством, требующим от дознавателя предельной собранности, внимательности и уверенности в отсутствие у подозреваемого желания воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Одним из отличий обычного дознания от сокращенного является присутствие в нормах ст. 226.7 УПК РФ законодательных ограничений по срокам окончания дознания в сокращенной форме. Так, в ее ч. 3 говорится, что обвинительное постановление должно быть составлено не позднее 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, а в ч. 4 указывается на необходимость не позднее 3 суток со дня составления обвинительного постановления ознакомить с данным документом и материалами уголовного дела защитника, а также, при наличии ходатайств об этом, – потерпевшего и (или) его представителя.

Как представляется, вышеназванные ограничения являются излишними и отвлекают дознавателя от решения поставленных задач. Считаем, что законодателю следует предоставить дознавателю при производстве дознания в сокращенной форме возможность лично определять, в какие сроки будут проведены вышеуказанные процессуальные действия. Тогда у него появится небольшой запас по времени в 2–3 суток, которые могут быть затрачены на производство расследования. Соответственно станет меньше случаев, связанных с необходимостью продлевать срок дознания до 20 суток.

Также полагаем, что срок в 3 суток, установленный для ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела по результатам расследования в сокращенной форме дознания, является завышенным.

Обвинительное постановление является конечным процессуальным документом, свидетельствующим об окончании производства по уголовному делу в форме сокращенного дознания. Согласно ч. 10 ст. 226.7 УПК РФ, к обвинительному постановлению прилагается справка, в которой должны быть указаны сведения: о месте жительства (месте нахождения) лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; о мере пресечения, избранной в ходе производства дознания; о сроках содержания под стражей, домашнего ареста или запрета определенных действий, если в отношении обвиняемого избиралась одна из этих мер пресечения; о вещественных доказательствах; сроке дознания; при наличии у обвиняемого, потерпевшего иждивенцев – о мерах, принятых по обеспечению их прав. Наряду с этим в справке должны содержаться указания на листы уголовного дела.

Отсюда можно предположить, что законодатель тем самым предпринял попытку сделать некоторое отличие порядка окончания дознания в сокращенной форме от аналогичного в общем порядке, т. е. о необходимости составления единой справки-приложения к обвинительному постановлению. Однако дознаватели в своей практической деятельности составляют две справки-приложения к обвинительному постановлению, по аналогии с обычным дознанием. В одной из них указывается список лиц, подлежащих вызову в суд, в другой – данные «о движении уголовного дела». Возможно, это обусловлено внесенной законодателем путаницы, а именно недоработанной, на наш взгляд, редакцией ч. 3 ст. 226.8 УПК РФ, согласно которой «копия обвинительного постановления с приложениями вручается обвиняемому...» (выделено нами – И.Х., М.М.).

При рассмотрении проблем нормативного регулирования института сокращенного дознания обращает на себя внимание тот факт, что в гл. 32.1 УПК РФ законодатель не упоминает начальника подразделения дознания в качестве субъекта, причастного к этому производству в сокращенной форме. Следовательно, можно предположить, что начальник подразделения дознания при производстве предварительного расследования в сокращенной форме дознания реализует свои полномочия только в рамках ведомственного процессуального контроля.

Для анализа данной ситуации обратимся к ст. 40.1 УПК РФ, которая регламентирует полномочия начальника подразделения дознания. В ней, в частности, указано, что начальник подразделения дознания вправе возбудить уголовное дело, принять его к своему производству и произвести по нему дознание, обладая при этом полномочиями дознавателя.

Закономерен вопрос: распространяются ли данные полномочия также на сокращенную форму дознания? Полагаем, что нормы уголовно-процессуального законодательства по этому вопросу не конкретизированы и создают поводы для дискуссий. Решение этой проблемы нам видится в уточнении редакции ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ, где необходимо указать на производство начальником подразделения дознания наряду с обычным дознанием, также и дознания в сокращенной форме.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что анализ сложившейся правоприменительной практики производства дознания в сокращенной форме отчетливо свидетельствует о несовершенстве норм уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующего указанную форму расследования. Полагаем, что сама идея ускоренного производства по преступлениям, не представляющим большой сложности, должна воплощаться беспрепятственно и не создавать правоприменителю трудности в реализации поставленных задач.

Хочется надеяться, что в обозримом будущем законодатель примет правильное решение и очередные поправки в УПК РФ смогут оптимизировать практику производства дознания в сокращенной форме, а не усложнять ее.

Литература

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Александров А. С., Лапатников В. А. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4.
3. Муравьев К. В. Обстоятельства, препятствующие производству дознания в сокращенной форме, как основание для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого // Уголовное право. 2014. № 6.

УДК 343.12

ПОНЯТОЙ КАК ЛИЦО, ВЫПОЛНЯЮЩЕЕ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНУЮ ФУНКЦИЮ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Владимир Юрьевич Стельмах, профессор кафедры Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vlstelmah@mail.ru

В статье анализируются требования, предъявляемые к понятому. Исследуются сущность и содержание выполняемой понятым удостоверительной функции, аргументируется ее публично-правовой характер. С учетом содержания удостоверительной функции систематизируются требования, предъявляемые к понятому: способность воспринимать обстоятельства в ходе следственного действия, незаинтересованность в исходе уголовного дела, отсутствие антисоциальной позиции. Обобщается перечень категорий лиц, которых недопустимо либо нежелательно привлекать в качестве понятых. Детализируются права понятых, а также действия, которые понятые не вправе совершать. Обосновывается необходимость изменения некоторых положений уголовно-процессуального закона, в частности, введение обязанности лица принимать участие в производстве следственного действия в качестве понятого. Предлагается внести в закон норму о необходимости подписания понятым каждого листа протокола следственного действия. Рассматриваются случаи участия специальных понятых.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное расследование; следственные действия; участники уголовного судопроизводства; понятой.

UNDERSTOOD AS A PERSON PERFORMING A CERTIFYING FUNCTION IN THE CONDUCT OF INVESTIGATIVE ACTIONS

Vladimir Yuryevich Stelmakh, professor of the Department of the Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article analyzes the requirements for understanding. The essence and content of the certification function performed by the understandable is investigated, its public-legal nature is argued. Taking into account the content of the certification function, the requirements for the understanding are systematized: the ability to perceive circumstances during the investigation, the lack of interest in the outcome of the criminal case, the absence of an anti-social position. The list of categories of persons who are unacceptable or undesirable to attract as witnesses is summarized. The rights of the understood are detailed, as well as actions that the understood are not entitled to perform. The need to amend certain provisions of the Criminal Procedure Act is justified, in particular the introduction of the obligation of a person to participate in the investigation as understood. It is proposed to add to the law a rule on the need to sign each sheet of the protocol of investigative action with clarity. Cases of participation of special witnesses are considered.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; investigative actions; participants of criminal proceedings; understood.

В Российской Федерации продолжается построение правового государства, что предполагает, с одной стороны, активное противодействие компетентных государственных органов преступности, а с другой стороны, конструирование нормативных механизмов, надежно защищающих права граждан в сфере уголовного судопроизводства. В качестве одного из таких

механизмов традиционно рассматривается участие понятых при производстве следственных действий. В УПК РФ имеется статья, посвященная понятому, в которой закрепляются понятие и процессуальные права данного участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем многие аспекты статуса понятого нормативно не закреплены, в науке уголовного процесса они также не получили однозначной интерпретации. Отмеченные факторы осложняют правоприменительную практику, нарушают ее единообразие и могут повлечь нарушения конституционных прав граждан. Соответственно, данные обстоятельства актуализируют необходимость научного исследования таких вопросов, как круг лиц, допускаемых к участию в качестве понятых, процессуальные права и обязанности указанного участника уголовного судопроизводства.

Важнейшим средством доказывания выступают следственные действия. В ходе их производства устанавливаются обстоятельства совершения преступления, описываются и изымаются оставленным преступным событием следы. Результаты следственных действий должны быть зафиксированы таким образом, чтобы они точно отображали воспринятые факты реальной действительности и впоследствии могли быть неоднократно воспроизведены в различных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе в судебном разбирательстве. В итоге суд, не являвшийся очевидцем совершения преступления, получит в свое распоряжение максимально возможно реконструированную картину преступного события, на ее основе сможет верно оценить обстоятельства совершенного преступления и дать правильную юридическую оценку действиям участников данного деяния.

В целях обеспечения правильности фиксации фактов реальной действительности, воспринимаемых в рамках следственных действий, законодателем конструируются различные механизмы, одним из которых является участие понятых в следственных действиях.

Понятой – не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое следователем для удостоверения факта производства, содержания, хода и результатов следственного действия (ч. 1 ст. 60 УПК РФ).

Понятые участвуют только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В рамках стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования процессуальные действия осуществляются только с их непосредственными участниками, без присутствия остальных субъектов, в том числе тех, кого напрямую касаются результаты этих действий. В этих условиях понятые выполняют роль гарантов правильности проведения соответствующих процессуальных действий и верного удостоверения их результатов. Поскольку судебное разбирательство имеет гласный и состязательный характер, а действия в судебных стадиях производятся в присутствии всех участников уголовного процесса, участие понятых в судебном заседании не требуется.

Понятой выполняет удостоверительную функцию при производстве следственных действий. При этом он приглашается для участия в проведении лишь отдельного следственного действия, и на этом его участие в уголовном судопроизводстве завершается. Разумеется, не исключено и не запрещено законом привлечение одного и того же лица для участия в качестве понятого при производстве различных следственных действий, однако приглашение конкретного лица не носит обязательного характера.

Удостоверительная функция, осуществляемая понятым, состоит в том, что постороннее лицо подтверждает факт, ход и результаты следственного действия. Под фактом понимается проведение конкретного следственного действия в определенное время в определенном месте, под ходом – совокупность и последовательность выполненных в рамках следственного действия познавательных операций, под результатом – правильность фиксации и изъятия следов преступления.

Удостоверительная функция хотя и направлена отчасти на защиту конкретных прав участников следственного действия, но в целом имеет публично-правовой характер, ее реали-

зация призвана обеспечить свойства допустимости доказательства, возможность его использования в уголовном судопроизводстве для принятия решения по делу.

Содержание удостоверительной функции включает в себя несколько познавательно-фиксирующих компонентов.

Во-первых, это наблюдение за всеми познавательными операциями следователя, выполняемыми в рамках следственного действия. С одной стороны, понятой не вправе производить какие-либо познавательные операции самостоятельно, а следователь не имеет права делегировать понятому проведение этих операций. С другой стороны, понятой должен быть допущен на все без исключения действия следователя и присутствовать при их осуществлении с начала и до конца. Какое-либо фрагментарное либо прерывистое участие понятого не допускается, иначе результаты следственного действия признаются недопустимыми доказательствами.

Во-вторых, это подтверждение правильности отображения хода и результатов познавательных операций в протоколе следственного действия и приложении к нему.

В-третьих, это фиксация своей подписью протокола следственного действия и иных объектов (например, упаковки изъятых предметов).

Публично-правовой характер и содержание реализуемой понятым удостоверительной функции определяют совокупность требований, предъявляемых к понятому.

Первое требование – это способность понятого правильно воспринимать обстоятельства, выявляемые и фиксируемые в рамках следственного действия. Конституционный Суд РФ отметил, что в качестве понятых могут привлекаться лица, «которые способны объективно удостоверить факт производства, ход и результаты процессуальных действий» [1]. Общее состояние здоровья понятого (зрение, слух и т. п.) должно позволять адекватно отображать факты реальной действительности. Безусловно, определенным препятствием для этого может стать малолетний либо престарелый возраст, по объективным причинам приводящий к снижению познавательных способностей.

Кроме того, если следственное действие связано с восприятием информации, подразумевающей наличие определенных знаний, понятые должны обладать этими знаниями, поскольку в противном случае их участие не имеет смысла. При этом речь идет не о специальных знаниях, требующих производства судебной экспертизы, а лишь о специфических познаниях, позволяющих уяснить содержание следственного действия.

Второе требование – это незаинтересованность понятого в исходе уголовного дела. Конституционный Суд РФ указал, что заинтересованность понятых противоречила бы принципам уголовного процесса, ставила под сомнение достоверность данных, полученных в результате проведения следственного действия [2]. Несмотря на то, что деятельность понятого по большому счету достаточно пассивна, удостоверение факта не имеет смысла, если лицо, привлекаемое для этого, заинтересовано в исходе дела. При этом заинтересованность понятого в исходе дела – более широкое по объему понятие, чем заинтересованность обвиняемого (подозреваемого) или потерпевшего. Заинтересованность этих лиц обусловлена таким материально-правовым обстоятельством, как фактическая связь соответствующего лица с преступным деянием. Интерес в деле этих лиц связан с тем, что то или иное решение по делу касается их непосредственно.

Заинтересованность понятого носит несколько иной характер – не личный, а более опосредованный. Она имеет место, если судьба уголовного дела касается лиц, которые не безразличны понятому в силу определенных отношений (родственные, семейные, дружеские, коллегиальные и т. п.). Очевидно, что лицо, проявляющее подобную заинтересованность, не может эффективно выполнять возложенную на понятого удостоверительную обязанность. Поэтому при выборе понятых необходимо учитывать многочисленные факторы, не только личное отношение лица к преступлению, но и его взаимоотношения с участниками уголовного судопроизводства.

Третье требование – это определенная «благонадежность» понятого, то есть наличие у него гражданской позиции, исключающей необоснованный отказ понятого от правильности удостоверенных им фактов. Разумеется, это не означает, что понятой должен каким-либо образом «подыгрывать» следователю и соглашаться на фиксацию в протоколе следственного действия сведений, не соответствующих действительности, которые реально в ходе этого действия не выявлялись. Напротив, понятой должен объективно относиться к установленным обстоятельствам, независимо от того, выгодны ли они стороне обвинения или стороне защиты. Поскольку удостоверительная функция носит публично-правовой характер, понятой не вправе отказаться от подписи протокола. В случае неправильности фиксации в протоколе информации, понятой вправе сделать соответствующее заявление и добиться его занесения в протокол, а также корректировки содержания протокола, но отказ от подписи протокола несовместим с публичностью выполняемой понятым функции.

Исходя из этих требований, законом и стандартами правоприменительной практики установлены ограничения на привлечение в качестве понятых отдельных категорий граждан. Требования закона носят обязательный характер и изначально не допускают участия в качестве понятых определенных лиц. Требования, выработанные в практической деятельности, с формальной точки зрения такой обязательности не имеют, однако фактически представляют не меньшую, а в ряде случаев даже большую важность в сравнении с нормами УПК РФ.

В качестве понятых не должны привлекаться следующие категории лиц [5, с. 20]:

1. Несовершеннолетние, то есть не достигшие 18 лет на момент начала производства следственного действия (п. 1 ч. 2 ст. 60 УПК РФ). Поскольку лицо наделяется процессуальным статусом понятого только при проведении конкретного следственного действия, 18-летний возраст должен наступить не на момент совершения преступления, как это необходимо для обвиняемого (подозреваемого), а на момент начала производства следственного действия.

2. Участники уголовного судопроизводства по данному конкретному делу, их близкие родственники и родственники (п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ). По смыслу закона, участие лица в уголовном деле в любом процессуальном статусе исключает возможность его привлечения в качестве понятого. Недопустимо приглашение в качестве понятых сотрудников следственно-оперативной группы (оперативный уполномоченный, специалист).

3. Работники органов исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и предварительного расследования, – независимо от участия в конкретном деле (п. 3 ч. 2 ст. 60 УПК РФ).

4. Лица, прямо или косвенно заинтересованные в исходе уголовного дела, то есть находящиеся в дружеских, неприязненных отношениях с обвиняемым (подозреваемым), защитником, потерпевшим, находящиеся от них в прямой подчиненности по работе, конкуренты по бизнесу и т. п.

5. Лица, ранее судимые за умышленные преступления. В данном случае не имеет значения факт снятия или погашения судимости, поскольку данное обстоятельство устраняет связанные с судимостью юридические последствия, но не в состоянии изменить антисоциальную позицию соответствующего лица, наличие которой вытекает как раз из факта совершения умышленного преступления. В рассматриваемой ситуации непривлечение лица в качестве понятого в силу имевшейся у него судимости не ущемляет каким-либо образом интересы соответствующего лица и не уменьшает объем его прав, а лишь выступает дополнительной гарантией объективности выполнения лицом удостоверительной функции. Соответственно, учет судимости, даже снятой и погашенной, не является каким-либо проявлением дискриминации лица, поскольку рекомендация о нежелательности привлечения подобных лиц в качестве понятых адресована исключительно сотрудникам органов предварительного расследования.

6. Лица, неоднократно привлекавшиеся к административной ответственности за умышленные правонарушения, в том числе отбывающие административное наказание на момент производства следственного действия.

7. Лица, ведущие антисоциальный образ жизни.

8. Престарелые.

9. Психически больные.

10. Лица с существенными физическими недостатками, мешающими адекватному восприятию.

С одной стороны, весьма жесткие требования к личности понятого способствуют эффективному осуществлению соответствующим лицом удостоверительной функции. С другой стороны, возникает вопрос: как выяснить наличие у лица названных характеристик с учетом того, что приглашение принять участие в качестве понятого происходит непосредственно перед началом следственного действия, когда решение требуется принять в весьма ограниченный период времени? Из-за этого в практической деятельности имели место случаи, когда понятыми приглашались лица, непосредственно связанные с преступлением (в том числе совершившие преступление), поскольку их связь с преступным событием на момент участия в следственном действии не была известна органам предварительного расследования. В подобных ситуациях результаты следственных действий признавались допустимыми доказательствами, поскольку на момент их производства не имелось оснований придания понятому другого процессуального статуса. Необходимо отметить, что решения о законности участия конкретных лиц в качестве понятых принимались исходя из практической целесообразности. Формально имелись основания для признания результатов следственных действий недопустимыми доказательствами, поскольку удостоверительная функция реализовывалась лицом, не имеющим на это прав с учетом его причастности к совершению преступления. Вместе с тем действия следователя, допустившего подобное лицо в качестве понятого, нельзя назвать незаконными, поскольку на момент производства следственного действия не было оснований полагать, что понятой не вправе осуществлять удостоверительную функцию.

Вместе с тем, если для следователя, производящего следственное действие, очевидно, что лицо, исходя из его связи с преступным событием, должно быть признано по делу обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, недопустимо привлекать данное лицо в качестве понятого, ссылаясь на то, что оно формально не наделено статусом другого участника уголовного судопроизводства. В данной ситуации необходимо исходить из того, что соответствующий статус формируется объективно, по факту связи лица с преступлением и оформляется только решением следователя.

Следственные действия производятся с участием не менее двух понятых (ч. 1 ст. 170 УПК РФ).

Законодательство прямо не предусматривает участия специальных понятых, однако в практической деятельности оно обеспечивается, в частности, в следующих случаях:

– при производстве осмотров, обысков, выемок на территории предприятий, учреждений и организаций, где находятся сведения, содержащие государственную тайну, понятые привлекаются из числа работников соответствующего предприятия, учреждения, организации;

– при осмотре в почтовой организации почтово-телеграфных отправок, на которые наложен арест, в качестве понятых приглашаются работники почтовой организации;

– при выемке в банке сведений, составляющих банковскую тайну, понятыми являются работники банка.

Введение в УПК РФ обязательной нормы об обязанности привлекать в качестве понятых при изъятии документов, содержащих охраняемую законом тайну, только представителей определенной организации вряд ли целесообразно, поскольку это способно существенно затруднить поиск лиц, могущих участвовать в качестве понятых. Например, если бы для выемки

в нотариальной конторе требовалось присутствие понятых только из числа работников данной конторы, возникли бы большие сложности для обеспечения участия понятых. В некоторых нотариальных конторах небольшой штат, часть работников может быть заинтересована в исходе дела и т. п., поэтому сама возможность проведения следственного действия в ряде случаев была бы под угрозой срыва. Подписка о неразглашении данных предварительного расследования является весомым сдерживающим фактором от совершения подобных действий лицом, участвовавшим в качестве понятого.

Действующим законом предусмотрена различная степень обязательности участия понятых при проведении тех или иных процессуальных действий:

1. Обязательное участие понятых предусмотрено при проведении таких следственных действий, как обыск, в том числе личный; выемка электронных носителей информации; предъявление для опознания. При этом указанные действия могут производиться без участия понятых:

- а) в труднодоступной местности при отсутствии надлежащих средств сообщения;
- б) в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей.

При проведении данных следственных действий без понятых должны в обязательном порядке применяться технические средства фиксации хода и результатов соответствующих действий. Однако если и это невозможно, например, по техническим причинам, следственное действие производится и без понятых, и без применения технических средств, о чем делается отметка в протоколе следственного действия.

2. Участие понятых по усмотрению следователя (дознателя), а в случае неучастия – обязательная фиксация с помощью технических средств:

- осмотр;
- эксгумация;
- следственный эксперимент;
- проверка показаний на месте;
- осмотр арестованных почтово-телеграфных отправок;
- осмотр фонограммы, полученной в результате контроля и записи телефонных и иных переговоров;
- наложение ареста на имущество.

3. Участие понятых по усмотрению следователя или по ходатайству иных участников уголовного судопроизводства – в остальных следственных действиях.

Теоретически понятые могут быть привлечены к участию в любом следственном действии, однако целесообразно это делать только в следственных действиях, содержанием которых является визуальное обозрение или изъятие материальных объектов, а также внешне выраженные действия тех или иных лиц (предъявление для опознания, проверка показаний на месте, следственный эксперимент). Участие понятых практически бесполезно в вербальных следственных действиях, связанных с получением информации, содержащейся в сознании человека (допрос, очная ставка и т. п.), а также при производстве судебной экспертизы.

Приглашение понятых для участия в процессуальном действии производится в устной форме. Каких-либо документов, отражающих действия следователя (дознателя) по предложению тому или иному лицу принять участие в качестве понятого, а также фиксирующих согласие или несогласие данного лица, не составляется. Не предусмотрена и ответственность за отказ лица от участия в качестве понятого, что существенно осложняет правоприменительную практику. Факт участия понятых и сведения о их личности (фамилия, имя, отчество, дата рождения и домашний адрес) отражаются в протоколе того следственного действия, в котором участвуют понятые. Процессуальные права понятого предусмотрены в ч. 3 ст. 60 УПК РФ:

1. Участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол. Перед началом действия, в котором участвуют понятые, следователь обязан разъяснить им смысл и содержание соответствующего действия, а также права, обязанности и ответственность (ч. 4 ст. 170 УПК РФ). В ходе следственного действия понятым должны демонстрироваться все операции следователя по обозрению и изъятию объектов, демонстрации и эксперименты, входящие в содержание следственного действия.

2. Знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал. Протокол следственного действия должен быть объявлен понятому и подписан им (ч. 6, 7 ст. 166 УПК РФ). В законе не содержится требований о подписании понятым каждой страницы протокола следственного действия, однако в правоприменительной практике делается именно так. Это позволяет избежать заявлений о подмене листов протокола и искажении записей на том или ином листе. Представляется необходимым предусмотреть в законе, по аналогии с тем, что участники допроса и очной ставки подписывают каждый лист соответствующего протокола, необходимость подписания понятым каждого листа протокола следственного действия.

3. Приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя и прокурора, ограничивающие его права. Неясно, каким образом права понятых могут быть ограничены прокурором, который в настоящее время не производит следственных действий. Очевидно, что в законе при формулировании данного права понятого целесообразно оставить лишь сотрудников органа предварительного расследования как субъектов, действия которых могут быть обжалованы.

Закон не предусматривает обязанностей понятых, а лишь называет действия, которые понятой не вправе совершать. В известном смысле запрет совершения данных действий является процессуальной обязанностью. Закон устанавливает для понятого запреты на осуществление следующих действий.

1. Уклоняться от явки по вызовам органов предварительного расследования или суда. Содержание данной обязанности не вполне ясно. По буквальному смыслу закона, понятой не может уклониться от явки по вызову названных органов. Более того, на момент вызова у лица должен иметься статус понятого. Можно подумать, что вызов требуется для каких-либо последующих действий с понятым (например, для допроса об обстоятельствах следственного действия, в проведении которого лицо принимало участие). Однако в этом случае лицо подлежит вызову в качестве свидетеля, а не понятого.

Понятой в уголовном судопроизводстве не имеет «сквозного» статуса, как участник уголовного процесса понятой действует только при производстве конкретного следственного действия, после чего статус понятого прекращается. Приглашение понятого для участия в следственном действии не подразумевает какого-либо вызова. Лицо приглашается непосредственно перед производством следственного действия, без предварительного и формализованного вызова.

Однако самая актуальная проблема на сегодня – это обеспечение участия понятого в следственном действии. Несмотря на публично-правовой характер выполняемой понятым удостоверительной функции, в законе не предусмотрена обязанность лица принимать участие в качестве понятого, а также не установлена ответственность за необоснованный отказ от выполнения данной обязанности. В итоге складывается неприемлемая ситуация, когда осуществление публично-правовой обязанности ставится в зависимость от субъективного усмотрения того или иного лица. С учетом изложенного очевидно, что речь должна идти об обязанности лица принимать участие в качестве понятого при производстве следственного действия, и именно таким образом необходимо сформулировать в УПК РФ соответствующую обязанность.

Кроме того, представляется обоснованным мнение В. В. Агильдина о необходимости прямого закрепления в УПК РФ основной обязанности понятого - присутствовать при производстве следственного действия, независимо от его продолжительности и невозможности самовольно оставлять место проведения этого действия [3, с. 10]. Такая обязанность подразумевается законодателем как совершенно очевидная, однако обязанности должны устанавливаться непосредственно законом, чего пока нет.

2. Разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке. За разглашение таких данных установлена уголовная ответственность (ст. 310 УК РФ).

Понятой может быть допрошен об обстоятельствах производства того следственного действия, в котором он участвовал. Как правило, допрос проводится, если уголовное дело в связи с допущенными нарушениями закона передано другому следователю. Вместе с тем не имеет смысла допрос понятого проводить тем же следователем, который осуществлял следственное действие, поскольку в подобной ситуации получалось бы, что следователь проверяет законность действий, произведенных им самим. Понятой допрашивается в процессуальном статусе свидетеля. Он предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний (ст. 307, 308 УК РФ), однако содержание его допроса ограничивается только порядком того следственного действия, в котором лицо участвовало в качестве понятого.

Законодатель последовательно идет по пути сокращения участия понятых для удостоверения хода и результатов процессуальных действий и использования для этого технических средств. Для этого имеются серьезные основания. Во-первых, это сложность подыскания понятых, в том числе обладающих своего рода «повышенными характеристиками». Во-вторых, это практически неограниченная возможность воздействия на понятых со стороны заинтересованных лиц с целью оказать давление и добиться заявлений о том, что «на самом деле» сведения в протоколе следственного действия были записаны неверно либо что понятой просто не видел тех или иных обстоятельств, а протокол подписал без его внимательного прочтения.

Вместе с тем в настоящее время понятые остаются гарантом законности проведения следственных действий, направленных на изъятие материальных объектов, поскольку подтверждают факт изъятия объекта в конкретном месте или у конкретного лица [7, с. 22]. Отдельные случаи фальсификации доказательств, к сожалению, имеющие место в правоприменительной практике, с очевидностью подтверждают преждевременность полного отказа от привлечения понятых как лиц, реализующих удостоверительную функцию при производстве следственных действий.

Следует учитывать и то, что человеческое восприятие во многом более совершенно, чем возможности современных видеозаписывающих устройств. В частности, человеческий взгляд при обозрении документа способен в доли мгновения охватить и запечатлеть наиболее важные реквизиты, в то время как фиксация изъятия документа на видеокамеру потребует наведения крупным планом и фокусировки изображения. В связи с этим выемка большого числа документов будет гораздо эффективнее произведена с участием понятых, чем с применением средств видеозаписи. При этом эффективность в данном случае понимается не как быстрота проведения следственного действия, что актуально только для следователя, а как полнота отображения всех существенных обстоятельств, что представляет важность для расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. Исходя из этого, полное упразднение понятых, на чем настаивают некоторые процессуалисты [6, с. 53], представляется преждевременным, поскольку, несмотря на несовершенство данного института, именно участие понятых помогает обеспечить законность производства следственных действий. Институт понятых нуждается не в ликвидации, а в совершенствовании [4, с. 50–53].

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коняева Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 25.7, части 3 статьи 27.7 и части 1 статьи 27.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 46-О-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDdecision18652.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коробова Игоря Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части второй статьи 60 и частью первой статьи 4129 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 66-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDdecision261088.pdf> (дата обращения: 27.03.2020).
3. Агильдин В. В. Понятой и его статус в уголовном судопроизводстве России // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 2.
4. Багаутдинов Ф. Н. Институт понятий: совершенствовать, а не упразднить // Законность. 2012. № 4.
5. Барыгина А. А. Особенности оценки допустимости протоколов следственных действий в качестве доказательств по уголовным делам // Российский следователь. 2012. № 24.
6. Желтобрюхов С. П. О необходимости упразднения института понятий // Российская юстиция. 2018. № 2.
7. Чепунов О. И., Минаев А. В. Правовое развитие института понятий в современных условиях // Российский судья. 2015. № 8.

УДК 343.132

СНИЖЕНИЕ СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ ИЛИ ЛИЦА, ЕГО СОВЕРШИВШЕГО, КАК УСЛОВИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СТ. 25.1 УПК РФ

Наталья Васильевна Арсенова, доцент кафедры Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук

E-mail: androsenkon@mail.ru

В статье рассматриваются условия и иные обстоятельства, учитываемые при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В связи с отсутствием в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации их четкой регламентации судебная практика освобождения от уголовной ответственности по данному основанию весьма разнородная. В частности, неопределенным остается вопрос о праве или обязанности суда прекратить уголовное дело при наличии предусмотренных законом условий. Предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях разрешения выявленных проблем правоприменения.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; прекращение уголовного преследования; судебный штраф; полномочия суда; условия прекращения уголовного дела.

REDUCING THE DEGREE OF PUBLIC DANGER OF THE ACT OR THE PERSON WHO COMMITTED IT, AS A CONDITION FOR TERMINATING THE CRIMINAL CASE UNDER ART. 25.1 CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Natalya Vasilievna Arsenova, department associate professor of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law

The article considers the conditions and other circumstances that are taken into account when the criminal case (criminal prosecution) is terminated in connection with the appointment of a criminal-law measure in the form of a court fine. Due to the lack of clear regulation in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the judicial practice of exemption from criminal liability on this basis is very heterogeneous. In particular, the question of the right or obligation of the court to terminate the criminal case under the conditions provided for by law remains unclear. It is proposed to amend the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in order to resolve the identified enforcement problems.

Keywords: termination of a criminal case; termination of a criminal prosecution; court fine; powers of the court; conditions for termination of a criminal case.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается только при соблюдении условий, регламентированных УК РФ и УПК РФ.

В соответствии со ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ условиями освобождения от уголовной ответственности являются следующие: преступление относится к категории небольшой или средней тяжести; лицо совершило преступление впервые, имеет процессуальный статус подозреваемого (обвиняемого), возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, согласно на прекращение уголовного дела с назначением судебного

штрафа. При этом перечень условий, изложенных в ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ, не является исчерпывающим. Анализ порядка прекращения уголовного дела по рассматриваемому основанию позволяет прийти к выводу о наличии еще, как минимум, двух условий: подозрение (обвинение) подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу; отсутствуют основания для прекращения уголовного дела по иным основаниям (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, п. 25.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [4]).

Применение данного основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) обнаружило, что многие положения закона неоднозначно толкуются разными судами. Правоприменительная практика не только разнообразна, но порой и совершенно противоположна. В частности, актуальным является вопрос о наличии права или обязанности суда прекратить уголовное дело по данному основанию при соблюдении установленных законом условий. Формулировка ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ («суд ... вправе прекратить ...», «лицо ... может быть освобождено судом от уголовной ответственности...») предусматривает право, а не обязанность суда прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по данному основанию.

Вместе с тем в науке уголовного процесса существует и иной подход. Так, Н. А. Колоколов приходит к выводу, что если действия лица соответствуют всем требованиям закона, то право суда на применение ст. 76.2 УК РФ фактически равно обязанности, поскольку немотивированный отказ в применении ст. 76.2 УК РФ противоречит сути данной нормы [7, с. 56–57].

В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ нормы закона, предусматривающие, что суд вправе, а не обязан прекратить уголовное дело, не предполагают возможность произвольного решения судом этого вопроса исключительно на основе своего усмотрения. При этом Конституционный Суд РФ указывает на необходимость при принятии решения учитывать наряду с выполнением условий прекращения уголовного дела, установленных ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ, иные обстоятельства, а именно: обстоятельства совершения преступления; особенности объекта преступного посягательства; действия лица, предпринятые для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда; изменение степени общественной опасности деяния вследствие таких действий; личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность [1].

Данная позиция в полной мере соответствует принципу справедливости, регламентированному ст. 6 УК РФ, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Показательным является следующий пример. Суд, рассматривая ходатайство следователя о прекращении уголовного дела в связи с судебным штрафом в отношении Р., обвиняемого по ч. 1 ст. 318 УК РФ, установил, что Р. впервые совершил преступление, заглавил причиненный преступлением вред путем перечисления в детский дом денежных средств в размере 30000 руб., положительно характеризуется с места прохождения военной службы. Однако, несмотря на указанные обстоятельства, суд не нашел достаточных оснований для удовлетворения ходатайства следователя. При этом суд учел, что закон предоставляет суду право по своему усмотрению в каждом конкретном случае решить вопрос о прекращении уголовного дела, а с учетом конкретных обстоятельств, характера и степени общественной опасности совершенного Р. преступления суд первой инстанции не посчитал целесообразным освободить Р. от уголовной ответственности, поскольку это не будет способствовать восстановлению социальной справедливости*.

* Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 октября 2019 г. по делу № 10–20027/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Распространенными также являются случаи, когда вышестоящие суды по жалобе подозреваемого (обвиняемого) или защитника отменяют решения нижестоящего суда об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, если имелись все условия, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ. Вывод суда о невозможности прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа признавался при таких обстоятельствах необоснованным.

Что же может являться основанием отказа в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела при соблюдении всех требований ст. 25.1 УПК РФ?

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при принятии решения о прекращении уголовного дела по данному основанию суды в постановлениях ссылаются на исследование и оценку обстоятельств, свидетельствующих о снижении степени общественной опасности деяния, используя следующие формулировки: «указанные действия способствовали снижению степени общественной опасности совершенного деяния», «что свидетельствует о снижении степени общественной опасности совершенных им преступлений», «лицо своими действиями снизило степень общественной опасности совершенного им преступления» и т. п. Суд, определяя степень общественной опасности деяния, дает оценку в том числе и личности обвиняемого, при этом исследует такие вопросы, как наличие (отсутствие) судимости, наличие положительных характеристик, активное содействие расследованию преступления, признание вины в совершении преступления, раскаяние и т. п.

При прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию, полагаем, снижение степени общественной опасности деяния происходит за счет нейтрализации общественно опасных последствий путем возмещения причиненного в результате преступления вреда. Причем действия, свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния. Суд в каждом конкретном случае решает, принимались ли лицом, совершившим преступление, действия по возмещению ущерба или иному заглаживанию причиненного преступлением вреда, достаточны ли они для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности [2].

Следует учитывать, что закон не содержит запрета на возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при соблюдении определенных ст. 76.2 УК РФ условий и в тех случаях, когда диспозиция соответствующей статьи УК РФ не предусматривает причинение ущерба или иного вреда в качестве обязательного признака объективной стороны преступления (преступления с формальным составом) [3]. Так, например, суд, рассматривая ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Г., обвиняемого по ч. 1 ст. 228 УК РФ, с назначением судебного штрафа, установил, что предпринятые обвиняемым действия после совершения им преступления свидетельствуют об уменьшении общественной опасности содеянного и позволяют освободить его от уголовной ответственности, так как Г. лично, безвозмездно, на своем автотранспортном средстве два раза в неделю принимал участие в осуществлении доставки продуктов питания для приготовления горячей пищи, предназначенной для раздачи бездомным гражданам и нуждающимся в помощи лицам. Кроме того, подсудимый, согласно представленным в суд сведениям, участвовал в благотворительности. При таких обстоятельствах судом было принято решение о прекращении уголовного дела в связи с судебным штрафом*.

В научной литературе отмечается, что общественная опасность преступления складывается из общественной опасности деяния (действия или бездействия), общественной

---

* Постановление Сосновоборского городского суда Ленинградской области № 1–52/2019 от 29 июля 2019 г. по делу № 1–52/2019. URL: <https://sudact.ru>.

опасности последствий этого деяния и общественной опасности личности виновного [6, с. 68]. Следовательно, в приведенном примере снижение степени общественной опасности преступления происходит через уменьшение общественной опасности лица, его совершившего, выражающееся в стремлении такого лица устранить или уменьшить тяжесть вредных последствий содеянного.

Совершенно очевидно, что институт прекращения уголовного дела по данному основанию должен подразумевать освобождение от уголовной ответственности только лиц, общественная опасность которых существенно снизилась. Показателем же этого является поведение лица, совершившего преступление, в том числе постпреступное. Полагаем, что освобождение от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию возможно только при положительном посткриминальном поведении лица, совершившего преступление, направленном на предотвращение, устранение или уменьшение тяжести вредных последствий содеянного.

Следует обратить внимание на то, что выполнение условий, предусмотренных ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ, не всегда свидетельствует о снижении степени общественной опасности деяния или лица, его совершившего. В частности, большое значение имеет способ возмещения вреда, причиненного в результате преступления. Так, например, судом было отказано в удовлетворении ходатайства дознавателя о прекращении уголовного дела в отношении С., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, и назначении судебного штрафа, поскольку похищенное имущество было изъято сотрудниками полиции в ходе личного досмотра С. при ее задержании и впоследствии возвращено потерпевшему. Каких-либо действий по заглаживанию причиненного преступлением вреда подозреваемая не предпринимала [5].

Кроме того, едва ли можно говорить о возможности заглаживания причиненного преступлением вреда, если последствиями совершенного преступления является смерть лица. Так, например, преступления, предусмотренные ст. 109, ч. 3 ст. 264 УК РФ, относятся к категории небольшой и средней тяжести и влекут общественно опасные последствия в виде причинения смерти потерпевшего. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды допускают прекращение таких уголовных дел в связи с применением судебного штрафа. Принимая во внимание то, что при прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию мнение потерпевшего не учитывается, формальное соблюдение условий ст. 25 УПК РФ даже при возражении близких родственников умершего, должно повлечь прекращение уголовного дела. На наш взгляд, такое положение вещей противоречит принципу справедливости, регламентированному ст. 6 УК РФ.

Другой пример, свидетельствующий о недопустимости формального соблюдения условий прекращения уголовного дела, регламентированных в законе: рассмотрение вопроса о возможности прекращения уголовного дела по данному основанию в отношении обвиняемого, не имеющего судимости, но ранее освобожденному от уголовной ответственности по ст. 25.1 УПК РФ. Формальный подход предполагает возможность неоднократно прекращать уголовные дела в отношении лица по рассматриваемому основанию [4]. Вместе с тем суд в сложившейся ситуации может прийти к выводу, что степень общественной опасности лица не уменьшилась, вследствие чего к нему необходимо применить меры уголовного наказания.

В связи с изложенным, полагаем, нецелесообразно повторно освобождать от уголовной ответственности в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ лицо, если оно ранее подвергалось мере уголовно-правового характера в виде судебного штрафа либо освобождалось от уголовной ответственности по иным нереабилитирующим основаниям (например, ст. 25, 28 УПК РФ и др.). Мы согласны с мнением авторов, считающих, что освобождение таких лиц от наказания создает у них ощущение полной безнаказанности, возможности «откупиться» от ответственности и, как следствие, может повлечь совершение ими новых преступлений [8, с. 73–74].

По логике законодателя, институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа применяется тогда, когда назначение уголовного судопроизводства может быть достигнуто без применения мер уголовной ответственности и наказания. Механизм уголовной ответственности включается только в случае, если применение иных мер уголовно-правового характера не достигло своих целей и не оказало достаточного превентивного воздействия на правонарушителя*.

Результаты опроса практических работников** свидетельствуют о том, что большинство из опрошенных (89 %) считают нецелесообразным применять в отношении лица основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа неоднократно.

Однозначно, что суд, исследуя и оценивая конкретные обстоятельства совершенного преступления, общественно опасные последствия, общественную опасность лица, совершившего преступление, имеет право (а не обязан) прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по рассматриваемому основанию.

Дополнительным условием, которое необходимо учитывать при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, является снижение степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Суд должен убедиться в том, что позитивное постпреступное поведение подозреваемого (обвиняемого), выразившееся в том числе в возмещении ущерба или в ином заглаживании причиненного преступлением вреда, свидетельствует о меньшей общественной опасности лица и совершенного им преступления. При этом необходимо учитывать внутреннее побуждение, обусловившее такое поведение.

Нормативного закрепления данного условия ни в УК РФ, ни в УПК РФ в настоящее время нет. В связи с изложенным ст. 25.1 УПК РФ необходимо дополнить ч. 1.1 следующего содержания: «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается при установлении в судебном заседании обстоятельств, свидетельствующих о снижении степени общественной опасности деяния или лица, его совершившего».

Это, на наш взгляд, внесет определенную ясность в процесс применения основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 25 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 650-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мешаяна Дмитрия Карленовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3399-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

---

* Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/953369-6>.

** В ходе исследования было проанкетировано 56 следователей и дознавателей в Алтайском крае, Республике Алтай, Кемеровской области.

4. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975.
7. Колоколов Н. А. Судебный штраф: как преодолеть незаконный отказ в освобождении от уголовной ответственности // Уголовный процесс. 2019. № 10.
8. Коршакевич Н. Г. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – право или обязанность суда? // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.34

КОРОНАВИРУС И МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Елена Юрьевна Антонова, заведующая кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор

E-mail: antonovy@yandex.ru

В статье анализируются нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за распространение не соответствующей действительности информации и нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Автор приходит к выводу о криминологической обоснованности норм, направленных на защиту общественной безопасности от заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и заведомо ложной общественно значимой информации.

Ключевые слова: меры уголовно-правового воздействия; безопасность граждан; заведомость; ложная информация; общественно значимая информация; публичность.

CORONAVIRUS AND CRIMINAL JUSTICE RESPONSE

Elena Yurievna Antonova, head of Department of the Khabarovsk State University of Economics and Law, Doctor of Law, Professor

The article analyzes the norms of criminal law establishing liability for the dissemination of false information and violation of sanitary and epidemiological rules. The author comes to the conclusion about the criminological validity of the norms aimed at protecting public safety from knowingly false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens, and knowingly false publicly significant information.

Keywords: measures of criminal law influence; security of citizens; deliberate information; false information; socially significant information; publicity.

Пандемия коронавируса COVID-19 повлекла за собой появление множества угроз, в том числе для национальной безопасности. Среди их числа можно особенно выделить распространение фейковой (не соответствующей действительности) информации, которое способно повлечь за собой, например, массовую панику; манипулирование информацией; ненадлежащее использование государственных фондов; злоупотребления в сфере государственных закупок лекарств, медицинского оборудования, строительства больниц; фальсификацию медицинских препаратов и иной продукции и т. д. Государства вынуждены реагировать на эти угрозы с целью сдерживания и устранения возможных негативных последствий, в том числе

путем разработки новых и совершенствования уже существующих мер правового, в том числе уголовно-правового реагирования.

Российский законодатель не остался в стороне, криминализовав новые общественно опасные деяния – публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), и публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ) [1].

Представляется, что принятие данных норм является криминологически и социально обоснованным, поскольку общество в последние годы столкнулось с ситуацией, когда в сети Интернет или через различные мессенджеры (например, WhatsApp, Viber и др.) распространяется фейковая (не соответствующая действительности) информация, порой порождающая беспокойство у населения, в том числе за свою жизнь, здоровье, материальное благополучие. Поэтому потребность в нормах, защищающих общественную безопасность от подобного рода деяний, способных повлечь за собой массовую панику, назрела уже давно. Распространение коронавируса COVID-19, на наш взгляд, только ускорило решение законодателя по внесению соответствующих изменений в уголовное законодательство и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Примечательно, что размещены данные нормы в разд. IX гл. 24 УК РФ вслед за преступлениями террористической направленности, тем самым подчеркивается особая общественную опасность криминализованных деяний. Соответственно, родовым объектом вновь криминализованных деяний являются общественная безопасность и общественный порядок, а видовым – общественная безопасность.

Анализ данных норм показывает, что их применение не будет ограничиваться только периодом действия пандемии коронавируса COVID-19. Это вытекает уже из предмета рассматриваемых преступлений. В частности, в ст. 207¹ УК РФ таковым является заведомо ложная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, а в ст. 207² УК РФ – заведомо ложная общественно значимая информация.

Таким образом, информация должна быть ложной, то есть не соответствовать действительности. Признак заведомости означает, что субъект, распространяющий такую информацию, должен достоверно знать о том, что она не соответствует действительности.

Например, следственными органами Следственного комитета РФ по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по ст. 207¹ УК РФ в связи с размещением в социальных сетях не соответствующей действительности информации о том, что в Высокогорской центральной районной больнице произошла вспышка заболевания коронавирусом, в связи с чем госпитализирована половина медицинского персонала учреждения^{*}.

В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (далее – Обзор № 2) сказано, что о придании ложной информации вида достоверной могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям [3].

Так, Следственным управлением Следственного комитета РФ по Республике Башкортостан возбуждено уголовное дело по ст. 207¹ УК РФ из-за распространения в социальных сетях материалов, в которых утверждалось, что руководство Республиканской клинической больницы им. Г. Г. Куватова покинуло здание медицинского учреждения через окно, в то

* URL: <https://sledcom.ru/news/item/1455351>.

время как больница была закрыта на карантин из-за обнаружения коронавирусной инфекции у ряда пациентов. Опубликованные материалы сопровождались видеозаписью. Следствием установлено, что указанная информация не соответствует действительности*.

Южно-Сахалинский городской суд Сахалинской области признал В. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. По делу установлено, что В., являясь пассажиром авиарейса «Бангкок – Шанхай – Южно-Сахалинск», во время стоянки самолета в пункте назначения записал на мобильный телефон комментарий о том, что пассажиры были обеспечены средствами индивидуальной защиты лишь по прибытии самолета в г. Южно-Сахалинск, а действия представителей государственных органов и учреждений обусловлены желанием ввести в заблуждение население. Данную запись виновный публично распространил в одном из мессенджеров. Сведения оказались недостоверными. Виновному назначено наказание в виде штрафа в размере 300 тыс. руб.**

Понятие обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, раскрывается в примечание к ст. 207¹ УК РФ. Законодатель предлагает понимать под таковыми различные чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства. Таким образом, в примечании дается расширительный перечень тех ситуаций, которые могут породить обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан.

Из примечания также следует, что данные обстоятельства могут возникнуть в результате различных бедствий, в том числе аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихии и т. д. Отсюда опять мы видим, что действие нормы будет распространяться на самые разные ситуации, перечень которых изложен не исчерпывающим образом.

Кроме того, одним из признаков, характеризующих рассматриваемые обстоятельства, являются последствия. Такие обстоятельства, как указано в примечании, должны повлечь (или могут повлечь) различные негативные последствия, в частности человеческие жертвы, нанести ущерб здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения.

У правоприменителя возник логический вопрос: относятся ли обстоятельства распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории нашего государства к обстоятельствам, о которых идет речь в примечание к ст. 207¹ УК РФ? В Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (далее – Обзор № 1) [2] дается однозначный утвердительный ответ. Верховный Суд РФ правильно указывает на то, что обстоятельства распространения COVID-19 на территории нашего государства уже повлекло и может еще повлечь последствия, обозначенные в примечании к ст. 207¹ УК РФ, а на противодействие распространению данной инфекции направлены соответствующие меры по обеспечению безопасности населения и территорий.

Именно в связи с опасностью распространения коронавирусной инфекции (2019-nCoV) данное заболевание включено в Перечень социально значимых заболеваний и перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих (утв. Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 (ред. от 31.01.2020)).

В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 3.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» раскрывается понятие «общественно значимая информация». Именно основываясь на данном определении, Верховный

* URL: <https://sledcom.ru/news/item/1455351>.

** На Сахалине суд вынес приговор гражданину за публичное распространение ложной информации о неэффективных мерах борьбы с коронавирусной инфекцией. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1845436>.

Суд РФ заключает, что по смыслу уголовного закона, предмет преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ, шире предмета преступления, о котором идет речь в ст. 207¹ УК РФ [2].

Итак, общественно значимой признается информация, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Отталкиваясь от данного определения, можно заключить, что к общественно значимой информации может быть отнесена в том числе информация об обстоятельствах, которые представляют угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Основываясь на данном толковании категории «общественно значимая информация», можно заключить, что она полностью включает в себя и предмет преступления, обозначенный в ст. 207¹ УК РФ. Отсюда возникает вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ.

В Обзоре № 1 указывается на то, что публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, о которой идет речь в примечании к ст. 207¹ УК РФ, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть человека или иные тяжкие последствия, квалифицируется по соответствующей части ст. 207² УК РФ. Если же в результате этих действий перечисленные выше последствия не наступили, то деяние будет квалифицироваться по ст. 207¹ УК РФ. Исходя из этого приходим к выводу о том, что деяние, предусмотренное в ст. 207¹ УК РФ, относится к так называемым составам поставления в опасность. Другими словами, выполняя объективную сторону данного преступления, субъект лишь создает опасность наступления последствий, тогда как сами эти последствия не наступают.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений заключается в публичном распространении под видом достоверных сообщений указанной информации. Распространение – любая форма разглашения названной выше информации третьим лицам. Такое распространение должно быть публичным. Именно признак публичности является тем критерием, который лежит в основе разграничения административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ и рассматриваемых преступлений.

Публичность имеет место в случаях, когда такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, устной, письменной, с использованием технических средств).

Признак публичности является оценочным, поэтому вопрос о его наличии при распространении информации должен решаться судами в каждом конкретном случае индивидуально, с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств. Публичный характер может проявляться в использовании при распространении заведомо ложной информации, например, средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе мессенджеров (WhatsApp, Viber и др.), в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, в распространении такой информации путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п. [3].

Так, 9 апреля 2020 г. лицо, не обладая информацией об уровне смертности от коронавирусной инфекции (COVID-19), распространило заведомо ложные сведения о том, что в городской клинической больнице № 7 г. Твери большая смертность от этого заболевания, в связи с чем выделяется определенное количество мешков для транспортировки тел умерших. После публикации указанного сообщения на сайте одного из интернет-изданий г. Твери с ним

ознакомилось не менее 131 посетителя. Размещенная информация не соответствует действительности, возбуждено уголовное дело по ст. 207¹ УК РФ*.

По конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, имеет формальный состав. Преступление будет считаться оконченным в момент распространения указанной в норме информации.

Состав преступления, предусмотренный ст. 207² УК РФ, по конструкции объективной стороны является материальным. Основным состав (ч. 1) считается оконченным преступлением с момента причинения вреда здоровью человека. Законодатель не конкретизирует вид вреда здоровью. Анализ санкции ст. 118 и 207² УК РФ свидетельствует о том, что в рассматриваемом преступлении это может быть любой вред здоровью – легкий, средней тяжести или тяжкий. Смерть человека или иные тяжкие последствия являются моментом окончания квалифицированного состава преступления (ч. 2). Тяжкие последствия – категория оценочная, определяется исходя из конкретных обстоятельств дела. Это, например, может быть смерть двух и более лиц; тяжкий вред здоровью, причиненный двум и более лицам; самоубийство лица; крупные материальные потери и т. д.

Относительно субъективной стороны рассматриваемых преступлений в Обзоре № 2 подчеркивается, что деяние может быть квалифицировано по ст. 207¹ или 207² УК РФ только в случаях установления прямого умысла. Субъект должен осознавать, что размещенная им под видом достоверной информация является ложной, и иметь цель довести эту информацию до сведения других лиц [3].

То, что субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, характеризуется прямым умыслом, вопросов не вызывает. Но уже сегодня в научной литературе встречается иное мнение относительно определения субъективной стороны преступления, о котором идет речь в ст. 207² УК РФ. Так, С. С. Бурнин, проведя соотношение данного состава преступления со ст. 264 УК РФ, заключает, что в ст. 207² УК РФ речь идет о неосторожной форме вины [5].

С такой позицией вряд ли можно согласиться, поскольку в диспозиции ст. 207² УК РФ четко говорится о том, что субъект публично распространяет заведомо ложную информацию. Указание законодателем на такие признаки, как публичность и заведомость, свидетельствует именно об умышленной форме вины по отношению к совершенному деянию (распространению информации).

Исходя из этого, считаем, что законодатель предусмотрел в ст. 207² УК РФ две формы вины – лицо умышленно (с прямым умыслом) публично распространяет под видом достоверных сообщений заведомо ложную общественно значимую информацию, а перечисленные в норме последствия наступают по неосторожности. В целом преступление, совершенное с двумя формами вины, признается умышленным (ст. 27 УК РФ). При установлении же умысла на наступление указанных последствий содеянное должно квалифицироваться по иным статьям Особенной части УК РФ. Цели и мотивы совершаемых действий значения не имеют. Субъект может, например, иметь цель спровоцировать панику среди населения, нарушить общественный порядок, дезорганизовать работу органов власти или организаций. Полагаем, что при совершении рассматриваемых преступлений возможен как корыстный мотив, так и хулиганские побуждения.

Уголовная ответственность за рассматриваемые преступления возлагается только на физических вменяемых лиц, достигших 16 лет.

В случае совершения действий, описанных в ст. 207¹ и 207² УК РФ, от имени и (или) в интересах юридического лица физическое лицо будет подлежать уголовной ответственности, а коллективный (корпоративный) субъект – административной ответственности по ч. 10.1 или 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Отметим, что в данных нормах КоАП РФ законодатель установ-

* URL: <https://sledcom.ru/news/item/1455351>.

ливают административную ответственность только для юридических лиц, которым в случае признания их виновными грозит штраф в размере от 1 млн 500 тыс. до 3 млн руб. (ч. 10.1) или в размере от 3 до 5 млн руб. (ч. 10.2) с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой.

В теории уголовного права применение административно-правовых мер воздействия за совершенное преступления принято именовать квазиуголовной ответственностью [4, с. 55–61].

Отметим и то, что преступление, предусмотренное ст. 207¹ УК РФ, законодатель отнес к категории небольшой тяжести (санкция статьи предусматривает альтернативу таких наказаний, как штраф, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы на срок до трех лет).

Часть 1 ст. 207² УК РФ описывает преступление небольшой тяжести (санкция предусматривает максимальное наказание – лишение свободы на срок до 3 лет), а ч. 2 ст. 207² УК РФ – средней тяжести (максимальное наказание – лишение свободы на срок до 5 лет).

Существенные корректировки внесены и в ст. 236 УК РФ (Нарушение санитарно-эпидемиологических правил). В частности, основной состав преступления (ч. 1), ранее по конструкции объективной стороны имевший материальный состав, теперь является формально-материальным. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил в настоящее время считается оконченным преступлением в момент наступления названных в норме последствий – массового заболевания или отравления людей (материальный состав) либо с момента, когда указанные нарушения создали угрозу наступления таких последствий (формальный состав).

Решая вопрос о массовости заболевания или отравления, необходимо принимать во внимание не только количество заболевших или получивших отравление людей, но и тяжесть заболевания (отравления). Для определения масштабов заболевания или отравления суд вправе привлечь соответствующих специалистов.

Отметим также и то, что об уголовной ответственности за нарушения, создавшие угрозу наступления последствий, можно говорить только в случае реальности такой угрозы. Как указывается в Обзоре № 2, о реальности угрозы наступления последствий свидетельствует факт того, что массовое заболевание или отравление людей не произошло лишь в результате вовремя принятых органами государственной власти, местного самоуправления, медицинскими работниками и другими лицами мер, направленных на предотвращение распространения заболевания (отравления), или в результате иных обстоятельств, которые не зависят от воли лица, нарушающего указанные правила [3].

Кроме того, данная норма дополнена частью 3, предусматривающей особо квалифицированный состав преступления, – нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц.

Существенно скорректированы и санкции ст. 236 УК РФ. Если до принятия изменений предусматривалось максимальное наказание в ч. 1 ст. 236 УК РФ в виде ограничения свободы до 1 года, то теперь это 2 года лишения свободы. Существенно увеличен штраф (до изменений его размер предусматривался до 80 тыс. руб., а после изменений – от 500 до 700 тыс. руб.). Вторая часть не предусматривала ранее такого вида наказания, как штраф, в настоящее время он назначается в размере от 1 до 2 млн руб. Штраф также может назначаться в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет. В случае, если нарушение санитарно-эпидемиологических правил повлечет за собой по неосторожности смерть двух или более лиц, то виновный будет наказываться принудительными работами на срок от 4 до 5 лет либо лишением свободы на срок от 5 до 7 лет (ч. 3).

В заключение отметим, что в целом корректировка существующих и принятие новых норм являются оправданными и своевременными, отражающими существенную общественную опасность криминализированных деяний. Криминализация новых составов преступлений криминологически и социально обусловлена, что подтверждается высокой степенью обще-

ственной опасности деяний, связанных с распространением соответствующей заведомо ложной информации, способностью данных деяний повлечь за собой негативные последствия, их относительной распространенностью, положительной динамикой. Сложности же в квалификации данных преступлений в основном возникают в связи с использованием законодателем оценочных категорий.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010073>.
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28855.
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28883.
4. Антонова Е. Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., 29–30 мая 2014. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2014.
5. Бурьнин С. С. Когда квалифицировать действия как распространение фейков о коронавирусе // Уголовный процесс. 2020. № 6.

УДК 343.35

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ И ПРАВОВЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Леонид Васильевич Сердюк, профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор;
Павел Леонидович Сердюк, старший преподаватель, кандидат юридических наук
(Уфимский юридический институт МВД России)

E-mail: leonid-pro@mail.ru

pavel.ser@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с совершенствованием предупреждения преступлений коррупционного характера путем ужесточения мер наказания и устранения законодательных препятствий для полной конфискации имущества с учетом опыта зарубежных государств. Делаются выводы и предложения по вопросам ранней профилактики коррупции.

Ключевые слова: коррупция; предупреждение коррупции; конфискация имущества; план борьбы с коррупцией; раннее предупреждение коррупции.

ON THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL AND LEGAL MEASURES ANTI-CORRUPTION

Leonid Vasilievich Serdyuk, professor of the Department, Doctor of Law, Professor;
Pavel Leonidovich Serdyuk, senior lecturer, *kandidat nauk* degree in Law
(Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article discusses issues related to improving the prevention of corruption crimes by tightening penalties and eliminating legislative obstacles to the complete confiscation of property, taking into account the experience of foreign countries. Conclusions and suggestions are made on the early prevention of corruption.

Keywords: corruption; corruption prevention; confiscation of property; anti-corruption plan; early warning of corruption.

Надежда ученых-криминологов в момент вступления в действие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. на то, что «его принципы будут сближаться с принципами Западной Европы» [3, с. 27], не вполне оправдалась. В частности, это касается уголовной ответственности за коррупцию. Суть не только в отношении отсутствия сближения в строгости наказания за коррупционные преступления, но и в отношении понятия самой коррупции, ее субъектов, средств и способов выявления коррупционных преступлений, а также законодательного регулирования порядка изъятия (конфискации) средств, полученных коррупционным путем.

Показателем положения дел в борьбе с коррупцией в России в какой-то степени могут служить статистические данные последних пяти лет. Если в 2015 г. статистика зафиксировала 10220 коррупционных преступлений, в 2016 г. – 9125, то в 2017 г. показатель увеличился уже до 29600, в 2018 г. – до 30500, а за 9 месяцев 2019 г. выявлено более 26 тыс. преступлений коррупционного характера*.

Эти цифры говорят о том, что проблема борьбы с коррупцией по-прежнему остается актуальной. Однако следует отметить, что рост уголовных дел произошел в основном в связи с усилением борьбы с коррупцией. Кроме того, следует учитывать усиление ответственности за мелкие взятки. Так, за взятку до 10 тыс. руб. (ст. 291² УК РФ) в период с 2017 по 2019 г.

---

* Генпрокуратура заметила резкий рост коррупции в 2019 году. URL: <https://www.interfax.ru/russia/678230>.

было осуждено 32 тыс. человек, из них 10 % – работники правоохранительных органов. В то же время отмечается, что брать и давать взятки стали на 10 % чаще, чем в предыдущие годы*.

Но опасность коррупционных преступлений заключается не только в их количестве. Проблема в том, что значительно увеличиваются суммы взяток с участием высокопоставленных чиновников. Примеров этому, начиная с 2015 г., достаточно много. Не случайно 2016 год по размеру взяток признан годом коррупции (средний размер взятки в этом году определен в сумме 809 158 руб.). Лидирующие регионы по числу и суммам взяток явились Москва – 28 % и Московская область – 5,6 % коррупционных преступлений**.

Криминологи справедливо признают, что «скачки» в статистике объясняются усилением ответственности за преступления коррупционного характера и повышением активности работы правоохранительных органов в борьбе с коррупцией. Кроме того, в уголовном законодательстве расширен круг субъектов, включенных в число должностных лиц. Примечание к ст. 285 УК РФ к должностным лицам относит наряду с представителями государственных органов также руководителей коммерческих структур, контрольный пакет организаций которых принадлежит государству.

Исследуя вопрос о расширенном в законе понятии должностного лица, Э. П. Григонис пришел к выводу, что включение в число должностных лиц представителей государственных корпораций является неправильным. Автор обосновывает это тем, что данный вид экономической организации законом не включен в число юридических лиц. Государственная корпорация «определяется не уставом или юридическим договором, как того требует ст. 52 ГК РФ, а федеральным законом, которым, в свою очередь, корпорация и создается», – пишет автор [2, с. 35].

Мы не согласны с данной позицией, так как коррупционная деятельность руководителей этих коммерческих структур негативно отражается на интересах государства. Хотя эти организации и остаются вполне самостоятельными, но их деятельность связана с государством и его экономикой, поскольку пакет их акций принадлежит государству.

Однако основным вопросом остаются причины и условия низкого уровня предупреждения преступлений коррупционного характера. Обращает на себя внимание неэффективность выполнения государственного плана 2014–2015 гг. по борьбе с данными преступлениями. Это, в частности, отмечалось на заседании коллегии Генпрокуратуры РФ 14 марта 2017 г. Речь шла о том, что хотя и сохранилась тенденция к снижению тяжких и особо тяжких преступлений, но почти половина всех преступлений остаются нераскрытыми***.

Данные показатели касаются и коррупционных преступлений. В связи с этим в 2016 г. были приняты два Указа Президента РФ: «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» и «О мерах по реализации отдельных положений по реализации Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Принятый Правительством Российской Федерации новый план по борьбе с коррупцией, рассчитанный на 2016–2017 гг., при его выполнении был более результативным, учитывая целый ряд известных уголовных дел по громким коррупционным преступлениям высших чиновников страны.

В пятом разделе Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы предусмотрен новый подход к борьбе с этим социальным явлением. Речь идет о совершенствовании контроля за расходами и доходами граждан Российской Федерации и обязательном предоставлении сведений о законности доходов [1]. Этот способ борьбы с коррупцией частично заимствован из опыта некоторых других государств, таких, например, как Гонконг и Норвегия, где каждый служащий документально подтверждает факт приобретения движимого или недвижимого имущества, в противном случае имущество может быть конфисковано [3].

* Егоров И. Прививка от взятки // Российская газета. 2019. 10 декабря.

** Сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai>

*** URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/47>.

В России обеспечением полноты сведений о приобретаемом имуществе гражданами и прозрачности представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера занимается Правительство Российской Федерации. Эти действия правительства осуществляются на основании Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Данный закон, представляющий собой дополнительную меру борьбы с коррупцией, существенно упрощает конфискационный процесс, делая доходы чиновников более прозрачными.

«Конфискация имущества является одной из наиболее острых форм репрессии», – писал профессор М. Д. Шаргородский [4, с. 303]. Автор имел в виду эффективность конфискации как меры наказания за преступления в сфере экономики, особенно в сфере коррупционных преступлений, представляющих особую общественную опасность. Эта уголовно-правовая мера и сегодня служит одной из действенных мер борьбы с коррупцией, преследуя цель восстановления социальной справедливости. Однако вряд ли соответствует реализации этой цели включение в ст. 104¹ УК РФ части 3, не позволяющей конфисковать имущество, переданное виновным другому лицу, если это лицо не знало, что имущество получено в результате преступных действий. Законодатель в данном случае фактически предоставил возможность уходить лицу, получавшему взятки, от полного погашения материального вреда, причиненного преступлением.

В литературе отмечаются также некоторые другие недостатки института конфискации. Например, Э. В. Мартыненко считает, что законодатель при определении нового закона о конфискации в трех составах (ст. 104¹–104³ УК РФ) смешал три вида этого процессуального действия, однако не определил основания и цели применения конфискации, представил «не совсем удачный перечень так называемых конфискационных преступлений» [5, с. 151].

Другие криминологи, тем не менее, придают закону о конфискации достаточно большое предупредительное значение, по сути, оправдывая все его недостатки. Так, например, предлагается понимать применение уголовного наказания и конфискацию имущества как «двухколейную систему уголовно-правовых санкций», как наказание и меры безопасности, что характерно и для некоторых европейских стран [8, с. 606].

Таким образом, даже после исключения конфискации из числа наказаний ученые отводят ей фактически роль уголовно-правовой санкции, включая в систему мер безопасности, что, на наш взгляд, вполне справедливо.

Соглашаясь с определением этой роли конфискации имущества в борьбе с коррупцией, мы считаем, что в целях усиления борьбы с этим социальным явлением, часть 3 ст. 104¹ УК РФ, существенно ограничивающую конфискацию средств, полученных в результате взяток и злоупотреблений, целесообразно убрать из состава этой нормы. Данную статью предлагаем дополнить примечанием следующего содержания: «Все средства, полученные лицом в результате взяток, подлежат конфискации независимо от того, в какой они форме и в чьем владении находятся». Это, на наш взгляд, позволит в большей степени обеспечить конституционные и уголовно-правовые принципы законности, справедливости и равенства всех перед законом.

Кроме составов преступлений об ответственности за взяточничество, бесспорно, важную предупредительную роль в борьбе с коррупцией играют также некоторые другие составы преступлений, где в качестве субъектов выступают должностные лица. Отдельные из таких составов, на наш взгляд, нуждаются в законодательном усилении. Например, особо крупный размер ущерба в сумме 7,5 млн руб., предусмотренный в качестве квалифицирующего обстоятельства в ч. 2 ст. 285¹ УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств», слишком завышен при условии, если это связано с коррупцией. При этом же условии усиления требует санкция ч. 2 ст. 292 УК РФ об ответственности за должностной подлог. Речь идет об указан-

ном в законе наличии «существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

В свете современной государственной политики обращает на себя внимание также ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности» (ч. 1). За указанное преступление сегодня не предусмотрено лишение свободы, что в свете современной политики государства, касающейся развития и поддержки частного предпринимательства, вряд ли соответствует степени общественной опасности данного преступления при наличии в данных преступлениях коррупционных мотивов.

В целях усиления защиты прав и законных интересов граждан требуют законодательного усиления уголовной ответственности в части наказания и составы преступлений, связанные с деятельностью правоохранительных органов. Суть в том, что эти преступления также часто основаны на отношениях коррупционного характера. Речь идет о тех указанных в начале статьи 10 % мелких взяток до 10 тыс. руб., совершаемых работниками правоохранительных органов в процессе служебной деятельности. Это не только поборы в сфере деятельности автоинспекторов на автодорогах, но и такие преступления, как заведомо незаконное заключение под стражу или содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ), принуждение свидетеля и потерпевшего к даче ложных показаний (ч. 2 ст. 309 УК РФ). Особенно это касается последнего состава преступления, где преступные действия работников правоохранительных органов бывают связаны с шантажом, угрозой, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких.

Усиления наказания заслуживает и вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 305 УК РФ). Это преступление по степени общественной опасности и по важности объекта преступления может быть приравнено к числу тяжких преступлений, так как на уровне государственного органа заведомо невиновному лицу причиняется физический и моральный вред. Как правило, такие преступления связаны с коррупцией и негативно влияют на авторитет правосудия, но, к сожалению, по результатам наших исследований, иногда не получают должной правовой оценки.

Эти наши выводы подтверждаются и в юридической литературе, где отмечается, что преступления против правосудия практически не исследованы с точки зрения их «количественно-качественных показателей, изучения личности преступника, специфики обстоятельств совершения преступлений» [7, с. 94].

К сожалению, сегодня и профессиональный, и нравственный уровень кадрового состава правоохранительных органов оставляет желать лучшего. Изучение практики свидетельствует о том, что причина указанных преступлений в сфере деятельности правоохранительных органов во многом зависит от качества подготовки оперативных и следственных кадров в юридических вузах МВД России. Это напрямую связано с современными реформами в системе высшего юридического образования, где на первое место поставлен «бумажный» показатель качества обучения и воспитания будущих борцов с преступностью. Творческий подход к этому процессу со стороны профессорско-преподавательского состава ушел в прошлое. Преподаватель кроме подготовки к лекциям и семинарам загружен составлением заявок, методичек, разного рода отчетов, организацией видеоконференций и т. д. на протяжении всего учебного года. Качество подготовки обучающихся инспекторские проверки оценивают почти исключительно по качеству содержания и оформления этих бумаг. Соответствующим отделам вуза (учебный, научный и воспитательный) с их многочисленным штатом отведена, по сути, лишь роль контролеров за всей этой многообразной преподавательской деятельностью. Это не может не отразиться негативно на качестве подготовки будущих кадров.

Сделать общество более нравственным – задача государства и общества, существующая на протяжении уже десятилетий. Надо признать, что в этом заключается и одна из главных мер по предупреждению коррупции. Решить эту задачу можно, на наш взгляд, только через право-

вое воспитание детей, так как силовые методы уголовно-правового характера малоэффективны. «В современных условиях наблюдается явный недостаток воспитательных воздействий на личность молодого человека, а также мер просветительского характера о национальных, культурных, конфессиональных и прочих особенностях народов страны», – справедливо пишет М. А. Пестрецов [6].

Правовая культура является неотъемлемой частью общего воспитания детей. Она должна выражаться не только в знании учащимися школ необходимых правовых норм поведения, но главное – в привитии детям уважения к законам и традициям, к обычаям народа и его истории.

Попытка правовой воспитательной работы в школах была впервые осуществлена в конце 1980-х гг. в Хабаровской высшей школе МВД СССР (ныне Дальневосточный юридический институт МВД России): по всем школам Хабаровского края направлялась соответствующая учебная литература; учащиеся вуза проводили в школах г. Хабаровска профилактические беседы. Но девяностые годы прервали эту работу. Полагаем, сегодня работу по правовому воспитанию детей целесообразно возродить в масштабе всей страны. От этого в прямом смысле зависит моральный и нравственный уровень будущего российского общества.

Приоритет в борьбе с коррупцией, по нашему мнению, нужно отдать ранней профилактике на том основании, что предупреждение не только коррупции, но и преступности в целом на уровне лиц старшего возраста, как показывает практика, не достигает цели. У этой возрастной категории общества в значительной степени уже утвердились нравственные качества и сложилось собственное мировоззрение, в том числе на основе негативной информации в сети Интернет. К сожалению, этот «компьютерный» вид воспитания с его детективными приоритетами насилия сегодня отрицательно влияет на формирование личностных качеств ребенка.

Литература

1. Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы: утв. Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Григонис Э. П. Объект и субъект взяточничества // Мир юридической науки. 2016. № 6.
3. Денисов Д. Е., Щеглов В. Ю. Зарубежный опыт противодействия коррупции в интересах сокращения теневой экономики // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 4 (24).
4. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970.
5. Мартыненко Э. В. Положения о конфискации имущества, содержащиеся в Уголовном кодексе РФ, нуждаются в совершенствовании // Известия Тульского государственного университета. Сер. Экономические и юридические науки. 2013. № 3–2.
6. Пестрецов М. А. Особенности проявления молодежного экстремизма и меры противодействия // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: монография. Симферополь, 2015.
7. Синельников А. В. Криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 2.
8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Норма: Инфра-М, 2010.

УДК 343.9

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Петр Николаевич Кобец, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент

E-mail: pkobets37@rambler.ru
dfvnii@mail.ru

Коррупция представляет серьезную опасность не только для экономического развития стран, но и для эффективного государственного управления, а также политической стабильности в целом. Актуальность рассматриваемых вопросов в том, что проблемы противодействия коррупции сегодня выходят на международный уровень. Авторами сделан обзор глобальных и региональных договоров о противодействии коррупции. Сегодня действуют четыре наиболее важные конвенции в этой сфере, к которым присоединилось большинство государств. Первым международным документом в рассматриваемой сфере стала Конвенция ОЭСР о борьбе со взяточничеством. Затем были приняты Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. За этими инициативами последовало принятие Конвенции ООН против коррупции.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; Совет Европы; Международная ассоциация органов по борьбе с коррупцией; Организация экономического сотрудничества; антикоррупционное законодательство; антикоррупционная политика; международное сотрудничество; подходы к борьбе с коррупцией.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR COUNTERING CORRUPTION

Peter Nikolaevich Kobets, chief researcher of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian, Doctor of Law, Professor;

Ilya Viktorovich Nikitenko, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor

Corruption is a serious threat not only to the economic development of countries, but also to effective public administration and political stability in General. The relevance of the issues under consideration is that the problems of countering corruption are now reaching the international level. The authors made an overview of global and regional treaties on combating corruption. Today, there are four most important conventions in this area, to which the majority of States have acceded. The first international document in this area was the OECD anti-bribery Convention. Then the Council of Europe criminal law Convention on corruption and the Council of Europe civil law Convention on corruption were adopted. These initiatives were followed by the adoption of the UN Convention against corruption.

Keywords: United Nations; Council of Europe; International Association of anti-corruption bodies; Economic Cooperation Organization; anti-corruption legislation; anti-corruption policy; international cooperation; approaches to fighting corruption.

В 1990-х гг. коррупция все чаще стала восприниматься как явление, оказывающее отрицательное воздействие на экономику, демократию и верховенство права. Однако в этот период активизация международных усилий по борьбе с коррупцией казалась нереалистичной задачей. В то же время в формате отдельных государств стало возможным обсуждение глобаль-

ных последствий коррупции, что привело к официальному осуждению коррупции на уровне правительств, неправительственных организаций и просто заинтересованных лиц [4, р. 67].

В условиях глобализации и расширения социальных взаимодействий, распространения принципов демократии и либерализма получил развитие новый этап информационной революции, который способствовал распространению информации о причинах и последствиях коррупции, а также о новых стратегиях противодействия этому явлению [2].

Международная интеграция, реальным проявлением которой стало образование межгосударственных сообществ, имеет не только позитивное значение в плане укрепления международного сотрудничества на благо проживающих в этих странах народов, она сыграла и отрицательную роль в смысле распространения негативных, а порой и криминальных явлений, в том числе транснациональной коррупционной преступности.

Таким образом, объединение усилий разных государств по искоренению коррупции повышает эффективность соответствующих направлений правоохранительной деятельности как на внутригосударственном, так и международном уровне. Подобный эффект обусловлен общностью мнений и подходов в оказании взаимной правовой помощи при выявлении и расследовании преступлений коррупционной направленности, в установлении ограничений при получении убежища для лиц, подозреваемых в коррупционных преступлениях, а также в осуществлении экстрадиции лиц, совершивших подобные преступления.

Безусловно, международное сотрудничество по противодействию коррупции, как и любая другая сфера международной деятельности, должна опираться на надежную правовую основу, что по общепринятым в международном сообществе правилам является обязательным условием легитимности подобной деятельности.

Сегодня можно констатировать, что в целях оптимизации международных усилий по противодействию коррупции были активизированы различные межправительственные системы и организации. Так, например, в 1989 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, OECD)* учредила специальную рабочую группу для сравнительного анализа национального законодательства относительно противодействия подкупу иностранных публичных должностных лиц. В 1997 г. OECD приняла Конвенцию по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок**.

Положения данной конвенции направлены прежде всего на сокращение политической коррупции и корпоративной преступности в развивающихся странах путем поощрения санкций против взяточничества в международных коммерческих сделках, осуществляемых компаниями, действующими в странах, ратифицировавших указанную конвенцию. Ее цель – создать действительно равные возможности для ведения бизнеса в условиях честной конкуренции и свободы предпринимательства, международного разделения труда и верховенства закона. Конвенция призывает ее сторонников криминализировать деяния, связанные с предложением взятки [1].

В начале 90-х гг. прошлого столетия в Совете Европы был проявлен большой интерес к проблемам международного участия в противодействии коррупции. Особое внимание уделялось междисциплинарному подходу в вопросах формирования антикоррупционной политики, в частности необходимости рассмотрения коррупции не только с позиций уголовного права и криминологии, но также гражданского, административного и других отраслей права. В этот же период Совет Европы стал играть важную роль в разработке мер, направленных на противодействие коррупции с опорой на «Двадцать руководящих принципов противодействия коррупции», которые были приняты Комитетом министров Совета Европы 6 ноября

---

* Межправительственная экономическая организация, включающая 36 стран, основана в 1961 г. для стимулирования экономического развития и мировой торговли.

** OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions. URL: <https://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm> (дата обращения: 11.02.2020).

1997 г. на 101-й сессии. В частности, содержание третьего и седьмого принципов образуют основополагающие начала деятельности органов, призванных противодействовать коррупции и отвечающих за непосредственную координацию борьбы с этим явлением*.

В 1999 г. была разработана и утверждена Конвенция Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за преступления коррупционного характера» – Criminal Law Convention on Corruption (ETS № 173).

В ноябре 1998 г. на 103-й сессии Комитета министров Совета Европы была принята Конвенция об основах уголовной ответственности за коррупционные преступления. Конвенция представляет собой сложный и весьма амбициозный юридический акт, предусматривающий криминализацию широкого круга коррупционных деяний. Соблюдение же настоящей конвенции обеспечивается и контролируется специальной межгосударственной организацией по борьбе с коррупцией – Group of States against Corruption (GRECO), которая начала функционировать 1 мая 1999 г. В указанную группу вошли представители 17 государств, являющихся членами Совета Европы. Сегодня GRECO открыта для неевропейских государств**.

Важно отметить, что данная конвенция направлена на гармонизацию национальных законодательств в части криминализации коррупционных деяний, а также призвана содействовать принятию дополнительных уголовно-правовых мер и укреплению международного сотрудничества в раскрытии и расследовании коррупционных преступлений.

Государства, входящие в состав Совета Европы, а также другие государства, решившие подписать Дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию в Страсбурге 15 мая 2003 г.,*** полагают, что этот документ обеспечит более тесное сотрудничество в борьбе с коррупцией.

Важной мерой в противодействии коррупции в сообществе европейских государств является то, что Совет Европы регулярно организует конференции министров юстиции. В таком формате осуществляется обмен мнениями и координация правовой политики на общеевропейском уровне. За подготовку подобных мероприятий несут консолидированную ответственность две весьма авторитетные международные организации – Европейский совет по правовому сотрудничеству и Европейский комитет по проблемам преступности, о которых будет сказано далее.

Так, в 1994 г. в г. Валлетта (о. Мальта) состоялась 19-я международная конференция по проблемам противодействия коррупции****. Рассмотренной на данном форуме резолюцией «О гражданско-правовых, административных и уголовно-правовых аспектах коррупции» была одобрена необходимость междисциплинарного подхода в борьбе с коррупцией. В связи с разработанными затем рекомендациями Комитет министров Совета Европы решает создать Междисциплинарную группу по борьбе с коррупцией (GMC), за деятельность которой должен отвечать Европейский комитет по проблемам преступности (CDPC) и Европейский комитет по правовому сотрудничеству (CDCJ).

Таким образом, CDPC был наделен полномочиями по координации деятельности самого Совета Европы в области предупреждения коррупционной преступности и борьбы с ней. На первом же заседании CDPC были определены приоритеты межправительственного правового сотрудничества. Кроме того, CDPC вносит предложения в Комитет министров об оптимизации деятельности в области развития уголовного права и уголовного процесса,

* UPL: <http://docs.cntd.ru/document/901934976> (дата обращения: 11.02.2020).

** What is GRECO? UPL: <https://www.coe.int/en/web/greco/about-greco/what-is-greco> (дата обращения: 11.02.2020).

*** Additional Protocol to the Criminal Law Convention on Corruption (Strasbourg, 15.V.2003). UPL: <https://rm.coe.int/168008370e> (дата обращения: 11.02.2020).

**** 19th Conference of European Ministers of Justice: administrative, civil and penal aspects, including the role of the judiciary, of the fight against corruption (14–15 June 1994 Valletta, Malta). UPL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-rule-of-law/mju19-1994-valletta> (дата обращения: 11.02.2020).

криминологии и пенологии, и при этом сам активно участвует в реализации своих предложений: разрабатывает конвенции, рекомендации и доклады; организует криминологические научно-исследовательские конференции и криминологические коллоквиумы, конференции с участием руководителей пенитенциарных администраций*.

Образованный в 1963 г. Европейский комитет по правовому сотрудничеству (CDCJ) явился нормотворческим органом, обладающим широким кругом полномочий в области международного публичного, а также частного права. Так, к компетенции CDCJ относятся нормотворческие инициативы и их последующие представления Комитету министров, внесение предложений по текстам предлагаемых проектов для их обсуждения и принятия, а также предложений относительно признания общих приоритетов в сферах своей компетенции и планирования будущей работы по утвержденным направлениям деятельности. CDCJ принимает активное участие в подготовке конференций и выступлений руководителя Департамента юстиции и правового сотрудничества**.

В 1994 г. на Мальтийской конференции с участием министров юстиции европейских государств было предложено исследовать проблематику относительно того, какие из мер могут быть приемлемы в рамках реализации международных программ по борьбе с коррупцией***.

В 1996 г. Комитет министров на 558-м заседании заместителей министров постановил поручить GMC подготовить технико-экономическое обоснование разработки Конвенции о гражданских средствах правовой защиты для возмещения ущерба, причиненного в результате коррупционных деяний****.

На 22-й конференции, проходившей 17–18 июня 1999 г. в г. Кишиневе (Республика Молдова), министры юстиции европейских стран приняли резолюцию № 3 «О борьбе с коррупцией», в которой призвали Комитет министров принять проект Конвенции о гражданских аспектах коррупции и представить его на утверждение. Таким образом, Совет Европы завершил разработку международно-правового документа, направленного на борьбу с коррупцией, с помощью гражданско-правовых средств правовой защиты. Следует подчеркнуть, что возможность бороться с коррупцией при помощи гражданско-правовых мер является одним из отличий в подходах Совета Европы к решению данной проблемы.

Инициировав принятие рассматриваемой конвенции, Совет Европы еще больше укрепил комплексную международно-правовую систему противодействия коррупции.

Таким образом, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию стала одной из первых попыток сформулировать общие международные правила, определяющие суть гражданско-правовых мер противодействия коррупции. В этом нормативном правовом акте содержатся рекомендации для стран, которые ратифицировали рассматриваемую конвенцию и применяют меры гражданско-правового и гражданско-процессуального характера в вопросах противодействия коррупции.

Так, согласно ст. 5 Конвенции (Ответственность государств), в случае возникновения ущерба либо упущенной выгоды от коррупционных проявлений, потерпевшие могут претендовать на возмещение ущерба в размере полной компенсации. При этом в качестве ответчиков совместно с коррумпированными служащими выступает само государство. В то же время конвенцией предусмотрен еще один вид ответственности за проявления коррупции - ответственность с возможностью загладить причиненный коррупционными деяниями вред

* European Committee on Crime Problems. UPL: <https://www.coe.int/en/web/cdpc> (дата обращения: 11.02.2020).

** European Committee on Legal Cooperation. UPL: <https://www.coe.int/en/web/cdcj/european-committee-legal-cooperation> (дата обращения: 11.02.2020).

*** Resolution No 1 on civil, administrative and criminal law aspects of corruption. UPL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-rule-of-law/mju19-1994-valletta> (дата обращения: 11.02.2020).

**** Explanatory Report to the Civil Law Convention on Corruption. UPL: <https://rm.coe.int/16800cce45> (дата обращения: 11.02.2020).

в порядке досудебного соглашения виновного и потерпевшего. Очевидно, что рассматриваемая конвенция формирует в законодательных системах государств, которые ее ратифицировали, эффективные средства правовой защиты лиц, пострадавших от различных проявлений коррупции [3].

За этими инициативами Совета Европы последовало принятие в 2003 г. Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. За 20 лет до ратификации Конвенции ОЭСР, ООН обсуждала проект Конвенции о борьбе с коррупцией. Однако проект международного соглашения о незаконных платежах, предложенный Экономическим и Социальным Советом ООН еще в 1979 г., не был поддержан в Генеральной Ассамблее ООН, а соответственно и не получил дальнейшего развития. Когда Управление ООН по наркотикам и преступности представило в 2003 г. свой проект Конвенции ООН против коррупции – *United Nations Convention against Corruption*» (далее – UNCAC), он оказался более успешным. В настоящее время Конвенция ООН подписана 186 партнерами, в том числе 182 государствами - членами ООН и четырьмя негосударственными организациями.

Весьма примечательно, что Конвенция ООН против коррупции имеет более широкую сферу применения, чем Конвенция ОЭСР о противодействии взяточничеству, поскольку она не ограничивается исключительно государственными должностными лицами, а распространяется на коррупционные факторы, имеющие место в так называемом частном секторе. Кроме того, Конвенция ООН против коррупции обязывает все подписавшие ее страны создавать необходимые условия для институциональной специализации в сфере противодействия коррупции, а именно: в соответствии со ст. 6 «Орган или органы по предупреждению и противодействию коррупции» и ст. 36 «Специализированные органы» UNCAC обязывает каждую из стран-участниц обеспечить систему противодействия коррупции, согласно основополагающим принципам правовой системы своего государства, специализированными органами либо высококвалифицированными должностными лицами. Таким образом, указанные нормы UNCAC определили ряд задач, которые каждая из стран-участниц должна выполнять для эффективного предупреждения коррупции.

Контроль за выполнением UNCAC осуществляет Международная ассоциация органов по противодействию коррупции – *International Association of Anti-Corruption Authorities* (ИААСА). Это неправительственная организация, созданная по решению специального совещания, состоявшегося 19–20 апреля 2006 г. в Вене (Австрия). Штаб-квартира данной организации находится в Пекине. Основная цель ИААСА заключается в содействии эффективной реализации Конвенции ООН против коррупции; в информационной поддержке различных международных организаций, участвующих в борьбе с коррупцией на межнациональном уровне; в содействии развитию конструктивного сотрудничества всех лиц, заинтересованных в предупреждении и устранении выявленных коррупционных рисков. Для реализации поставленных целей ИААСА развивает формы и методы международного взаимодействия в области предупреждения, расследования и судебного разбирательства коррупционных преступлений.

В заключение следует отметить, что противодействие коррупции является одним из приоритетных направлений деятельности правительств и международных организаций во многих странах, которые стремятся сегодня к консолидации усилий в борьбе с коррупцией. Вместе с тем приходится признать, что немалое количество инициатив в этой сфере так и остаются на декларативном уровне, без принятия конкретных мер по их дальнейшей реализации.

В последнее десятилетие XX в. коррупция привлекла пристальное внимание международного сообщества, что в последующем вызвало принятие и широкое признание международных конвенций в области противодействия этому явлению. В настоящее время принятие и ратификация вышеперечисленных международных конвенций обеспечивает международно-правовую основу для борьбы со взяточничеством. Многие из подобных международных правовых актов были имплементированы в национальных правовых системах, а некоторые

взяты за основу при формировании национальных законодательств в области противодействия коррупции. В связи с этим важно отметить, что международные конвенции против коррупции представляют собой правовую парадигму противодействия этому явлению и обеспечивают прочную основу для антикоррупционной деятельности путем укрепления соответствующих направлений политики государств, законов и механизмов правоприменения.

Литература

1. О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Голик Ю. В., Карасёв В. И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2005.
3. Корякин В. М. Некоторые вопросы недействительности сделок в сфере государственных закупок в свете положений Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // Вестник международного института экономики и права. 2014. № 3 (16).
4. Mccoy Jennifer L., Heckel Heather. The Emergence of a Global Anti-corruption Norm // International Politics. 2001. 38 (1).

УДК 343.296

О ПОРЯДКЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФИНЛЯНДИИ

Никита Константинович Сливко, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

Е-mail: nikitaslivko@mail.ru

Анализируется ряд источников уголовного законодательства Финляндии, содержащих нормы, регламентирующие порядок возмещения вреда жертвам преступных посягательств. Автором отмечен прогрессивный характер содержания данных уголовно-правовых норм с точки зрения их направленности на обеспечение своевременного и полного возмещения вреда потерпевшим.

Ключевые слова: Финляндия; потерпевший; уголовное законодательство; государственное казначейство; возмещение ущерба; медиация.

ABOUT THE PROCEDURE OF THE COMPENSATION OF DAMAGE TO VICTIMS OF CRIMES IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FINLAND

Nikita Konstantinovich Slivko, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A number of sources of criminal legislation of Finland, that contain norms, governing the procedure of the compensation of damage to victims of criminal assaults are analyzed. The progressive nature of the content of these criminal-legal norms, from point of view of their focus on well-timed and full compensation of damage to victims is noted by the author.

Keywords: Finland; victim; criminal legislation; state treasury; reparation; mediation.

Как известно, одним из важнейших показателей эффективности системы правосудия того или иного государства является уровень реализации такого неотъемлемого права потерпевшего, как права на возмещение причиненного преступлением вреда [5, с. 506]. В Российской Федерации, однако, как справедливо отмечает А. В. Суслин, сложилась парадоксальная ситуация. Для современного уголовного законодательства нашей страны абсолютной ценностью и целью стала в первую очередь кара преступника. По отношению же к потерпевшему государство оставило за собой полную свободу действий, и это несмотря на то, что согласно ст. 2 УК РФ, охрана прав и свобод человека и гражданина является первоочередной задачей уголовного закона [4, с. 168].

Анализ актуальных данных криминологической статистики позволяет сделать вывод о том, что говорить в нынешних реалиях о должном уровне защищенности прав и свобод потерпевших преждевременно. Ежегодно сумма ущерба, причиненного преступлениями, неуклонно растет. Так, в 2017 г. ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 408,5 млрд руб.^{*} В 2018 г. общая сумма ущерба, причиненного потерпевшим, достигла отметки в 563,1 млрд руб.^{**} За январь–декабрь 2019 г. преступными деяниями был причинен ущерб на общую сумму в 627,7 млрд руб.^{***}

---

* URL: <https://мвд.рф/reports/item/12167987/html> (дата обращения: 23.01.2020).

** URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/html> (дата обращения: 23.01.2020).

*** URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/html> (дата обращения: 23.01.2020).

Сегодня приходится констатировать, что официальная статистика по числу лиц, ставших жертвами противоправных деяний, отсутствует. Однако, благодаря совместному исследованию ВЦИОМ и Фонда поддержки пострадавших от преступлений, было выявлено, что только за 2016–2017 гг. потерпевшими от преступлений становились 7 % опрошенных россиян (т. е. примерно 10 млн чел.)^{*}. Более двух третей (около 70 %) опрошенных, обратившихся в правоохранительные органы либо признанных потерпевшими за последние 5 лет, указывали, что вред, причиненный им противоправными деяниями, так и не был возмещен^{**}.

Как видно, далеко не всегда вред, причиняемый потерпевшим, находит свое возмещение. На наш взгляд, помимо таких очевидных причин сложившейся ситуации, как неплатежеспособность преступников и несовершенство процедур взыскания, одним из ключевых факторов отсутствия должной защищенности лиц, ставших жертвами преступлений, является отсутствие четкого механизма государственной поддержки последних.

Известно, что изучение зарубежного законодательства во многом повышает ценность исследований в области юридической науки, предоставляет возможность ознакомиться с малоизученными до настоящего времени материалами [2, с. 10]. Кроме того, обращение к положительному зарубежному опыту правового регулирования тех или иных общественных отношений может стать хорошим подспорьем для нахождения рациональных путей решения существующих на сегодняшний день проблем юридической науки и практики, в частности проблемы своевременного и полного возмещения вреда потерпевшим от преступлений.

Следует отметить, что многие страны добились значительных успехов в законодательном и правоприменительном решении проблемы возмещения вреда потерпевшим именно благодаря созданию системы государственной компенсации жертвам противоправных деяний и смене вектора национальной уголовной политики с репрессивного на восстановительный. Некоторые исследователи считают, что именно восстановительное направление во внутригосударственном уголовном законодательстве может в полной мере способствовать процессу приведения в прежнее состояние нарушенных преступным деянием законных прав и интересов потерпевших, общества и государства [1, с. 172].

Финляндия стала одной из первых европейских стран, в которых законодатель стал уделять значительное внимание проблеме своевременного и полного возмещения преступного вреда потерпевшим. В рамках исследования уголовного законодательства Финляндии было проанализировано содержание Уголовного кодекса данной страны, а также некоторых законов.

Уголовный кодекс Финляндии (Rikoslaki) был принят еще в 1889 г., претерпев существенные изменения в 2015 г. Кодекс содержит ряд норм, по своему содержанию способствующих возмещению вреда жертвам преступных посягательств. Так, например в ст. 7 гл. 35 закреплено правило, согласно которому в зависимости от обстоятельств дела уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого может быть прекращено, если им был в полной мере возмещен ущерб потерпевшему. Исходя из смысла ст. 12 гл. 32 имущество преступника, конфискованное государством, может быть использовано для возмещения ущерба потерпевшему^{***}.

Первым нормативно-правовым актом, который содержал в себе значительное число более детальных положений, касающихся прав жертв противоправных деяний, стал Акт «О компенсации преступного вреда» (Rikosvahinkol) 1973 г. Позднее, в 1984 г. в данный акт были внесены изменения, закрепившие право потерпевшего на получение государственной компенсации за

---

* Оценка потенциала государственной сферы защиты прав потерпевших от преступлений: аналитический доклад. URL: <http://soprotivlenie.org/doc/analiticheskij-doklad-ocenka-potenciala/html> (дата обращения: 20.01.2020).

** URL: <http://soprotivlenie.org/doc/issledovanie-vciom-izuchenie-mneniya-naseleniya-otnositelno-bezopasnosti-zhizni-v-rf/>.html (дата обращения: 23.01.2020).

*** URL: <https://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1889/en18890039.pdf/html> (дата обращения: 20.04.2020).

причиненный преступлением вред здоровью и имущественный ущерб (ст. 1, 1а)*. В настоящее время основными законами, регламентирующими процесс возмещения вреда жертвам преступлений в Финляндии, являются законы «О компенсации ущерба» (Vahingonkorvauslaki)**, «О медиации по уголовным и некоторым гражданским делам» (Laki rikosasioiden ja eräiden riita-asioiden sovittelusta)*** и «Об уголовном ущербе» (Rikosvahinkolaki)****.

Закон Финляндии «О компенсации ущерба» был принят в 1974 г., а последние изменения претерпел в 2011 г. Данным законом определено, что если одно лицо причинило умышленно либо по неосторожности вред другому лицу, то оно обязано этот вред возместить (ст. 1, гл. 2).

Исходя из положений ст. 2 гл. 5 данного закона потерпевший имеет право на возмещение:

- 1) затрат на медицинскую помощь, лечение и, в случае необходимости, реабилитацию;
- 2) упущенной в результате совершения преступления выгоды;
- 3) ущерба, причиненного собственности потерпевшего.

Интерес представляет то, как финский законодатель раскрывает содержание вышеуказанных оснований возникновения права потерпевшего на возмещение вреда от лица, совершившего преступление.

В случае с возмещением потерпевшему затрат на необходимую медицинскую помощь, лечение и, в случае необходимости, реабилитацию должны учитываться: боль, страдания и другие временные неудобства потерпевшего; качество и степень сложности медицинского ухода за потерпевшим и его продолжительность.

Размер компенсации может быть увеличен в связи с ухудшением состояния здоровья потерпевшего (ст. 2-с гл. 5). Компенсация выплачивается потерпевшему до тех пор, пока его здоровье полностью не стабилизируется (ст. 2-d гл. 5). Если преступление повлекло за собой смерть потерпевшего, компенсация предоставляется близким родственникам умершего (родителям, детям, супругам), в частности на понесенные ими похоронные расходы (ст. 3 гл. 5).

Под упущенной выгодой, исходя из норм Закона Финляндии «О компенсации ущерба», понимается не просто доход, который потерпевший в результате совершенного преступления не получил, но мог бы получить, но и тот доход, который, по оценке потерпевшего, он смог бы получить с учетом его способности к заработку, образованию, предыдущей деятельности, шансов на переобучение, возраста, жизненных обстоятельств и других факторов (ст. 2-а гл. 5).

Ущерб собственности, в свою очередь, включает в себя либо стоимость самого имущества, которое могло быть потеряно либо уничтожено, или необходимую сумму на его ремонт, ставший необходимостью после совершения преступления (ст. 5 гл. 5).

Необходимо отметить, что в Финляндии активно применяется институт примирения потерпевшего и лица, совершившего преступление, в рамках процедуры медиации по уголовным делам с участием независимого посредника (медиатора). Регулируется данная процедура Законом «О медиации по уголовным и некоторым гражданским делам», вступившим в законную силу в 2006 г. (последние поправки были внесены в 2016 г.). На основании запросов от государственных обвинителей и полиции, содержащих сообщение о преступлении или протокол предварительного расследования, приложением к которому могут быть медицинское заключение, фотографии или иные связанные с делом документы, медиаторы связываются со сторонами дела для выяснения их желания принять участие в процедуре. Исходной точкой в этом является то, что все стороны дела участвуют в процедуре медиации добровольно и без принуждения [3, с. 32–34].

В соответствии со ст. 17 гл. 3 данного закона в обязанности медиатора входят:

* URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1973/en19730935.pdf/html> (дата обращения: 20.04.2020).

** URL: <https://www.finlex.fi/linkit/ajansd/19740412/html> (дата обращения: 21.04.2020).

*** URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2005/20051015/html> (дата обращения: 21.04.2020).

**** URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2005/20051204/html> (дата обращения: 21.04.2020).

- 1) организация встреч потерпевшего и лица, совершившего преступление, в рамках процедуры медиации;
- 2) проведение процедур медиации на принципах беспристрастности;
- 3) оказание сторонам помощи в поиске удовлетворяющего их решения;
- 4) предоставление сторонам информации о юридической помощи;
- 5) составление на основании достигнутого в процессе медиации соглашения соответствующего документа и заверение его подписями сторон.

Кроме того, медиатор должен способствовать тому, чтобы в рамках переговоров жертвы преступления и лица, это преступление совершившего, было достигнуто не просто формальное соглашение, а именно «истинное перемирие», а ущерб, причиненный потерпевшему, был в полной мере и в добровольном порядке возмещен преступником. Для последнего достижение основанного на перемирии сторон медиативного соглашения может быть основанием для смягчения наказания.

Данный вид урегулирования конфликта между потерпевшим и преступником, на наш взгляд, является прогрессивным, поскольку одновременно выполняет две важные задачи:

- 1) стимулирование лица, совершившего преступление, к позитивному постпреступному поведению, выражающемуся в примирении с потерпевшим и добровольном возмещении ему вреда;
- 2) создание условий для переосмысления преступником собственного образа жизни и последующего возвращения к нормальной жизни в обществе.

Начиная с 1994 г., повышению уровня защищенности прав и свобод жертв противоправных деяний помимо деятельности служб медиации также способствует работа Организации Финляндии по оказанию поддержки пострадавшим. Сегодня данная организация функционирует на национальном уровне, а ее специалисты и добровольцы осуществляют конфиденциальную психологическую поддержку потерпевших, членов их семей и свидетелей преступления; сопровождают их при посещении полицейских слушаний или судебных заседаний, а также оказывают им необходимую правовую помощь^{*}.

Еще одним источником уголовного законодательства Финляндии в рассматриваемой сфере стал Закон «Об уголовном ущербе», вступивший в силу в 2006 г. и претерпевший последние изменения в 2018 г. Нормы данного закона, по сути дела, дополняют положения Закона Финляндии «О компенсации ущерба» и направлены на обеспечение защищенности прав и свобод граждан Финляндии, ставших потерпевшими. Дело в том, что положения Закона Финляндии «О компенсации ущерба» применяются в том случае, когда лицо, совершившее преступление, может полностью возместить ущерб потерпевшему собственными средствами. Если же у преступника такая возможность по объективным причинам отсутствует или он может возместить лишь часть причиненного им ущерба, либо если он не был пойман полицией или его личность не была установлена, то в данном случае финские правоприменители руководствуются уже нормами Закона Финляндии «Об уголовном ущербе».

Статья 1 гл. 1 Закона Финляндии «Об уголовном ущербе» закрепляет положение, согласно которому именно государство может обеспечивать компенсацию преступного вреда, причиненного потерпевшему, причем как физическими, так и юридическими лицами. Кроме того, в нем определены пределы возможной государственной компенсации для потерпевшего в денежном эквиваленте. Так, исходя из содержания ст. 5 гл. 2 данного закона, в случае причинения потерпевшему вреда здоровью, верхняя граница выплачиваемой лицу компенсации может достигать до 125 евро в сутки. Аналогичная сумма в качестве суточной компенсации определена как предельная и для возмещения потерпевшему упущенной выгоды (ст. 8 гл. 2). Жертвы преступлений против половой свободы могут получить компенсацию на общую сумму в размере до 8800 евро. В случае, если жертва на момент совершения преступления

---

* URL: <https://e-justice.europa.eu/printContentPdf.do/html> (дата обращения: 21.04.2020).

была моложе 18 лет – 15000 евро (ст. 9 гл. 2). Максимальная же сумма государственной компенсации, на которую может рассчитывать потерпевший, составляет 51000 евро (ст. 10 гл. 2).

Порядок предоставления государственной компенсации определен в гл. 4 Закона Финляндии «Об уголовном ущербе». Согласно ст. 24 гл. 4, органом, присуждающим и выплачивающим компенсацию со стороны государства, является Государственное казначейство Финляндии. В соответствии со ст. 25–26 гл. 4 данного закона для того, чтобы получить государственную компенсацию, потерпевшему необходимо подать заявление напрямую в Государственное казначейство либо в местное отделение Главного управления социального обеспечения. К заявлению о выплате государственной компенсации потерпевший должен приложить:

- 1) копию решения о выплате компенсации, вынесенного судебными органами;
- 2) реквизиты и номер своего банковского счета;
- 3) информацию о имеющихся страховых полисах;
- 4) доказательства полученного ущерба в случае, если преступление не было рассмотрено в суде (копия протокола предварительного следствия или другое достоверное сообщение о причиненном ущербе).

Следует отметить, что после предоставления потерпевшему компенсации, государство имеет право на истребование выплаченных сумм с лица, совершившего преступление, в регрессном порядке (ст. 31, 32 гл. 5 Закона Финляндии «Об уголовном ущербе»).

Исходя из разъяснений Министерства юстиции Финляндии, правом на получение государственной компенсации преступного вреда в первую очередь обладают жертвы насильственных и сексуальных преступлений. Кроме того, если жертва преступления участвовала в судебном разбирательстве для дачи объяснений по делу, то она имеет право на возмещение расходов, понесенных ею в связи с явкой в суд. Лицу, ставшему потерпевшим, могут выплачиваться суточные, а также компенсация за путевые издержки и потерю доходов*.

Подводя итог анализу содержания источников уголовного законодательства Финляндии в области обеспечения возмещения преступного вреда потерпевшим, представляется возможным сделать вывод о том, что в этой стране действующая система поддержки лиц, пострадавших от преступлений, находится на высоком уровне и может стать хорошим примером для отечественного законодателя. Примером того, как проблема должной защищенности прав и свобод жертв преступных посягательств может эффективно решаться:

- 1) стимулированием преступников к добровольному и своевременному возмещению вреда потерпевшим уголовно-правовыми средствами;
- 2) законодательным закреплением обязанности государства обеспечивать надлежащую компенсацию жертвам преступлений, в случае невозможности ее выплаты лицом, совершившим противоправное деяние.

Литература

1. Кернаджук И. В., Кулеш Е. А., Самойлюк Н. В. К вопросу о целях уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. № 4 (81).
2. Никитенко И. В. Уголовное право Израиля о преступлениях против жизни и здоровья // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2019. № 4 (49).
3. Сопанен А. Медиация по гражданским и уголовным делам в Финляндии // *Медиация – альтернативный выбор: сб. ст. / под ред. С. Кортелайнен, Я. Койстинен. Йоэнсуу: Университет Восточной Финляндии, 2012.*
4. Суслин А. В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
5. Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 2000.

---

* Информация о правах жертвы преступления в Финляндии: брошюра Министерства юстиции Финляндии. URL: <https://oikeus.fi/material/attachments/oikeus/tietoarikoksenuhrinoikeuksista2017/YLek0gJHL/Venaja.pdf/html> (дата обращения: 21.04.2020).

УДК 343.35

НЕЦЕЛЕВОЕ РАСХОДОВАНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ

Артем Александрович Пастушенко, аспирант Хабаровского государственного университета экономики и права

E-mail: gotthard89@rambler.ru

В статье показаны конкретные правоприменительные ошибки, допускаемые при квалификации нецелевого расходования бюджетных средств. Раскрыто содержание этих ошибок, и описан механизм верного применения нормы ст. 2851 УК РФ с учетом требований иных, корреспондирующих норм действующего законодательства РФ. Сделан анализ возможных причин появления правоприменительных ошибок, подчеркнута их взаимосвязь с особенностями изложения уголовно-правовой нормы. Предлагаются варианты возможной предупредительной работы, направленной на недопущение аналогичных ошибок в дальнейшем.

Ключевые слова: нецелевое расходование бюджетных средств; бюджетные средства; бюджет; правоприменительная ошибка.

NO-PURPOSE EXPENDITURE OF BUDGETARY FUNDS: ENFORCEMENT ERRORS

Artyom Aleksandrovich Pastushenko, post graduate of the Khabarovsk State University of Economics and Law

This article shows the specific law enforcement errors made during the qualification of such a criminal action of a person as misuse of budget funds. The content of these errors is disclosed and the mechanism for the correct application of the norm of article 2851 of the Criminal Code of the Russian Federation is described taking into account the requirements of other, corresponding norms of the current legislation of the Russian Federation. An analysis is made of the possible causes of the occurrence of law enforcement errors, their relationship with the features of the presentation of the criminal law. Options for possible preventive work aimed at preventing similar errors in the future are suggested.

Keywords: no-purpose expenditure of budgetary funds; budgetary funds; budget; enforcement error.

Деятельность человека не исключает допущения ошибок. Последствия таких ошибок зависят как от характера самой ошибки, так и от той сферы, в которой она допущена. Не умаляя важности иных групп общественных отношений, отметим, что ошибки в сфере применения уголовно-правовых запретов могут нанести существенный вред не только указанной группе общественных отношений, но и иным, смежным с ними отношениям.

Так, неправомерное привлечение лица к уголовной ответственности может повлечь за собой нарушение права человека на свободу. Обратная ситуация, когда несовершенство правового регулирования или недостаточная квалификация правоприменителя приводит к фактическому уклонению лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, ущемляет права потерпевшей стороны и является прямым свидетельством нарушения принципов уголовного законодательства. При этом общим последствием обеих ситуаций является подрыв авторитета и престижа правоохранительных и судебных органов. Кроме того, указанные дефекты могут привести и к материальным потерям, которые выразятся как в необходимости предоставления имущественных компенсаций в рамках реабилитации, так

и в использовании дополнительных бюджетных средств на восстановление иных общественных отношений, не связанных с уголовно-правовым регулированием.

Проведенный анализ судебных актов показал, что одной из правоприменительных ошибок, допускаемых при расследовании и рассмотрении уголовных дел, связанных с нецелевым расходованием бюджетных средств, является неправильная оценка субъекта ст. 285¹ УК РФ.

Исходя из дефиниции «получатель бюджетных средств», содержащейся в ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ), к уголовной ответственности по ст. 285¹ УК РФ можно привлечь должностных лиц:

- органов государственной власти (государственных органов);
- органов местного самоуправления;
- органов местной администрации;
- находящегося в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенного учреждения, имеющего право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено БК РФ.

Наличие оговорки «если иное не установлено БК РФ» требует дополнительного анализа иных норм БК РФ.

Из содержания п. 7 и 8 ст. 241 БК РФ следует вывод о том, что в перечень участников общественных отношений по расходованию бюджетных средств, к которым применима ст. 285¹ УК РФ, входят должностные лица:

- органов военного управления, объединений, соединений и воинских частей;
- Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»;
- Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос».

Таким образом, к категории «юридическое лицо» относятся только три участника общественных отношений, указанных выше. Однако на практике правоприменитель отходит от установленного перечня потенциальных субъектов нецелевого расходования бюджетных средств.

Так, по результатам рассмотрения уголовного дела по обвинению Л. в том числе в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ, и Ш. в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ, указанные лица были признаны невиновными в совершении указанного преступления и оправданы по основанию отсутствия в их деяниях состава преступления*. Судом было отмечено, что указанные лица выполняли свои функции в МУП «Жилкомхоз» и непосредственного отношения к органам местного управления не имели, также они не были связаны с деятельностью муниципальных учреждений, а значит, не могли быть субъектами нецелевого расходования бюджетных средств.

Принимая во внимание, что должностные лица унитарных предприятий никогда не входили в число субъектов ст. 285¹ УК РФ, сложно понять, чем руководствовались сотрудники правоохранительных органов при предъявлении обвинения по указанной статье. При этом прослеживается неправильный подход к трактовке организационно-правовой формы юридического лица. Так, из вышеуказанного судебного решения видно, что правоприменитель ошибочно расценил факт передачи имущества в порядке безвозмездного пользования как свидетельство изменения организационно-правовой формы.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделенная правом собственности на имущество, закрепленное за ней собственником.

Безвозмездное пользование имуществом как форма распоряжения им не предусматривает запретов на ее использование в зависимости от организационно-правовой формы лица.

* Приговор Жигулевского городского суда от 28 апреля 2011 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Тем более, российское законодательство не рассматривает факт безвозмездного использования имущества как признак изменения формы юридического лица.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в Едином государственном реестре юридических лиц содержатся и сведения об организационно-правовой форме юридического лица.

Реорганизация юридического лица как действие, которое может привести к изменению организационно-правовой формы, также требует регистрации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, наиболее достоверным источником информации об организационно-правовой форме юридического лица являются сведения Единого государственного реестра юридических лиц.

Возвращаясь к приведенному примеру, отметим, что потенциально ст. 285¹ УК РФ могла быть применена к должностным лицам МУП «Жилкомхоз» в случае, если бы указанное юридическое лицо было преобразовано в казенное учреждение.

Правоприменительная практика также знает примеры, когда итогом судебного разбирательства по обвинению руководителей муниципальных унитарных предприятий являлись неоправдательные приговоры.

Так, действия директора МУП «Горкомхоз» по оплате выполнения работ и получения услуг, связанных с хозяйственной и коммерческой деятельностью предприятия, не предусмотренных условиями соглашений о предоставлении субсидий на содержание имущества, квалифицированы по ч. 1 ст. 285¹ УК РФ*. При этом правоохранительными и судебными органами необоснованно сделана отсылка к ст. 162 БК РФ, которой определены бюджетные полномочия получателя бюджетных средств. Кроме того, правоприменителем фактически отождествлялись понятия «получатель бюджетных средств» и «получатель субсидии», которые, исходя из норм БК РФ и Постановления Правительства РФ от 6 сентября 2016 г. № 887 [1], не являются равнозначными, и если ко второму муниципальное унитарное предприятие, безусловно, можно отнести, то получателем бюджетных средств, как уже отмечалось, оно быть не может.

Одной из обнаруженных ошибок является смешение статуса казенных учреждений, должностные лица которых в силу указанных правовых норм несут уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств, с иными типами учреждений (автономные, бюджетные).

Так, К., являясь руководителем муниципального автономного учреждения, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285¹ УК РФ**. Указанное учреждение в рамках муниципального задания и заключенных договоров должно было направить полученные в виде субсидии средства федерального бюджета на проведение ремонтных работ асфальтного покрытия. Однако К. было принято решение о направлении данных бюджетных средств на оплату текущей деятельности учреждения (оплата хозяйственных расходов; выплаты по заработной плате и др.). Формально в действиях данного должностного лица содержатся признаки нецелевого расходования бюджетных средств. Однако должностное лицо автономного учреждения не может быть субъектом данного состава преступления.

Как уже отмечалось, единственным типом учреждения, должностные лица которого попадают в сферу действия ст. 285¹ УК РФ, являются казенные учреждения. Такой же позиции придерживается Министерство финансов РФ [2]. Связано это с особым общеправовым статусом казенного учреждения, который определяется как бюджетным законодательством, так

* Постановление Сухоложского городского суда Свердловской области от 27 апреля 2017 г. URL: https://suholozhsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4800448&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

** Приговор Центрального районного суда г. Барнаула от 29 мая 2012 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и законодательством в сфере закупочной деятельности. Правовое же положение бюджетного и автономного учреждения является более «демократичным» и не связано с существенными ограничениями «правоспособности» казенного. Отметим, что до 12 мая 2010 г. таким статусом обладали бюджетные учреждения.

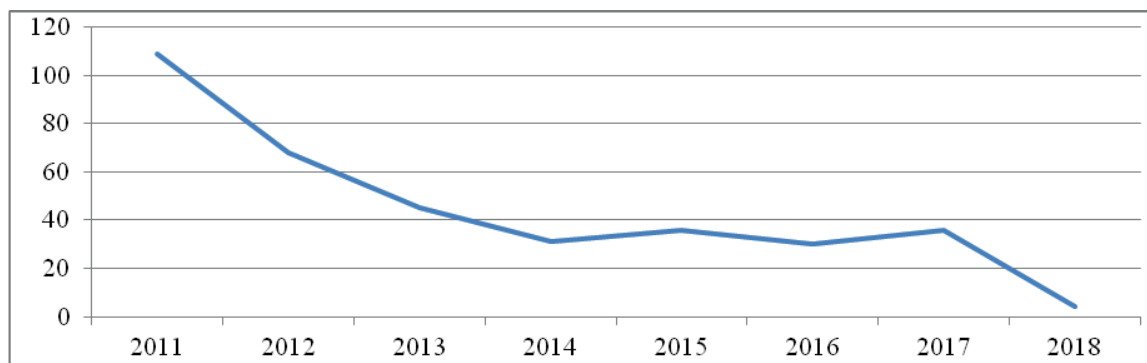
Даже если предположить, что описываемые выше события происходили в 2009 г., то правовой статус автономных учреждений остается неизменным со дня вступления в силу Федерального закона от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях», то есть с 8 января 2007 г.

Проведенный анализ судебной практики в сфере нецелевого расходования бюджетных средств показал наличие материально-процессуальных ошибок, допускаемых на стадии досудебного производства и связанных с неправильной оценкой объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 285¹ УК РФ.

Примером такой ошибки является ситуация, описанная в апелляционном постановлении Верховного суда Республики Дагестан от 24 апреля 2018 г.^{*} Так, в отношении А. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 285¹ УК РФ. Однако при возбуждении уголовного дела органами предварительного следствия фактически не учтено содержание объективной стороны инкриминируемого состава преступления – расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения. В частности, не было установлено, на какую именно статью (подстатью) Классификации операций сектора государственного управления должны были быть отнесены и произведены расходы, которые расценены как нецелевые. Кроме того, органы предварительного следствия ошибочно расценили передачу имущества от органа исполнительной власти к подведомственному ему учреждению как нецелевое расходование бюджетных средств, что в принципе противоречит сути бюджетных правоотношений.

Выявленные правоприменительные ошибки связаны как с неправильной трактовкой диспозиции ст. 285¹ УК РФ и норм иных отраслей законодательства, так и с игнорированием этих норм.

Вместе с тем, статистический анализ применения ст. 285¹ УК РФ показал ее минимальное практическое использование. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в период с 2011 по 2018 г. было зарегистрировано всего 359 преступлений, предусмотренных ст. 285¹ УК РФ. Статистические данные демонстрируют явную тенденцию на их снижение. В 2011 г. зарегистрировано 109 преступлений; в 2012 г. – 68; в 2013 г. – 45; в 2014 г. – 31; в 2015 г. – 36; в 2016 г. – 30; в 2017 г. – 36; в 2018 г. – 4^{**}.

Динамика количества зарегистрированных в 2011–2018 гг. преступлений, предусмотренных ст. 285¹ УК РФ

* Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 24 апреля 2018 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xxhyeCCSBmlT>

** URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209743;804701;1609734;2994866;7087734;9338947;12167987;16053092>.

Наличие правоприменительных ошибок при небольшом количестве зарегистрированных преступлений данного вида вызывает обеспокоенность относительно подхода правоприменителя к использованию такого серьезного инструмента, как привлечение к уголовной ответственности, тем более когда этот инструмент предназначен для защиты общественных отношений, которые связаны с выполнением государством его функций.

Работа по решению данной проблемы должна, на наш взгляд, проводиться по двум направлениям, которые условно можно назвать «субъективное» и «объективное».

Первое направление связано с личным совершенствованием профессиональных навыков правоприменителя, например, детальное изучение правового регулирования процесса исполнения бюджета по расходам с учетом специфики правового и бюджетного статуса разных участников таких общественных отношений.

Второе направление сопряжено с применением ресурса экспертного сообщества в области бюджетных правоотношений, как в рамках проведения судебных экспертиз, так и по линии соответствующих запросов в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные давать соответствующие разъяснения.

Следует также отметить, что наличие вышеописанных правоприменительных ошибок и явная нераспространенность такого преступления, как нецелевое расходование бюджетных средств, могут быть следствием неполноценности самой ст. 285¹ УК РФ. Так, наличие в диспозиции этой статьи неактуальных формулировок («уведомление о бюджетных ассигнованиях», «смета доходов и расходов»), а также общая несогласованность с понятием «нецелевое использование бюджетных средств», предусмотренным ст. 306⁴ БК РФ и ст. 15.14 КоАП РФ, создают дополнительные сложности ее применения. Кроме того, квалификация действий лица по ст. 285¹ УК РФ требует от правоприменителя умения анализировать нормы различных отраслей права, отсутствие этого уменьшает возможность качественного применения нормы.

Если сложившуюся ситуацию оставить без внимания, то можно прогнозировать появление новых типов ошибок при применении ст. 285¹ УК РФ. Полагаем, что оптимальным вариантом является принятие исчерпывающих мер по доработке ст. 285¹ УК РФ либо качественный пересмотр всего института уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств.

Литература

1. Об общих требованиях к нормативным правовым актам, муниципальным правовым актам, регулирующим предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг: постановление Правительства РФ от 6 сентября 2016 г. № 887. Доступ из СПС «Гарант».
2. О возможности привлечения должностного лица бюджетного учреждения к уголовной ответственности, предусмотренной статьей 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: письмо Минфина России от 21 ноября 2018 г. № 02–09–09/84082. URL: <http://docs2.cntd.ru//document/552051258>.

УДК 343.2/.7

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ГЕРМАНИИ

Сергей Евгеньевич Суверов, адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: s.suverovse95@mail.ru

В статье исследуется генезис института примирения с потерпевшим в уголовном праве Германии с древнейших времен. Автором оценивается влияние канонических норм на процесс заключения мирового соглашения с потерпевшим лицом. Проведено изучение норм средневекового права, которыми осуществлялось регулирование правоотношений с возможностью досудебного разбирательства путем принятия компромиссных решений между сторонами. В исследовании были поставлены проблемные вопросы реализации примирения сторон в уголовном праве Германии, вызывающие дискуссию в научной среде.

Ключевые слова: примирение с потерпевшим; Германия; уголовное право; потерпевший; обвиняемый; христианство; восстановительное правосудие.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION FOR RECONCILIATION WITH A VICTIM IN THE CRIMINAL LAW OF GERMANY

Sergey Evgenievich Suverov, post graduate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article investigates the genesis of the institution of reconciliation with the victim in the Criminal Law of Germany since ancient times. The author evaluates the influence of canonical norms on the process of concluding a settlement agreement with the injured person. The norms of medieval law were studied, which regulated the legal relations with the possibility of pre-trial proceedings by taking compromise decisions between the parties. The study raised the problematic matters of the implementation of the reconciliation of the parties in the Criminal Law of Germany, causing discussion in the scientific community.

Keywords: institute of reconciliation with victims; Germany; criminal law; victim; accused; christianity; restorative justice.

Одной из наиболее ярких особенностей современных отношений между различными государствами является увеличение их взаимного влияния друг на друга, усиление тенденций заимствования правовых норм и институтов. Обозначенная черта проявляется при компаративном исследовании уголовного права Российской Федерации и Федеративной Республики Германия (далее – ФРГ), поскольку указанные государства входят в романо-германскую правовую семью, имеют схожую иерархию источников права, а кроме того, на дореволюционное уголовное законодательство и научную доктрину нашего государства значительное влияние оказали труды немецких ученых-правоведов. Интересен тот факт, что именно в ФРГ весьма активно в последние годы обсуждаются вопросы развития и расширения практики применения восстановительного правосудия, поэтому, проводя подобные исследования, видится возможным наметить ориентиры для дальнейших изменений в собственной правовой системе.

Начиная с рассмотрения догосударственного периода развития германского общества, обратим внимание на тривиальный тезис о том, что его члены совершали различные деяния, которые приводили к причинению ущерба другим лицам или их роду. Следствием нанесения обиды становился посткриминальный конфликт, который необходимо было разрешать,

в противном случае он угрожал стабильности и возможности потенциального развития какого-либо социума.

Исходя из того, что на данном этапе отсутствовали властные институты, то наиболее важные вопросы деятельности общины решались на сельском сходе, который возглавлял староста. Одним из вопросов, выносимых на повестку, могло быть урегулирование возникшего между членами общины конфликта путем склонения их к миру.

По свидетельству римского историка Корнелия Тацита, примирение враждующих было возможно также и во время пиров [13, с. 22]. Более того, до падения Римской империи в воинственных немецких племенах предусматривались определенные ритуальные пиршества для заключения мирных соглашений [15, с. 10]. Соответственно, примирительные процедуры были закреплены в обычном праве в форме ритуальных обрядов. На рассматриваемом этапе в роли лиц, склоняющих враждующие стороны к заключению мира, выступали жрецы и старейшины, поскольку они обладали авторитетом в общине [11, с. 268].

Вместе с тем, проведение примирительных процедур не являлось основной формой разрешения спора, поскольку выводы, принимаемые на сходе общины, являлись не обязательными для исполнения, они реализовывались только после их признания и согласия на это сторон конфликта [8, с. 67].

Доминирующим вариантом реагирования на причиненную лицу или его роду обиду выступала кровная месть. Этому, в частности, способствовало утверждение в германских племенах языческих верований, поскольку человек, отказавшийся от осуществления вендетты, признавался трусом, потерявшим честь, тем, от которого отвернулись боги; данные негативные последствия касались всего его рода.

После падения Западной Римской империи в V в. начинается процесс образования государственности у германских племен, принимающих первые письменные законы – варварские правды (лат. *leges barbarorum*), в которых находят свое отражение нормы, регулирующие процедуру примирения между сторонами конфликта. На их содержание оказали влияния три основных фактора: 1) учреждение властных отношений в обществе; 2) принятие христианского учения; 3) рецепция римского права. Государство начинает стремиться к получению монополии на разрешение конфликтов, назначение виновным наказания. Деконструктивные последствия кровной мести вынуждают власть начать ее ограничение [23, с. 826].

Постепенно трансформация произошла и в общественном сознании, поскольку в случае примирения, отказа от вендетты плата пострадавшей стороне денег (композиции) стала восприниматься как откуп от мести, это были «деньги крови» (нем. *das Blutgeld*), которые не оскверняли принявшее их лицо [8, с. 65].

Говоря о роли римского права, укажем, что особое его влияние проявилось на землях, ранее входивших в Римскую империю, а позднее заселенных германскими племенами, которые сохранили многие правовые нормы, подвергшиеся «вульгаризации». Так, в источниках римского права содержались правила, предусматривающие возможность окончить спор при прощении потерпевшим лицом преступника и при условии выплаты последним определенной денежной компенсации [19, с. 34].

Принятие христианства детерминировало закрепление письменности, позволяющей фиксировать нормы (например, точные денежные суммы, уплачиваемые потерпевшему), что облегчало переговоры по улаживанию споров, а также укрепило зарождающуюся юрисдикцию властей. В частности, в Салической правде (лат. *Lex Salica*), изданной при короле Хлодвиге вскоре после принятия им христианского учения в 496 г., была обнаружена норма, направленная на склонение потерпевших лиц к отказу от кровной мести в пользу установления согласия. Например, если лицо упорствовало осуществить расправу после получения предложения о справедливом удовлетворении, его действия расценивались как преступление против

Бога, ему следовало исповедаться в этом грехе священнику и искупить его постом и другими формами покаяния [8, с. 76].

Кроме того, указанная тенденция прослеживается в Баварской правде (лат. *Lex Baiuvariorum*), закрепленной в VII–VIII вв., в которой в ст. 7 устанавливалось, что преступникам можно было получить убежище в христианском храме. При этом священники обращались к потерпевшим с просьбой о милосердии в отношении лиц, совершивших преступления, и объявляли им: «Нет такой тяжелой вины, чтобы нельзя было из страха перед Богом или из уважения к святым сохранить ему жизнь, так как Господь сказал: кто прощает, прощается и ему, а кто не прощает, то и ему не прощается» [4, с. 247].

Следующим правовым сборником Германии, составленным в 1221–1225 гг., является «Саксонское Зерцало» (нем. *Sachsenspiegel*), в котором отметим ст. 8, закрепившую процессуальную особенность прекращения конфликтов на различных стадиях, а именно: «Мировая [примирение] или обязательство прекратить вражду [файду], которые заключаются в суде, доказывались судьей и двумя свидетелями. Если же это имело место не перед судом, то тот, кому обещана мировая или обещано прекратить вражду, должен это доказывать сам» [12, с. 3]. Данный правовой источник использовался во многих германских городах и землях, на него нередко ссылались вплоть до 1900 г. [9, с. 421].

Перманентный процесс усиления государственной власти приводил к сокращению частных и диспозитивных начал в правовой сфере, что нашло свое выражение в Уголовно-судебном уложении – «Каролине» (лат. *Constitutio Criminalis Carolina*) [10], принятом Карлом V в 1532 г. и действовавшем на территории всей Священной Римской империи германской нации, в нем отсутствовали правовые нормы о примирении правонарушителя с потерпевшим. Вплоть до XVIII в. «Каролина» оставалась основным источником общегерманского права. С конца XVIII в. начинается эпоха партикулярных кодексов, действующих в отдельных землях.

Последующая трансформация государства привела к объединению немецких земель в Германскую империю. Единому государству требовалось принятие унифицированных нормативно-правовых актов. Таким источником для уголовного права стал Уголовный кодекс 1871 г.

Примечательно, что в данном нормативном правовом акте, так же как и в «Каролине», не нашли своего отражения нормы, устанавливающие возможность осуществления примирения правонарушителя с потерпевшим, несмотря на то, что уголовным законом и Уголовно-процессуальным кодексом Германской империи 1877 г. был закреплен институт частного обвинения, что предусматривало делегирование потерпевшему лицу широкого круга полномочий по инициативе прекращения уголовного преследования [3, с. 53].

На содержание УК колоссальное влияние оказали правовые и философские воззрения И. Канта, а также иных представителей немецкой философской школы. Единственной целью наказания, по мнению И. Канта, являлась необходимость осуществления справедливости, которая могла быть выражена лишь в назначении виновному лицу наказания. По мнению мыслителя, уголовный закон является категорическим императивом, что не допускает возможности освобождения преступника от всего наказания или даже от его части. В то же время, положения уголовно-правовой теории, разработанной А. Фейербахом, требовали неминуемого наказания человека в случае нарушения им закона. Аналогичного мнения придерживался И. Фихте, который полагал, что для достижения уголовным законом своих целей карательная сила государства неизбежно должна обрушиться на преступника [16, с. 52–53, 123, 166].

Следующая эпоха в развитии Германии, наступившая после произошедшей Ноябрьской революции 1918 г., ознаменовалась переходом к республиканской форме правления. Хотя коренное изменение основополагающих начал государственности требовало необходимых изменений правовой базы, ни один из многочисленных проектов нового уголовного закона так и не был принят, а на территории Веймарской Республики продолжал действовать УК 1871 г., в который были внесены определенные поправки.

Уголовное законодательство данного периода характеризовалось стремлением к изменению функции института наказания, поскольку его приоритетной идеей должно было стать исправление лиц, совершивших преступления, и их дальнейшая ресоциализация [2, с. 18]. Этому способствовало принятие ряда законов, позволявших заменить наказание в виде лишения свободы на денежный штраф [1, с. 189]. Данные тенденции в целом соотносились с общемировым кризисом классической системы наказания, возникшим на рубеже XIX–XX вв. [14, с. 31].

Приход к власти национал-социалистической немецкой рабочей партии во главе с А. Гитлером в 1933 г. стал предпосылкой к установлению режима фашистской диктатуры. Данный факт негативно сказался на развитии диспозитивных начал в уголовном праве, поскольку парадигма господствующей в обществе идеологии существенно усилила контроль государства над всеми сферами жизни, стали восхваляться идеи, сформированные в рамках антропологической школы уголовного права, в социуме культивировалась мысль, что преступником рождаются, а не становятся [7, с. 15]. Изменился взгляд на значение специальной превенции, наказание стало восприниматься как кара лицу за содеянное им, в рамках государства интересы отдельной личности не имели сколько-нибудь существенной ценности. Неудивительно, что данный период в немецкой литературе оценивается как время регресса уголовной политики [28, S. 90].

В то же время на территории государства продолжал действовать УК 1871 г., хотя за период с 1933 по 1945 г. были приняты и вступили в действие отдельные уголовно-правовые акты, отличавшиеся крайней реакционностью, присущей фашистской идеологии и политике.

Специфика национал-социалистической правовой теории определяла аксиологические установки уголовного права, которые стали приобретать имманентный характер: 1) признание развития и динамичности уголовного закона; 2) жесткая телеологическая ориентация уголовного закона; 3) враждебное отношения закона к принципу верховенства права [31, S. 5].

Грандиозные изменения произошли с устройством Германии после 1945 г., поскольку с этого времени необходимо рассматривать историю развития правовой системы этого государства с двух различных сторон: Германской Демократической Республики (ГДР) и ФРГ.

Обращаясь к исследованию уголовного законодательства ГДР, поясним, что ее создание относится к 1949 г., и только в 1968 г. был принят новый УК, отвечающий сформированной социалистической модели. В нем не закреплялись нормы, позволяющие при определенных условиях и основаниях освобождать лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности или наказания в связи с примирением. Определенное обоснование данного факта видится в содержании преамбулы УК ГДР: «Социалистическое уголовное право требует, чтобы каждый, кто виновен в совершенном преступлении или проступке, был привлечен к ответственности» [27].

В § 29 УК ГДР было установлено, что в качестве мер общественного воздействия, применяемых к лицам, виновным в совершении преступлений, являлись обязанности: 1) извиниться перед пострадавшей стороной или коллективом; 2) возместить причиненный ущерб и другие обязательства; 3) публично опровергнуть оскорбления. Исполнение обозначенного бремени также выступало условием прохождения лицом испытания при назначении ему условного наказания.

В свою очередь, ФРГ, которая также была образована в 1949 г., остановила свой выбор на ином векторе развития, связанном с капиталистическим укладом, рыночной экономикой. ФРГ признала юридическую силу УК 1871 г., который, однако, необходимо было в определенной степени реформировать, привести в соответствие с современными реалиями и потребностями.

Начиная с середины 80-х гг. XX в., среди западногерманских юристов началась дискуссия по поводу введения в уголовное право нормы о примирении преступника и потерпевшего [32, S. 321]. Прототипом для развития немецкой модели примирения с потерпевшим послужили проекты из США и Австрии [29, S. 561].

Впервые рассматриваемая правовая норма была закреплена в Законе «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» (1953 г.) путем принятия соответствующих поправок в 1990 г., которыми были расширены возможности по прекращению формального уголовного процесса [18, с. 51], предусмотрены новые основания для этого, в частности «компенсация преступник – потерпевший» (нем. Täter-Opfer-Ausgleich) [17, с. 135]. В соответствии с § 45 абз. 2 вышеупомянутого федерального закона прокурор наделяется правом на досудебной стадии прекратить уголовное преследование несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, в связи с его стараниями по достижению примирения с потерпевшим, которые приравниваются к мере воспитательного характера. Широкое распространение и внедрение данного подхода в ювенальной юстиции стало рассматриваться в немецкой научной литературе чуть ли не как новое уголовно-политическое «чудо-оружие» и многообещающая альтернатива наказанию [24, с. 8].

Основной источник уголовного права ФРГ – УК 1871 г. также закрепляет в себе норму о примирении с потерпевшим [5, с. 104]. Практика ее реализации в ювенальной юстиции сформировала положительное отношение к перспективам ее распространения на общее право, поэтому в УК ФРГ норма о примирении была введена в 1994 г. путем добавления § 46а. В указанном параграфе установлено, что суд может смягчить наказание или, если возможное наказание за совершенное преступление не превышает одного года лишения свободы либо денежный штраф в размере до 360-дневных ставок, полностью отказаться от назначения наказания [20, с. 407] при следующих обстоятельствах: 1) лицо, совершившее преступление, прилагая усилия для обеспечения компенсации потерпевшему, полностью или частично возмещает вред, причиненный своим деянием; 2) лицо, совершившее преступление, полностью или частично возмещает потерпевшему вред, причиненный преступлением, в случае, когда возмещение данного вреда требует существенных личных затрат либо отказа от чего-либо [21, с. 31].

Кроме обозначенных в уголовном законе условий, необходимых для применения данной нормы, существуют дополнительные требования, вытекающие из анализа решений Верховного суда ФРГ, в числе которых: 1) признание обвиняемым своей вины в инкриминируемом ему деянии; 2) согласие на примирение потерпевшего и его непосредственное участие в этом процессе; 3) отсутствие подкупа потерпевшего [6, с. 329–330].

Рассматривая уголовно-процессуальное законодательство, укажем, что процедура примирения предусматривается в § 155а (Преступник – жертва) УПК ФРГ: «Прокуратура и суд должны на любой стадии производства проверять возможность достижения соглашения между обвиняемым и потерпевшим. В приемлемых случаях они должны способствовать этому. При четко заявленном нежелании потерпевшего соглашение не может быть принято».

Интерес также представляет § 155b (Достижение соглашения) УПК ФРГ, в котором регламентируется процесс взаимодействия правоохранительных органов с частными и публичными службами, осуществляющими посредничество в процессе примирения [25, с. 50].

Таким образом, норма о примирении с потерпевшим урегулирована в трех нормативно-правовых актах: УК ФРГ, УПК ФРГ и Законе «Об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних» (применительно к специальным субъектам). При этом уголовно-материальное законодательство рассматривает примирение с потерпевшим как основание для смягчения наказания или освобождения от наказания, а уголовно-процессуальное законодательство и специализированный закон – как основание для прекращения уголовного преследования, как альтернативную форму урегулирования уголовно-правовых конфликтов.

Подчеркнем, что интеграция в уголовное право ФРГ института примирения, развитие компенсационных форм взаимодействия между субъектами криминального конфликта неоднозначно оцениваются исследователями. Одни полагают, что указанные явления не позволяют достичь целей наказания, а лица, совершающие преступления, чувствуют себя безнаказанными, другие же считают, что применение обозначенных процедур позволяет перейти от репрессивных методов к неинституциональному взаимодействию диалогического типа [30; 33].

Пристальное внимание к расширению сферы применения восстановительного правосудия позволило представителям немецкой уголовно-правовой науки сформулировать вопросы, связанные с соответствием обозначенного института такой цели наказания, как осуществление негативной общей (генеральной) превенции [35, S. 43].

Оспаривая данный тезис, ряд ученых полагает, что положение § 46а УК ФРГ не уменьшает устрашающего воздействия, поскольку не изменяет санкцию уголовно-правовой нормы, предусматривающую наказание [34, S. 66–70].

Также в немецкой науке подробно изучается проблема соответствия института примирения специальной превенции, а именно направленной на лиц, ранее совершавших преступления. Так, при исследовании многочисленных научных публикаций и имевшегося эмпирического материала был сделан вывод об отсутствии противоречия между ними [26, с. 142–143].

Не вышли из поля зрения и многочисленные вопросы процессуального характера, одним из которых является соответствие института примирения презумпции невиновности. Большинство авторов отвергают противоречие, а одним из главных их аргументов выступает требование о добровольности участия подозреваемого (обвиняемого) в примирении с потерпевшим. Сторонники другой точки зрения указывают, что формально вина подозреваемого при его примирении с потерпевшим не устанавливается, но само по себе предложение о примирении является «обвинением» лица в совершении им преступления. По их мнению, даже добровольное согласие на примирение на досудебной стадии нарушает гарантированную презумпцию невиновности в интересах всего общества [подробнее см.: 24, с. 35].

Как было отмечено выше, в процесс примирительных процедур вовлекаются различные частные органы, которые осуществляют свою деятельность в рамках ранее объявленных программ. Специалистами разрабатываются инструкции о том, какие необходимы условия для того, чтобы прокурор мог передать уголовное дело для его альтернативного разрешения в орган, осуществляющий медиацию. В то же время, по мнению сотрудников, осуществляющих эти программы, их развитию препятствует отсутствие поддержки со стороны полиции и прокуратуры, которым видится более предпочтительным направить уголовное дело в суд, чем юридически обосновать отказ от уголовного преследования [22, с. 23].

Особенностями исследуемого института в уголовном праве ФРГ являются, во-первых, его закрепление в качестве основания освобождения от наказания либо его смягчения; во-вторых, его применение осуществляется только судом и является его правом; в-третьих, существенным условием для его реализации является возмещение вреда, причиненного преступлением, в полном объеме или в значительной его части, а также учитываются усилия правонарушителя в этом аспекте; в-четвертых, в ФРГ создана целая система, направленная на продвижение идей восстановительного правосудия, альтернативных способов реагирования на уголовно-правовые деликты, в которую включены общественные и частные объединения и организации.

В заключение укажем, что в Германии институт примирения правонарушителя и потерпевшего имеет продолжительную историю. Он образовался еще в догосударственный период, получил серьезный толчок для своего развития после принятия христианства, а его отдельные положения получили закрепление в варварских правдах. Однако, начиная с периода Средневековья, он был исключен из законодательства. Данный факт не изменился после объединения независимых германских государств в единую Германскую империю и принятия УК 1871 г. Более того, лишь только в конце XX в., после прохождения государством очень тернистого и сложного пути развития, постепенно отдельные положения института были установлены в рамках ювенальной юстиции применительно к осуществлению уголовного преследования несовершеннолетних. Свое нормативное закрепление в общем уголовном законодательстве рассматриваемый институт получил лишь в 1994 г. после внесения соответствующих поправок в УК ФРГ.

Литература

1. Барышева К. А. Исторический анализ уголовной политики Германии (1871–1945 гг.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 4.
2. Бурцев А. Н. Пенитенциарная система Германии в XVI – начале XXI в. (историко-юридическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.
3. Горичева В. Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим как институт уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
4. Данилова Г. М. Аламанское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск: Карелия, 1969.
5. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2009.
6. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Велби; Проспект, 2006.
7. Забавко Р. А. Советское и немецкое уголовное право в годы Великой Отечественной войны: сравнительный анализ // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сб. тр. конф. Иркутск, 2015.
8. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Г. Д. Бермана. 2-е изд. М.: Норма, Инфра-М, 1998.
9. История государства и права зарубежных стран: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. 2-е изд., стер. М.: Норма, 2004.
10. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер. С. Я. Булатова; отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата: Наука КазССР, 1967.
11. Коломытцева В. В. Этапы становления медиации в зарубежных странах // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 2.
12. Корецкий В. М. Саксонское Зерцало: памятник, комментарии, исследования. М., 1985.
13. Корнелий Тацит. Сочинения в 2-х т. Т. I. Анналы. Малые произведения / пер. и коммент. А. С. Бобовича; под общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993.
14. Нечепуренко А. А. Роль теоретического правосознания в возникновении института уголовного испытания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1.
15. Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. М.: АСТ, 2012.
16. Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940.
17. Пютц Э. Краткое введение в практику немецкого уголовного права по делам несовершеннолетних и применения ареста в земле Северный Рейн-Вестфалия // Психология и право. 2012. Т. 2. № 4.
18. Серебренникова А. В., Бахвалова Л. А. Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних как источник дополнительного уголовного права Германии: общая характеристика // Академический юридический журнал. 2010. № 3 (41).
19. Суверов С. Е. Примирение правонарушителя с потерпевшим в Древнем Риме // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20–2.
20. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. М.: Омега-Л, Ин-т междунар. права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003.
21. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл. А. В. Серебренниковой. М.: Зерцало, 2000.
22. Усс А. В. Примирение вместо наказания (как течение в правоприменительной практике) // Правоведение. 1990. № 6.
23. Филатова У. Б. [и др.]. Медиация в уголовном процессе: анализ правового регулирования в Федеративной Республике Германия // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4.
24. Щедрин Н. В., Юрков В. В. Примирение преступника и потерпевшего в системе ювенальной юстиции ФРГ: учеб. пособие. Красноярск: ИПК СФУ, 2009.
25. Юрков В. В. Институт примирения с потерпевшим в системах обращения с несовершеннолетними правонарушителями в России, Австрии и Германии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 1.
26. Юрков В. В. К вопросу о совместимости института примирения с потерпевшим с целями наказания (на примере немецкого уголовного права) // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2008. № 3.
27. Strafgesetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik. StGB. vom 12. Januar. 1968.
28. Baumann I. Dem Verbrechen auf der Spur: Eine Geschichte der Kriminologie und Kriminalpolitik in Deutschland, 1880 bis 1980. Göttingen, 2006.
29. Böttcher R., Weber K. Erstes Gesetz zur Änderung des Jugendgerichtsgesetzes // NStZ, 1990.
30. Frehsee D. Verhaltenskontrolle zwischen Strafrecht und Zivilrecht. Krim. J 2, 1986.
31. Gerhard Wolf: Befreiung des Strafrechts vom nationalsozialistischen Denken? In: Humboldt Forum Recht 9/1996.
32. Hartmann Ute. Victim-offender reconciliation with adult offenders in Germany in international victimology: Selected papers from the 8th International Symposium – proceedings of a symposium held in Adelaide, 21–26 August 1994, ed. by Chris Sumner, Mark Israel, Michael O-Connell and Rick Scarre, 1996.
33. Kaiser G. Abolitionismus – Alternative zum Strafrecht? // FS für K. Lackner. Berlin u. a., 1987.
34. Pielsticker S. § 46a StGB: Revisionsfalle oder sinnvolle Bereicherung des Sanktionenrechts? Berlin, 2004.
35. Schimmel D. Täter-Opfer-Ausgleich als Alternative? Frankfurt am Main: Lang, 2000.

УДК 343.9

БРАКОНЬЕРСТВО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Лариса Александровна Крушанова, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, кандидат исторических наук
E-mail: larrie@list.ru

В данной статье сделана попытка проследить эволюцию браконьерства на российском Дальнем Востоке в 1990–2000-е гг., выявить влияние постсоветских экономических реформ на характер и динамику регионального браконьерства. В статье представлен анализ браконьерства не только как противоправного деяния, но и как одного из способов адаптации дальневосточного населения к рыночным реформам.

Ключевые слова: браконьерство; трудовая занятость; криминальная деятельность; Россия; Дальний Восток.

POACHING IN THE FAR EAST OF RUSSIA IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

Larisa Aleksandrovna Krushanova, senior researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography peoples of the Far East FEB RAS, *kandidat nauk* degree in Histori

This article attempts to trace the evolution of poaching in the Russian Far East in the 1990s and 2000s., to identify the impact of post-Soviet economic reforms on the nature and dynamics of regional poaching. The article presents an analysis of poaching, not only as an illegal act, but also as one of the ways to adapt the Far Eastern population to market reforms.

Keywords: poaching; employment; criminal activity; Russia; the Far East.

В современном мире проблема браконьерства стоит достаточно остро. Охота и рыболовство с древнейших времен были способами физического выживания человека. Однако стремление взять у природы больше, чем необходимо для простого физического выживания, не раз приводило к тому, что истреблялись многие виды животных. Сохранение видового разнообразия – это вопрос сохранения человека как биологического вида. Поэтому в современном мире так популярны экологические партии и организации.

В России проблемы защиты природы не менее актуальны. Реформы 1990-х гг. оказали негативное влияние на социальную структуру и занятость в Дальневосточном регионе. В этих условиях браконьерство стало не только способом выживания для некоторых слоев населения, но и сферой криминального бизнеса и показателем вседозволенности для некоторых представителей власти и имущих.

Тема браконьерства привлекает внимание специалистов в разных научных сферах: юридической, экологической, исторической и экономической. Браконьерство рассматривают с различных сторон, в том числе с позиций природоохранного и уголовного законодательства, как социальный вызов и реакцию определенных групп населения на рост безработицы в результате реализации экономических реформ [1], как вид криминально-профессиональной деятельности [3]. Особое внимание уделяется личности браконьера [4]. На данное явление авторы чаще всего смотрят либо как на вид преступления и как на составляющую криминального бизнеса, либо как на специфическую форму досуга, но крайне редко как на вид деструктивной трудовой занятости, направленной на получение незаконного дохода, как на способ выживания в трудной социально-экономической ситуации.

Свою нишу занимают диссертационные работы, исследующие браконьерство на Дальнем Востоке в целом (А. А. Дежурный, 2004), отдельные его виды, среди которых незаконная порубка деревьев и кустарников, уничтожение или повреждение лесов (О. В. Шарипова, 2006), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (Е. П. Ильина, 2015), а также исследующие уголовную политику в сфере обеспечения безопасности животного мира (А. М. Максимов, 2015) и др.

В зарубежной научной литературе проблеме браконьерства посвящено большое количество публикаций с разнообразной тематикой: проблема «неработающих» законов о браконьерстве [12], бедность и браконьерство [13], влияние национально-этнической культуры на браконьерство [14], браконьерство как форма сопротивления [15] и др.

Проведенный анализ работ позволяет прийти к выводу о существовании различных точек зрения на причинность браконьерства. Отечественные и зарубежные исследователи установили, что слабо работающий механизм природоохранного законодательства, культурные нормы и традиции, а также бедность населения – вот три кита, на которых стоит браконьерство.

Браконьерство как социально-экономическое явление известно с давних времен. В отечественном законодательстве наказание за него упоминается ещё в Русской Правде. Достаточно строго природные ресурсы государство охраняло в советский период. «Постсоветское» браконьерство стало существенно отличаться от «советского». Так, советский тип браконьерства представлял собой либо вид мужского досуга (любительские охота и рыбалка с нарушением правил), либо способ получения дефицитных продуктов и товаров (рыба, икра, дичь, мех); он не имел массового характера. В браконьерстве постсоветского периода перепелась два уровня преступной деятельности – преступность маргинальных слоев населения, оставшихся на обочине жизни в ходе реформ 1990-х гг., и корыстная преступность, совершаемая определенной категорией лиц в целях личного обогащения. К мотивации совершения преступления – иметь досуг и трофей, способ улучшения условий жизни (питания) – добавился корыстный мотив. Браконьерство стало совершаться организованными преступными группами.

Феномен браконьерства представляется многоаспектным явлением. В советском уголовном законодательстве (УК РСФСР 1960 г.) под браконьерством понимались противоправные деяния, предусмотренные ст. 163, 164, 166 и 169, которые помещались в главу, посвященную хозяйственным преступлениям. Статья 163 УК РСФСР предусматривала наказание за незаконное занятие рыбными и другими водными промыслами, статья 164 УК РСФСР – за незаконный промысел котиков или бобров, ст. 166 – за незаконную охоту, ст. 169 – за незаконную порубку леса.

В современном российском уголовном законодательстве статьи, предусматривающие санкции за браконьерство, помещены в раздел IX Особенной части УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»: ст. 253 (Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации), ст. 256 (Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов), ст. 258 (Незаконная охота), ст. 260 (Незаконная рубка лесных насаждений). Для браконьерства характерно то, что оно всегда посягает на экологическую безопасность.

За браконьерство предусмотрена не только уголовная, но и административная ответственность. О. В. Шарипова и М. Г. Ильина на примере браконьерства в сфере лесодобычи отмечают, что для квалификации незаконной рубки имеет значение размер ущерба, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам. Если ущерб причинен в значительном размере (более 5 тыс. руб.), то предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 260 УК РФ. Отсутствие такого ущерба автоматически переводит незаконную рубку деревьев, кустарников и лиан в категорию административных проступков (ст. 8.25, 8.28 КоАП РФ), поскольку содеянное не достигает степени общественной опасности, присущей преступлению [10, с. 96].

Аналогично рассматриваются деяния в области нарушения правил охоты и рыболовства. Если ущерб, причиненный, например, в результате незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов не превышает 100 тыс. руб., а в результате незаконной охоты – более 40 тыс. руб., то такое деяние попадает в категорию административных проступков (ст. 8.37 КоАП РФ).

Что же представляет собой браконьерство? В. С. Ишигеев и А. Я. Бондарь браконьерство понимают в том ключе, в котором оно рассматривалось в правовой науке советского периода и объединяло такие его виды, как незаконную охоту и незаконное рыболовство. Это определение дается в Большом юридическом словаре: добыча или уничтожение диких животных с нарушением правил охоты, рыболовства и других требований законодательства об охране животного мира. По мнению авторов, «такая позиция представляется наиболее правильной, так как нельзя не заметить однородность незаконной охоты и рыболовства, что особенно ярко прослеживается в действиях браконьеров в регионах Нижней Волги, Сибири и Дальнего Востока» [3].

Современные реалии свидетельствуют о том, что данное определение браконьерства хотя и сохраняет доминирующие позиции, уже представляется существенно устаревшим. Если в советский период браконьерство представляло собой посягательства только на лесную и водную фауну, то в постсоветский период объектом посягательств, особенно в регионах традиционных лесозаготовок (Дальний Восток, Сибирь, Республика Коми, Мурманская и Архангельская области), стала флора, прежде всего леса и краснокнижные растения (например, женьшень). Поэтому под браконьерством мы склонны понимать добычу или уничтожение объектов флоры и фауны с нарушением природоохранного, уголовного и административного законодательства.

Следующий вопрос касается классификации данного феномена – видов и форм браконьерства. Так, к видам браконьерства мы относим незаконную охоту, незаконный лов рыбы и других речных, морских и океанических обитателей, незаконную вырубку леса и незаконный сбор растений. Под формами браконьерства мы понимаем индивидуальную, групповую, организованную, VIP-браконьерство. Браконьерство имеет временные рамки: случайное (разовое), сезонное (например, период нереста лососевых или осетровых пород рыб, время сбора дикоросов) и круглогодичное (например, рубка лесов и охота).

К концу советского периода кризисные явления в экономике стали проявляться все более отчетливо. В 1988–1992 гг. правительство провело три реформы: 1) кооперацию, 2) конверсию, 3) приватизацию и либерализацию цен, нацеленные на получение быстрого экономического эффекта. В результате приватизации в конце 1992 – начале 1993 г. в частные руки перешло 40 тыс. мелких предприятий и более 180 тыс. крестьянских хозяйств [8, с. 1021]. Правительство, пытаясь объединить отраслевую специализацию Дальнего Востока с рыночными преобразованиями (ибо курс на реформы был predetermined), приступило к апробации рынка. В качестве модели была выбрана СЭЗ – свободная экономическая зона. При этом руководство страны ставило амбициозные задачи – сделать конкурентоспособной российскую, в том числе дальневосточную продукцию. Аргументы для выбора Дальневосточного региона экспериментальной площадкой были традиционные – это выгодное географическое положение, огромный природно-ресурсный, производственный и кадровый потенциал. Но соседи – Китай, Япония, Южная Корея и другие восточно-азиатские государства не нуждались в советско-российских конкурентах, им нужны были природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока [6, с. 191].

Обратной стороной трех реформ стали действительно «шоковые» результаты, к которым подавляющая часть населения была не готова. На институциональном уровне окончательно была сломана отечественная экономическая система, созданы благоприятные условия

для роста «теневого» сектора, социального неравенства, на личностном уровне произошел разворот правосознания некоторых групп еще вчера советских граждан на 180 градусов.

Рыночные реформы привели к росту безработицы и тотальному обнищанию дальневосточного населения. Безработными в Дальневосточном экономическом районе и Читинской области считались 656 тыс. чел., что составляло 8 % от общероссийской численности этой группы населения. На Дальнем Востоке в октябре 1998 г. общий уровень безработицы составил 15,1 % [2]. В тяжелом положении оказались вчерашние работники аграрного сектора. Причем в отличие от городского населения, они были существенно ограничены в области приложения своего труда.

Реформы 1990-х гг. создали условия для развития криминальной экономики [11, с. 406–407]. Одновременно шло становление новых законодательных, экономических, финансовых механизмов и институциональных структур. Удаляясь от тех лет все дальше и дальше, невольно соглашаешься с точкой зрения украинского исследователя И. П. Рущенко, что криминализация всех сфер общественной жизни стала социетальным фактором развития российского общества [7, с. 86].

Специфика развития рыночных отношений вынуждала население решать проблему выживания разными методами. Длительное время основным источником дохода дальневосточников являлась заработная плата на основе полной трудовой занятости. Реформы 1990-х гг. внесли значительные коррективы в ее характер. Так, менее чем за пятилетний период немалая часть аграриев, военнослужащих, работников промышленных предприятий превратилась в безработных. Ситуацию на рынке труда усугубляли трудовые мигранты, которые претендовали на немногочисленные рабочие места в новой экономике: неквалифицированный труд в торговле, на транспорте, в добыче сырья и строительстве. Поиск источника доходов способствовал перетоку трудовых ресурсов из села в город или из кризисных отраслей и предприятий – в работающие. Вследствие социальных трудностей некоторые безработные или низкообеспеченные граждане осваивали криминальные практики «черного» и «серого» рынка. В палитре новых социально-трудовых отношений появились на одном конце организаторы криминального бизнеса, на другом – жертвы социального исключения и дискриминации, которым нужно было выжить в этих условиях. Формой трудовой занятости некоторых граждан стала временная работа без всяких социальных гарантий в добывающих отраслях, основанная на расхищении природных ресурсов страны, – браконьерство, ставшее способом обогащения для одних и выживания для других.

Отличительной чертой браконьерства постсоветского периода, в противовес позднесоветскому периоду, стала его масштабность, способствовавшая тому, что добытая браконьерским способом продукция (лес, рыба, морепродукты, дериваты) становилась предметом экспорта либо легально, либо контрабандой. Масштабность браконьерского промысла подтверждается следующими цифрами: с 1999 по 2009 г. во всех заповедниках России (а их на территории нашей страны 100) каждый год составлялось около 5000 протоколов за нарушение заповедного режима. Из них по самовольным порубкам – 259 протоколов, по незаконной охоте – 536, по незаконному рыболовству – 1165, по незаконному сбору растений – 820 (данные на 2009 г.). В эти годы, как говорят лесничие, браконьерство в России приобрело масштабы национальной катастрофы*.

О легальном пересечении границы российских ресурсов свидетельствует соотношение цифр по добыче в России и экспорту сырьевой продукции из России. В 1990–1996 гг. удельный вес обрабатывающего сектора уменьшился за с 31 до 13 %, но при этом объем экспорта вырос с 118 до 1254 млн дол., т. е. в 10 с лишним раз. В структуре экспорта преобладали сырьевые ресурсы – рыба и морепродукты, лес и лесоматериалы, руды и концентраты цветных метал-

* URL: <https://www.agroxxi.ru/zhurnal-agroxxi/fakty-mnenija-komentarii/brakonerstvo-v-rossii-stalopriobretat-masshtaby-nacionalnoi-katastrofy.html> (дата обращения: 18.02.2019).

лов, борсодержащее сырье [9, с. 183]. Анализ динамики экономики 1990-х гг. дает основание считать, что сырьевой сектор (рыбная, лесная и некоторые другие отрасли) «развивался» посредством браконьерства.

Согласно косвенным данным, во многих регионах без охотничьего билета и лицензий в 1990-х – начале 2000-х гг. охотились около 20 % городских любителей охоты и от 30 до 80 % сельских охотников. Лесное браконьерство стало занятием либо для очень бедных, либо для очень богатых. Как считают местные любители охоты и рыболовства, если рыбачить по закону, то ничего не поймает, и если охотиться по закону, зверя не добудешь. По-честному, по закону, не получается. Нарушать законодательство, особенно об охоте, вынуждают сами чиновники. Они выдают разрешение на охоту в тех угодьях, где зверя нет, и на реках рыбачить разрешено там, где рыбы нет.

В 1990–2000-е гг. браконьерство вышло за рамки бытового потребления, став формой преступного бизнеса. Российский Дальний Восток, например, для лесного браконьерства считается одним из привлекательных регионов. Добычей браконьеров в эти годы становились и краснокнижные птицы – соколы-кречеты для нелегальной поставки на арабский черный рынок* и животные – тигр, кабарга, гималайские или бурые медведи. В соседнем Китае востребованы дериваты – лапы медведей, мускусная железа кабарги, панты оленя и проч. Особое место в этом списке занимает дальневосточный женьшень. По экспертным оценкам, с 1991 г. вывоз корня женьшеня из Приморья в Китай достигал до 1000 кг в год. Объем нелегальной торговли мускусной железой кабарги в 1999–2000 гг. составлял 400–450 кг, что в 5 раз превышает объем легальной торговли [5, с. 70–71]. Колоссальными выглядят доходы от браконьерского промысла. Например, в 2009 г. 1 кг медвежьих лап можно было продать за 1 тыс. дол. и выше**. Осенью 1996 г. стоимость 1 кг корня женьшеня составляла в среднем 40 тыс. дол., мускусной железы кабарги на внутреннем рынке – 4–5 тыс. дол. и т. д. [5, с. 114].

Тяжелейшая ситуация складывалась в речном рыболовстве. Так, в 2009 г. в ходе рейдов удавалось выявить всего от 2 до 5 % случаев ловли рыбы сетями, тогда как во многих регионах (например, в Амурской области, Хабаровском крае) такой лов практикует чуть ли не 90 % сельского населения. По данным фонда WWF, браконьерский промысел осетровых в Амуре превышает общий допустимый улов в 7–8 раз. В итоге браконьерами вылавливается практически 100 % заходящих на нерест производителей***.

Более точное представление о динамике браконьерства в Дальневосточном регионе в начале 2000-х гг. дают табл. 1, 2, 3****.

* Кара-Мурза С. Г. Опять вопросы вождям. URL: <http://www.x-libri.ru/elib/krmrz001/00000081.htm> (дата обращения: 18.02.2019).

** URL: <https://russian.rt.com/nopolitics/article/486555-kamchatka-brakonery-borba-inspektory> (дата обращения: 20.02.2019).

*** Кара-Мурза С. Г. Опять вопросы вождям.

**** URL: <http://protown.ru/information/hide/2665.html> (дата обращения: 10.05.2020).

Таблица 1

**Динамика зарегистрированных в ДФО в 2003–2007 гг. преступлений,
предусмотренных ст. 256 УК РФ**

Субъекты ДФО	2003	2004	2005	2006	2007
Приморский край	99	108	173	221	181
Хабаровский край	272	315	401	762	555
Амурская область	2	0	0	3	11
Камчатская область	54	69	236	464	310
Магаданская область	18	27	34	43	61
Сахалинская область	315	416	438	552	566
Еврейская авт. область	0	0	0	1	3
Корякский авт. округ	36	5	8	9	-
Чукотский авт. округ	1	3	13	16	19
ДФО	799	943	1304	2074	1708

Таблица 2

**Динамика зарегистрированных в ДФО в 2003–2007 гг. преступлений,
предусмотренных ст. 258 УК РФ**

Субъекты ДФО	2003	2004	2005	2006	2007
Приморский край	14	20	19	10	17
Хабаровский край	4	8	12	31	12
Амурская область	2	6	6	10	11
Камчатская область	7	3	7	6	6
Магаданская область	2	0	1	1	2
Сахалинская область	4	3	3	0	5
Еврейская авт. область	2	2	1	4	5
Корякский авт. округ	1	0	0	3	-
Чукотский авт. округ	2	3	4	2	4
ДФО	48	52	59	71	67

Таблица 3

**Динамика зарегистрированных в ДФО в 2003–2007 гг. преступлений,
предусмотренных ст. 260 УК РФ**

Субъекты ДФО	2003	2004	2005	2006	2007
Приморский край	453	404	439	533	639
Хабаровский край	192	200	203	277	349
Амурская область	172	175	167	198	271
Камчатская область	2	1	4	9	16
Магаданская область	2	2	4	3	3
Сахалинская область	10	16	26	28	54
Еврейская авт. область	18	32	33	38	47
Корякский авт. округ	0	0	1	0	–
Чукотский авт. округ	0	0	0	0	0
ДФО	851	842	883	1093	1401

Данные табл. 1 отразили двукратный рост преступлений за незаконную добычу водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) в ДФО (+213,6%), в том числе в Приморском и Хабаровском краях (по +200%), на Сахалине (+179,6%). Шестикратный рост преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, произошел в Камчатском крае, но при этом в Корякском автономном округе с 2003 по 2006 г. количество таких преступлений сократилось в 4 раза.

На Дальнем Востоке наблюдается относительно невысокий рост преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ (Незаконная охота), что, по нашему мнению, обусловлено комплексом факторов. Во-первых, по сравнению с браконьерством лососевых или осетринных, для которого необходимы только рыболовные сети, для охоты нужны охотничий билет и ружье, цена которого существенно превышает цену сетей. Во-вторых, выявить рыбных браконьеров значительно проще, поскольку инспекторы Рыбнадзора прекрасно знают места нерестилищ. Охота, в отличие от рыболовства, требует постоянного передвижения за зверем, а в силу огромнейшей территории и удаления от центров браконьеров-охотников выявить гораздо сложнее, чем браконьеров-рыбаков. В-третьих, охотничье браконьерство является высокозатратным и неприбыльным занятием, в отличие от рыбного браконьерства.

На Дальнем Востоке браконьерским способом добывают не только красную и черную икру и ценные породы рыб, но и промысловую рыбу и морских беспозвоночных в Беринговом, Охотском и Японском морях. По данным Рыбнадзора, каждое третье судно в этом регионе является браконьерским. В 2006–2007 гг. в Охотском и Беринговом морях было задержано 121 российское и 48 иностранных судов-браконьеров*.

В 1990-е гг. наряду с «речными» браконьерами сотрудники федеральных природоохранных структур фиксировали появление, а затем и рост численности прибрежных браконьеров. Социально-экономический кризис на прибрежных и островных территориях оказался не менее сильным, чем в других производственных сферах – сельском хозяйстве, легкой промышленности и машиностроении. В советское время население этих территорий, например, в Приморье в пос. Славянка, бухте Андреева (рядом с Большим Камнем), на о-ве Попова, в крупных городах Владивостоке и Находке, было занято на рыбозаводах. С началом либеральных реформ рыбная отрасль региона претерпела негативные изменения: упал спрос на дальневосточную рыбу в Европейской России; сократился добывающий флот, который занимал

* Кара-Мурза С. Г. Опять вопросы вождям.

ся морским и океаническим рыболовством; рыбозаводы стали закрываться – все это привело к появлению безработицы в этой ведущей региональной отрасли. Ситуацию усугубляло и то, что резко ухудшилось транспортное сообщение с этими территориями. Поколение 40-летних и старше адаптировалось к новым социально-экономическим условиям, стараясь сохранить официальное место работы и стабильный, хотя и небольшой заработок. Более молодое поколение было сильнее мотивировано на высокий заработок, хотя бы и в неформальной экономике.

Традиционно в южном Приморье любители морских деликатесов (гребешок, трепанг, мидии, морской еж и пр.), используя только трубку, маску и ласты, добывали их для личного потребления в июле-августе. Либерализация экономических отношений создала комплекс условий для коммерциализации добычи морепродуктов. Высокий спрос на трепанга и морепродукты в Китае, появление в продаже оборудования для ловли (катера, гидрокостюмы, акваланги и т. п.), ослабление государственного контроля в экономической сфере позволили заниматься прибыльной деятельностью, но наносящей в то же время колоссальный экономический и экологический ущерб государству и обществу. Причем в отличие от любителей подводного плавания советского периода постсоветские «профессионалы» с помощью современной экипировки сделали добычу морепродуктов всесезонной.

В 2000–2010 гг. браконьерством как видом трудовой деятельности в 25–30 % случаев занимались селяне, около 5 % случаев браконьерства приходилось на долю олигархов и высокопоставленных чиновников. В остальных случаях (65–70 %) браконьерство – это хорошо налаженный бизнес преступных группировок, имеющих каналы сбыта за границу. Для них браконьерство представляет широкомасштабную незаконную продажу природных богатств, в отличие от тех жителей периферии, для которых данный вид деятельности является способом добывания средств к существованию*. Не последнюю роль в росте браконьерства в эти годы играли достаточно лояльное отношение инспекторов к браконьерам и относительно мягкие наказания, выносимые судом, если их удавалось привлечь к уголовной ответственности. Скорее всего, сочувствие к людям, оставшимся без работы и денег, и понимание ситуации, что только таким способом люди могут «заработать» хоть что-то, влияло на поведение рыбинспекторов тех лет. Не менее лояльны были и суды. Так, например, в сентябре 2011 г. в Фокинском районном суде Приморского края рассматривалось дело в отношении О. и Р., совершивших преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 256 УК РФ. Добыв 266 особей гребешка, они причинили ущерб Российской Федерации в размере 11 172 руб. Суд приговорил обоих обвиняемых к одному году лишения свободы условно с возмещением солидарно в доход государства 11 172 руб.**

Однако не всегда браконьерство являлось способом выживания в трудных условиях. Так, в мае 2011 г. во Фрунзенском районном суде г. Владивостока рассматривалось уголовное дело в отношении П., обвиняемого по ч. 3 ст. 256 УК РФ. Суд установил, что П., осуществляя управление иностранным рыбодобывающим судном, руководил незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов в районе мыса Гамова (Японское море, Приморский край), а именно не имея соответствующего разрешения, добывал крабов. В результате преступной деятельности Российской Федерации был нанесен ущерб в размере 969058 руб.***

Ущерб от действий браконьеров достигает астрономических сумм. По данным Департамента государственной политики и регулирования в сфере охотничьего хозяйства и объектов животного мира Минприроды России, ежегодный объем браконьерства оцени-

* Кара-Мурза С. Г. Опять вопросы вождям.

** Приговор Фокинского районного суда Приморского края № 1–50/2011 от 22 сентября 2011 г. по делу № 1–50/2011. URL: <https://sudact.ru>.

*** Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока № 1–119/2011 от 4 мая 2011 г. по делу № 1–119/2011. URL: <https://sudact.ru>.

вается в 18 млрд руб.* Остановить либо сократить браконьерство крайне проблематично. Во-первых, иных возможностей для трудоустройства и повышения доходов у жителей дальневосточной периферии нет и не предвидится. Во-вторых, организаторы, имеющие баснословные прибыли, защищены коррупционными схемами. В-третьих, суды назначают мягкие наказания, преимущественно в виде штрафов и условного лишения свободы.

Проблема браконьерства относится к числу наиболее трудно решаемых. Сложная социально-экономическая ситуация, обусловленная безработицей и/или крайне низкими заработками вкупе с несовершенством российского природоохранного законодательства, являются препятствием для исчезновения браконьерства как вида трудовой деятельности и формы занятости. Установлено, что на Дальнем Востоке наиболее интенсивно функционируют два уровня браконьерских практик: низовой – в рамках «экономики выживания» для групп населения, оказавшихся в 1990-е гг. в статусе маргиналов, и верхний – в виде криминального предпринимательства, т. е. быстрого, баснословного и нелегального обогащения для организаторов криминального бизнеса, основанного на незаконной добыче природных ресурсов. К сожалению, можно констатировать, что браконьерство в регионе представляет весьма распространенное явление и оказывает негативное влияние на дальневосточную преступность. Браконьерство, сохраняя признаки преступления, в 1990-х гг. приобрело новое значение: оно стало деструктивным видом трудовой занятости.

Литература

1. Бардонов О. В. Факторы, детерминирующие преступность в сфере незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 2.
2. Дальневосточный район и Читинская область на рубеже третьего тысячелетия: (материалы Ассоциации «Дальстат»). Хабаровск, 1999.
3. Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. Браконьерство как новый вид криминального профессионализма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3.
4. Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. Особенности личности преступника в сфере незаконной охоты и добычи водных биологических ресурсов // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 2.
5. Ляпустин С. Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI в.). Владивосток: ВФ РТА, 2008.
6. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток: монография. М.: Экономика, 2006.
7. Руцёнок И. П. Криминальная революция как социальный фактор // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1.
8. Сухова О. А. История приватизации в России: некоторые результаты научной рефлексии // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27.
9. Фокин Н. И. «Голландская болезнь» экономики российского Дальнего Востока // Известия Восточного института. 1999. № 5.
10. Шарипова О. В., Ильина М. Г. Вопросы квалификации незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы: сб. науч. тр. Пенза: Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017.
11. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1997) / В. Мау [и др.]: монография. М.: Ин-т экономических проблем переходного периода, 1998.
12. Rowcliffe J.M., de Merode Em., Cowlishaw G. Do Wildlife Laws Work? Species Protection And The Application Of A Prey Choice Model To Poaching Decisions. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/abs/10.1098/rspb.2004.2915> (дата обращения: 24.03.2019).
13. Lynch M., Stretesky P. Long M. (2017). Blaming The Poor For Biodiversity Loss: A Political Economic Critique Of The Study Of Poaching And Wildlife Trafficking. URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/tpp/jpsj/2017/00000025/00000003/art00005> (дата обращения: 25.03.2019).
14. Rizzolo J. B., Gore M. L., Ratsimbazafy J. H., Rajaonson A. Cultural influences on attitudes about the causes and consequences of wildlife poaching. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10611-016-9665-z> (дата обращения: 26.03.2019).
15. Scott J. C. (1985) Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance, New Haven: Yale University Press, 478.

* Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2017 году». URL: <file:///C:/Users/dns/Downloads/353-682.pdf> (дата обращения: 21.02.2019).

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 238 УК РФ

Николай Евгеньевич Мерецкий, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Валентина Феликсовна Крючкова, доцент кафедры Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Татьяна Викторовна Осипова, старший преподаватель Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: ugpd@rambler.ru

kryuchkovav@list.ru

saxara.6363@mail.ru

В статье проанализированы проблемы, с которыми сталкиваются следственные органы в ходе доказывания виновности лица за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Исследуется механизм доказывания, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством, предлагаются некоторые тактические приемы разрешения возникающих противоречивых ситуаций.

Ключевые слова: доказывание; реальная опасность; требования безопасности; уголовная ответственность; административная ответственность; общественно опасные последствия.

PROBLEMS OF PROVING CRIMES UNDER ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikolay Evgenyevich Meretskiy, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Valentina Feliksovna Kryuchkova, department associate professor of the Khabarovsk Branch of Moscow Academy of the Investigative Committee Russian Federation, *kandidat nauk*, degree in Law;

Tatyana Viktorovna Osipova, senior lecturer of the Khabarovsk Branch of Moscow Academy of the Investigative Committee Russian Federation

In the article, the authors analyzed the problems that the investigating authorities face in proving a person's guilt for the production, storage or transportation for the sale or sale of goods and products, the performance of work or the provision of services that do not meet the safety requirements for life or health of consumers. The mechanism of evidence provided by the criminal procedure law is examined, on the basis of which some tactical methods for resolving conflicting situations are proposed.

Keywords: proof; real danger; security requirements; criminal liability; administrative responsibility; socially dangerous consequences.

Одной из важнейших свобод в нашем государстве является свобода российского гражданина в реализации потребительских прав, в выборе качественных и безопасных товаров и услуг. Конституция РФ в ст. 7, 41 дает гарантию охраны труда и здоровья людей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Права потребителя также нормативно закреплены [1; 2; 3]. Кроме того, законодателем предусмотрена уголовная ответственность за преступления в сфере потребительского рынка. Так, в ст. 238 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за производство либо сбыт товаров или продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Анализируя судебную практику, мы установили, что деятельность правоохранительных и судебных органов, связанная с выявлением преступлений в обозначенной сфере, а также вынесением справедливого (адекватного) решения, предполагает значительные трудности: во-первых, данный вид противоправных деяний имеет значительные отличия от «традиционных», например, таких как кража, хулиганство, разбой и т. д.; во-вторых, отличается сложностью и трудоемкостью решения поставленных задач, требующих разработки и реализации тактических приемов, способных эффективно их использовать при расследовании; в-третьих, требует анализа большого количества правовых актов.

В целях единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за производство, хранение или перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ и оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно за неправомерные выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 25 июня № 18 [4] разъяснил некоторые спорные вопросы, возникающие при расследовании обозначенных преступлений. Однако, по нашему мнению, Пленум не упростил проблему исследования доказательств, а лишь добавил сложности в расследовании. В частности, п. 2 Постановления определяет, что уголовная ответственность по ч. 1 или п. «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ наступает при условии, если опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной. Подобной интерпретацией правоприменитель, по сути, указывает на обязательное наличие тяжких последствий. Иначе, как можно доказать, что опасность является реальной от употребления каких-то продуктов или товаров?

Невзирая на некоторые коллизии в законодательстве, следователь, дознаватель в целях обеспечения полного и всестороннего расследования должен применять весь арсенал законных средств и методов. В данном случае показателен следующий пример.

На основании Постановления Верховного Суда РФ в Приморском крае по существу повторно рассмотрено уголовное дело в отношении Д., осужденного ранее Находкинским городским судом за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ. Органами следствия Д. обвинялся в возмездной перевозке на маломерном судне пассажиров, которое по техническому состоянию не отвечало требованиям безопасности для их жизни и здоровья. Апелляционным приговором Приморского краевого суда Д. был оправдан на основании п. 2

ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия в деянии состава преступления. Причиной вынесения указанного решения явилась недоказанность реальной опасности для жизни и здоровья пассажиров*.

Напрашивается вопрос: как и исходя из каких соображений следователь должен оценить реальность опасности? Для ответа на этот вопрос необходимо досконально изучить имеющуюся информацию о преступном деянии [7, с. 90] и оперировать ею в процессе доказывания. Представляется, что применительно к услугам, не отвечающим требованиям безопасности жизни или здоровья, связанным с транспортными средствами, оценить реальность опасности возможно только в случае наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда или смерти.

В производстве 6-го Следственного управления (с дислокацией в г. Хабаровске) ГСУ СК России находится уголовное дело по обвинению директора ООО «Экстрим Сервис» Б. и директора лагеря «Холдоми» К. по ч. 3 ст. 238 УК РФ, а также начальника Солнечного отдела ГУ МЧС России по Хабаровскому краю Н. по ч. 3 ст. 293 УК РФ в связи с гибелью четырех несовершеннолетних детей в результате пожара на территории оздоровительного учреждения**.

При решении вопроса о получении доказательств необходимо руководствоваться не только ч. 3 ст. 238 УК РФ, а также привлечь необходимые силы и средства для получения неопровержимых доказательств в целях успешного расследования и исходить из позиции приоритетности преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. В силу этого законодателю необходимо внести коррективы по данному пункту либо подойти кардинально и декриминализовать ч. 1 ст. 238 УК РФ, отнеся данные действия к административным правонарушениям ввиду отсутствия у следственных органов возможности оценить и доказать реальность опасности без наступивших последствий.

По всей видимости, именно поэтому в указанном постановлении (п. 3) Пленум призывает отграничивать преступления, предусмотренные ч. 1 и п. «а» и «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ, от административных правонарушений, при этом опять же обращая внимание на наличие «реальной» опасности. Можно предположить, что именно данный факт играет отрицательную роль при раскрытии и расследовании обозначенных преступлений. Поэтому, при аналогичных обстоятельствах судом принимаются довольно противоречивые решения.

Так, генеральный директор ООО «Актив Спорт-ДОЛ», осуществляя деятельность по организации отдыха и оздоровления детей в спортивном оздоровительном лагере, умышленно, из корыстных побуждений, имея умысел на оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, достоверно зная о наличии нарушений законодательства о пожарной безопасности, а также санитарно-эпидемиологического законодательства (нарушения были ранее выявлены подразделениями Роспотребнадзора и УНДПР ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу), продолжил оказывать данные услуги, осознавая, что это может представлять потенциальную опасность для жизни и здоровья потребителей. Действия квалифицированы по ст. 238 УК РФ, вынесен обвинительный приговор***.

Рассмотрим еще один пример, но с другой квалификацией содеянного.

Генеральный директор ООО «Полярная звезда», осуществляя организацию отдыха и питания на территории детского лагеря «Комета», умышленно, из корыстных побуждений, имея умысел на оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, достоверно зная о наличии нарушения законодательства о пожарной безопасности (нарушение было выявлено ранее подразделениями УНДПР ГУ МЧС России по г. Санкт-Петербургу, генеральному директору выдано предписание об устранении имею-

* Информационное письмо СУ СК РФ по Приморскому краю от 3 февраля 2020 г., б/н. Ведомственный доступ.

** Информационное письмо СУ СК России по Хабаровскому краю от 6 марта 2020 г., б/н. Ведомственный доступ.

*** Архив Зеленоградского районного суда г. Санкт-Петербурга. <https://sledcom.spb-spr.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

щихся нарушений), продолжил осуществлять деятельность по оказанию услуг, осознавая, что это может нести потенциальную угрозу для жизни и здоровья потребителей. Действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 238 УК РФ. Однако за указанные нарушения обвиняемый привлечен к административной ответственности. Уголовное дело прекращено*.

Механизм доказывания, предусмотренный уголовно-процессуальным законом, далек от совершенства. Примером этому служит множество ошибок, допускаемых следователями при доказывании по уголовным делам и дающих основание прокурорам или судьям в последующем возвращать уголовные дела для устранения выявленных недостатков [6, с. 17]. Для обеспечения целенаправленного расследования, для формирования фактических данных, позволяющих принять обоснованное процессуальное или организационное решение о проведении определенных процессуальных действий, регистрационных и организационных мероприятий, необходимо дать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Информация, полученная в результате проведения следственных действий по преступлениям, предусмотренным ст. 238 УК РФ, может являться доказательством совершения преступления конкретным лицом. Такие сведения могут иметь значение, во-первых, для обеспечения безопасности лиц, дающих правдивые показания; во-вторых, для оперативно-го принятия мер по задержанию и изобличению соучастников преступления; в-третьих, для анализа действий субъектов и правильной квалификации совершенного преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ.

Анализ результатов приведенных судебных решений позволил установить неоднозначные подходы при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 238 УК РФ. Они наглядно демонстрируют наличие сложности в квалификации при доказывании виновности лица. Мы связываем данное обстоятельство с той же «реальностью» наступления опасности. Проверяя доказательства, суд должен основываться не только на сведениях, предоставленных сторонами, но и, обладая самостоятельными процессуальными познавательными полномочиями, может исследовать те или иные обстоятельства произошедшего события путем проведения судебных или следственных действий. В этом случае при вынесении приговора необязательно ссылаться на то или иное постановление Пленума Верховного Суда РФ, а принимать решение, адекватное тем обстоятельствам, которые изложены в материалах дела или представлены сторонами.

Кроме того, по данному вопросу выразил свое мнение и Президент РФ в своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации. Так, В. В. Путин просил Государственную Думу поддержать предложения Верховного Суда РФ о декриминализации ряда статей УК РФ и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние [5, с. 4].

Массовость подобных обстоятельств в следственной и судебной практике является подтверждением имеющейся проблемы. Основываясь на этом, мы считаем, что в результате поступления предварительной информации, прежде чем возбудить уголовное дело, необходимо проанализировать действующее уголовно-процессуальное законодательство, юридические акты и поступки, с которыми закон связывает обязанность компетентного органа или должностного лица решить вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 238 УК РФ либо об отказе в таковом. Для обеспечения целенаправленного, качественного исследования поступившей первичной информации важно спланировать весь комплекс предварительных проверочных действий, которые требуют значительных затрат времени и труда, четко определить последовательность их проведения. Кроме того, ч. 1 ст. 144 УПК РФ вменяет в обязанности

* Архив ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу. URL: <https://sledcom.spb-spr.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

дознателя, органа дознания, следователя и суда принятие и проверку сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении.

Анализ следственной и судебной практики по делам рассматриваемой категории свидетельствует, что сложности в доказывании связаны в том числе с недостатками в деятельности правоохранительных органов. К таковым следует отнести отсутствие у работников экономических подразделений достаточного объема профессиональных знаний, необходимых для правильного документирования правонарушения. В рамках данного исследования сотрудниками отделов процессуального контроля СУ СК проверено более 100 постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и установлено, что следователями регулярно допускаются многочисленные нарушения требований ст. 73 и 171 УПК РФ, начиная с неверного указания дат, инициалов людей, названий учреждений и организаций и заканчивая неверным указанием квалификации содеянного.

Повышению качества предварительного следствия по делам рассматриваемой категории, по нашему мнению, будут способствовать следующие меры:

– до предъявления обвинения изучать, систематизировать имеющиеся в материалах уголовного дела доказательства;

– давать оценку правильности принятого решения о квалификации;

– анализировать и оценивать полноту и качество подготовки собранных материалов.

Очевидным является и тот факт, что руководство следственных подразделений ненадлежащим образом изучает постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Как представляется, руководителям следственных органов необходимо:

– осуществлять ежеквартальный анализ результатов изучения постановлений о привлечении в качестве обвиняемого в целях выявления фактов несоответствия требованиям уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

– оказывать практическую помощь следователю со стороны опытных сотрудников отделов процессуального контроля в правильности документирования следственных материалов по преступлениям рассматриваемой категории.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что исполнение всех указанных требований поможет следователю на стадии возбуждения уголовного дела избежать ошибок при установлении признаков совершения преступления.

Литература

1. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.07.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.
5. Колоколов Н. А. Президент РФ: уголовная политика нуждается в коррекции // Уголовное судопроизводство. 2016. № 1.
6. Лунева А. В. Проблемы доказывания и их влияние на расследование уголовных дел // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 4 (41).
7. Мерецкий Н. Е. Влияние исходной информации на расследование преступлений // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований: мат-лы всерос. науч-практ. конф., 11–12 ноября 2016 г. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016.

УДК 343.98

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Юрий Петрович Гармаев, профессор кафедры Красноярского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор

E-mail: garmaeff1@mail.ru

В статье сформулировано авторское определение коррупционных преступлений, изложены их признаки и классификация, имеющие не только уголовно-правовое, но и криминалистическое значение. Рассмотрена ведомственная классификация коррупционных преступлений, то есть их деление на коррупционные без условий («безусловные»), коррупционные «под условием» и «сопутствующие». Дан анализ такого свойства коррупционных преступлений, как «феномен множественности», суть которого в том, что наиболее опасные из них совершаются серийно, квалифицируются по различным совокупностям и носят организованный характер.

Ключевые слова: коррупционные преступления; криминальная коррупция; методика расследования; совокупность преступлений; корыстный мотив преступлений; феномен множественности; серийные преступления.

CORRUPTION CRIMES AND THEIR FORENSICALLY SIGNIFICANT FEATURES

Yury Petrovich Garmaev, professor of the Department of the Krasnoyarsk State Agrarian University, Doctor of Law, Professor

The author's definition of corruption crimes is formulated in the article, their signs and classification are set out, which have not only criminal law, but also forensic significance. The departmental classification of corruption crimes, that is, their division into corruption without conditions («unconditional»), corruption «under the condition» and «related», is considered. The analysis of such a property of corruption crimes as the «phenomenon of multiplicity» is given, the essence of which is that the most dangerous of them are committed in series, are qualified according to various aggregates and are organized in nature.

Keywords: corruption crimes; criminal corruption; investigation methodology; totality of crimes; mercenary motive of crimes; the phenomenon of multiplicity; serial crimes.

Коррупция была и остается одной из основных угроз национальной безопасности Российской Федерации, ключевым препятствием к устойчивому развитию страны и реализации стратегических национальных приоритетов. Вместе с тем коррупция – это транснациональная проблема, которая затрагивает все страны. В целях разработки эффективных мер противодействия этому негативному явлению международное сообщество приняло ряд документов, к которым относятся Конвенция ООН против коррупции, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках (принята Организацией экономического сотрудничества и развития – ОЭСР) и др.

Самые жесткие методы борьбы с коррупцией используются в некоторых странах Азии и Ближнего Востока. Так, в Китае за взятки или хищения государственного имущества чиновникам грозит смертная казнь, а его родные получают счет на оплату пуля, которыми был

расстрелян осужденный*. В Арабских Эмиратах коррупционерам могут отрубить руку. Среди стран Запада наиболее жесткие законодательные меры применяются в США. За коррупционный подкуп осужденные приговариваются к крупным штрафам и/или к лишению свободы сроком до 15 лет**.

Согласно позиции международного сообщества, коррупция представляет собой деяние, за которое нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность, то есть речь идет о коррупционном правонарушении.

В Российской Федерации, как известно, правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и другие нормативные правовые акты.

Закон «О противодействии коррупции» в ст. 1 дает общее определение коррупции, то есть всех правонарушений, включая дисциплинарные, гражданско-правовые, административные. В законодательстве России, как и многих иных государств, нет определения «коррупционные преступления» (синоним – «преступления коррупционной направленности»), или так называемой «криминальной коррупции».

Доктринальное определение можно сформулировать следующим образом. Коррупционные преступления – это запрещенные уголовным законом умышленные общественно опасные деяния должностных лиц, служащих и управленцев (управленец – краткое авторское обозначение лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации: см. п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ) с использованием должностного положения, а также иных лиц, заинтересованных в реализации определенных действий (бездействия) перечисленными субъектами, совершаемые из корыстной или иной личной заинтересованности, направленные на получение выгоды для себя или для третьих лиц и причиняющие вред законным интересам граждан, общества и государства.

Как коррупционные преступления могут квалифицироваться и аналогичные деяния, совершаемые от имени или в интересах юридического лица.

Множество разнородных составов коррупционных преступлений объединяют следующие признаки, имеющие уголовно-правовое и криминалистическое значение:

- общий объект – комплекс общественных отношений, обеспечивающих нормальное функционирование государственной власти на всех уровнях, органов местного самоуправления, коммерческих и иных организаций;
- специальный субъект – физическое лицо, использующее свое должностное положение вопреки законным интересам общества и государства, а также общий субъект – любое лицо, заинтересованное в осуществлении определенных действий (бездействия) специальным субъектом (например, взятокодатель, коррупционный посредник и др.);
- деяния, связанные со служебным положением специального субъекта;
- вина в форме умысла (как правило, прямого);
- корыстный мотив или, реже, иная личная заинтересованность. Корысть – это стремление субъекта путем совершения неправомерного деяния получить для себя или других лиц (физических или юридических) выгоду имущественного характера. Иная личная заинтересованность – это стремление извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное

* Овчинников В. За взятку – к высшей мере // Российская газета. 2009. 25 июня. URL: <https://rg.ru/2009/06/25/korruptcia.html> (дата обращения: 01.04.2020).

** Наказание за взяточничество в разных странах мира. URL: <https://ria.ru/20081209/156824060.html> (дата обращения: 01.04.2020).

такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п. (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 [2]).

Хотя формально деяния, совершенные не из корыстной, а из иной личной заинтересованности, не подпадают под определение и нормативный перечень коррупционных преступлений (см. ниже), в типичных следственных ситуациях они часто сопутствуют коррупционным. Поэтому их признаки подлежат включению в перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию. К тому же с криминалистической точки зрения имеется негативная закономерность, когда следователи, не доказав корыстный мотив злоупотребления полномочиями (ст. 285 УК РФ) по одному из преступных эпизодов, предъявляют обвинение в том, что это преступление совершено из иной личной заинтересованности.

Судебно-следственная практика существенным образом изменилась после вступления в законную силу дополнений в ч. 1 ст. 290 УК РФ [1]. Теперь ко взяточничеству относится и получение вознаграждения, когда его предмет по указанию взяточполучателя передается иному физическому или юридическому лицу. Это означает, что все составы взяточничества и подкупа, по сути, перестали быть только корыстными. Хотя споры среди ученых и практиков не утихают [6], все же в большинстве регионов России с 2016 г. преступными признаются ситуации оказания спонсорской помощи юридическим лицам, например, принятие директором школы денежных средств от родителей учащихся на ремонт здания, если не соблюден официальный порядок приема пожертвований.

Данный законодательный и правоприменительный подход вызван в том числе необходимостью выполнения Россией взятых на себя международно-правовых обязательств, в частности, требований ст. 1 Конвенции ОЭСР против коррупции. В соответствии с международно-правовой нормой «каждое государство-участник принимает необходимые меры для признания уголовно наказуемыми деяниями умышленное предложение, обещание или предоставление любых неправомерных преимуществ иностранному должностному лицу, в пользу такого должностного лица или третьего лица».

Большое значение для уяснения сущности и признаков коррупционных преступлений имеет их классификация. Она дает краткое и притом достаточно информативное описание соответствующей преступной деятельности, включая взаимосвязи между отдельными ее элементами и признаками. Следует рассмотреть несколько классификаций. Единственная нормативно закреплённая из них – ведомственная. Она основана на уголовно-правовом критерии – квалификации преступлений по действующему уголовному закону, а также мотиву посягательства. Правда, служит она исключительно для решения задач ведомственной отчетности правоохранительных органов.

В специальном межведомственном Указании приведен Перечень под № 23 «Преступления коррупционной направленности» [3]*. В нем изложены 4 признака отнесения преступлений к категории коррупционных. Рассмотрим эти признаки и классификацию в кратком изложении.

Признаки коррупционных преступлений:

- 1) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (должностные лица, управленцы – примечания к ст. 285 и 201 УК РФ);
- 2) связь деяния со служебным положением субъекта, отступление от его прямых прав и обязанностей;
- 3) корыстный мотив;
- 4) прямой умысел.

В Перечне № 23 составы коррупционных преступлений подразделяются на три крупные классификационные группы:

* Документ постоянно обновляется.

1) относящиеся к этому перечню без дополнительных условий. Назовем их «основные» коррупционные преступления (п. 2 Перечня);

2) относящиеся к перечню при наличии определенных условий – коррупционные преступления «под условием» (п. 3 Перечня);

3) преступления, способствующие совершению коррупционных преступлений – «способствующие» (п. 4 Перечня).

К числу первых («основных») относятся прежде всего все составы взяточничества (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), коммерческого подкупа, подкупа в сфере закупок (ст. 200.5, 204, 204.1, 204.2 УК РФ) и ряд других (ст. 141.1, ст. 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ).

К числу вторых (коррупционных «под условием») отнесены 7 групп преступных посягательств.

К числу третьих («способствующих») отнесены все составы мошенничества (ст. 159–159.6 УК РФ), а также ст. 169, 178, 179 УК РФ.

Следует обратить внимание на то, что в числе коррупционных преступлений «под условием» и «способствующих» (п. 3–4 Перечня) неоднократно упоминаются хищения, прежде всего составы мошенничества, присвоения и растраты (ст. 159–159.6, 160 УК РФ и др.), а также преступления, связанные с отмыванием денег и деятельностью преступных сообществ (ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210, 210.1 УК РФ). Эта взаимосвязь между «основными» коррупционными преступлениями, прежде всего взяточничеством и подкупом, с одной стороны, и хищениями, отмыванием денег, с другой, имеет определяющее значение для расследования.

Дело в том, что наиболее опасные и изощренные способы преступной коррупционной деятельности готовятся и совершаются в целях получения какой-либо незаконной материальной выгоды, преступного дохода в результате хищений, и доход в дальнейшем коррупционеры пытаются легализовать. Такие преступления совершаются в основном серийно и подпадают под признаки разнородных преступлений. Не случайно ст. 13 Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 г. № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию» относит к числу коррупционных преступлений отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией. Во многих государствах коррупционным преступлением считается уже сам факт жизни не по средствам, когда чиновник – владелец доходов не в состоянии подтвердить их законное происхождение. Применяется также конфискации *in rem* или, как альтернатива, интенсивное налогообложение таких доходов [5].

Безусловно, ключевыми и системообразующими коррупционными деяниями являются составы взяточничества и подкупа, предусмотренные четырьмя статьями гл. 30 (ст. 290–291.2) и тремя статьями гл. 23 (ст. 204–204.2) УК РФ. Эти составы названным перечнем отнесены к первой категории – «безусловных» (основных) коррупционных преступлений.

Однако слишком узкое понимание криминальной коррупции – только взяточничество и подкуп*, распространенное среди многих правоприменителей, существенным и негативным образом влияет на эффективность расследования, о чем будет сказано ниже.

Важным свойством криминальной коррупции, имеющим уголовно-правовое и криминалистическое значение, являются закономерные связи коррупционных преступлений с так называемыми «сопутствующими» преступлениями. Речь идет о том, что, получая взятку, совершая злоупотребление полномочиями и т. п., должностное лицо часто тем самым осуществляет умышленное совместное участие в том умышленном посягательстве, которое исполняют иные лица, например, взяткодатели. Так, действия руководителя государственного

* Здесь и далее, для краткости, мы будем использовать термины «взяточничество», «взятка», «взяткодатель», «взяткополучатель», «должностное лицо», подразумевая соответственно еще и коммерческий и иной подкуп, предмет коммерческого подкупа, лицо дающее и получающее этот предмет, управленца коммерческой или иной организации (ст. 204–204.2 УК РФ).

органа, получающего взятку – «откат» за содействие заключению государственного контракта на строительство с фирмой, руководитель которой в дальнейшем похитил бюджетные средства, помимо прочего могут подпадать под признаки соучастия в форме пособничества в хищении. В судебной практике имеются многочисленные примеры привлечения субъектов коррупционных преступлений к уголовной ответственности по совокупности за соучастие прежде всего в хищениях (ст. 158–160 УК РФ и др.) и «отмывании» денег (ст. 174–174.1 УК РФ), а также в незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК РФ), налоговых преступлениях (ст. 198–199.2 УК РФ), преступлениях, связанных с банкротством (ст. 195–197 УК РФ), в подделке и использовании подложных документов (ст. 237 УК РФ), в преступлениях против правосудия (например, в привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконном возбуждении уголовного дела – ст. 299 УК РФ; в фальсификации доказательств и результатов ОРД – ст. 303 УК РФ) и т. д.

Следует выделить еще одно значимое свойство-закономерность коррупционных преступлений – феномен их множественности. Суть феномена в том, что в современных условиях, в реальности (а не согласно данным статистики), взятничество и другие «основные» и «сопутствующие» коррупционные преступления редко совершаются единично. Криминальная практика демонстрирует несколько закономерностей:

- 1) коррупционные и сопутствующие им преступления чаще всего совершаются серийно;
- 2) при квалификации они нередко подпадают под признаки различных, порой сложнейших совокупностей (реальных и идеальных) составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ;
- 3) высока вероятность их совершения группой лиц или в составе ОПГ, ОПС.

Например, если сотрудник ГИБДД был изобличен в одном факте вымогательства взятки у водителя по заявлению последнего, то обязательной проверке подлежат типовые версии о систематических поборах со стороны этого должностного лица и иных сотрудников подразделения, о распределении общей суммы взяток между членами ОПГ в составе как рядовых сотрудников, так и их руководителей. Действия членов преступной группы могут быть квалифицированы не по одной только ст. 290 УК РФ, а по нескольким (ст. 290, 285, 286, 292, 174.1 УК РФ и др.).

Как известно, вся деятельность организованных преступных формирований направлена на совершение преступлений для получения наиболее крупного криминального дохода. Деятельность ОПГ, ОПС, как правило, связана с совершением коррупционных преступлений, являющихся необходимым условием извлечения максимальных прибылей, то есть организованная преступность немыслима без установления и поддержания коррупционных связей.

Знание о представленных закономерностях криминальной коррупции имеет огромное практическое значение. Повторимся, что на текущий момент многие правоприменители, а также большинство авторов учебников по криминалистике и иной литературы, посвященной раскрытию и расследованию анализируемых преступлений, слишком узко понимают криминальную коррупцию – только взятничество и подкуп либо эти составы преступлений плюс некий небольшой и неопределенный их перечень [4]. Не учитывается феномен их множественности, типовые взаимосвязи взятничества с хищениями, отмыванием денег, злоупотреблениями, превышением полномочий и т. п. Такой подход самым негативным образом влияет на эффективность выявления и расследования криминальной коррупции. Руководствуясь таким узким или неопределенным пониманием, оперативные сотрудники и следователи могут, например, успешно раскрыть единичный факт получения должностным лицом взятки и при этом не распознать множественные коррупционные хищения, совершенные этим должностным лицом в составе преступной группы, другими служащими данной организации или сферы деятельности, факты отмывания ими преступно нажитых доходов. В большинстве случаев уже само указание на обложке уголовного дела только одного состава коррупционного преступления,

рассмотрение судом только одного эпизода получения взятки уже можно расценивать как высокую вероятность неполноты проведенного расследования, отказа от принципа наступательности в выявлении и раскрытии множественности коррупционных и сопутствующих им преступлений. Это обрывание единичных стеблей, без уничтожения корней криминальной коррупции.

Исходя из названных закономерностей, перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию (предмет расследования), применительно к коррупционным преступлениям должен быть значительно шире, чем типовые перечни, имеющиеся в разработанных ныне криминалистических методиках расследования коррупционных преступлений. Он должен включать пункты, направленные на выявление и доказывание обстоятельств вероятного совершения множественности разнородных коррупционных преступлений с учетом их закономерностей.

Таким образом, предмет расследования по конкретным делам о коррупционных преступлениях следует формировать, как минимум, из двух частей. Первая часть должна быть посвящена в основном взяточничеству и иным «безусловным», «основным» составам коррупционных преступлений. Вторая часть предмета расследования должна касаться иных наиболее распространенных в конкретной сфере деятельности (здравоохранение, образование, закупки и т. п.) и общественно опасных преступлений исследуемой группы (коррупционные хищения, злоупотребления и отмывание денег).

Правоохранительные органы должны ориентироваться не на единичные коррупционные деяния, а прежде всего на наступательное выявление и расследование всех совокупностей тесно взаимосвязанных коррупционных, организованных и иных сопутствующих преступлений в определенной сфере деятельности.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 487/11, МВД России № 1 от 12 июля 2019 г. (ред. от 23.10.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Топорков А. А. Методика расследования коррупционных преступлений (глава 32) // Криминалистика: учебник. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2012.
5. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / В. Ю. Артемов [и др.]; отв. ред. И. С. Власов. М.: ИЗиСП, 2014.
6. Яни П. С. Взятничество: споры о содержании новелл уголовного закона и позиции Верховного Суда // Законность. 2017. № 12; 2018. № 1.

УДК 343.359.2

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ

Пётр Иванович Иванов, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Артём Сергеевич Шитов, адъюнкт
(Академия управления МВД России)

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Bab13.92 Ash@gmail.ru

В настоящей статье авторами на основе изучения и анализа юридической и специальной литературы, а также правоприменительной практики деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел (службы экономической безопасности) рассмотрены наиболее типичные оперативно значимые признаки налоговых преступлений, совершаемых на потребительском рынке. Знание совокупности признаков сотрудниками указанных подразделений позволяет им тактически грамотно осуществлять поисковую работу, преследующую цель получения и проверки первичной информации о преступлениях налоговой направленности и лицах, их совершивших, а также осуществлять документирование в интересах раскрытия указанных противоправных деяний оперативным путем.

Ключевые слова: оперативно значимые признаки; оперативно-розыскная характеристика; потребительский рынок; налоговые преступления; служба экономической безопасности органов внутренних дел; оперативно-тактические задачи.

SOME ELEMENTS OF OPERATIONAL-SEARCH CHARACTERISTICS OF TAX CRIMES COMMITTED ON THE CONSUMER MARKET

Petr Ivanovich Ivanov, chief researcher at the Research Center Merited Law Expert, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Artyom Sergeevich Shitov, post graduate
(Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia)

In this article, based on the study and analysis of legal and specialized literature, as well as law enforcement practice of the economic security and anti-corruption divisions of internal Affairs bodies (economic security service), the authors consider the most typical operational and significant features of tax crimes committed on the consumer market. Knowledge of the set of features by employees of these divisions allows them to perform search work tactically correctly, aimed at obtaining and verifying primary information about tax-related crimes and the persons who committed them, as well as to carry out documentation in the interests of detecting these illegal acts in an operational way.

Keywords: operational-significant features; operational-search characteristics; consumer market; tax crimes; economic security service of internal Affairs bodies; operational-tactical tasks.

Высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере [2] отчасти связан и с налоговыми преступлениями на потребительском рынке, выступающими источниками угроз налоговой безопасности государства. Не случайно Президент Российской Федерации, выступая на расширенном заседании коллегии ФСБ России* и говоря о необходимости бо-

---

* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62834> (дата обращения: 15.04.2020).

лее активного очищения от криминала стратегически важных отраслей экономики, упомянул и налоговую сферу, поскольку уклонение от уплаты налогов ведет к большим потерям и негативно сказывается на формировании консолидированного бюджета страны. В свою очередь, уменьшение же доходов бюджетов является одной из основных причин недофинансирования расходов, в первую очередь на нужды социальной сферы.

Приходится признать, что потребительский рынок продолжает оставаться привлекательной средой для совершения экономических и налоговых преступлений. Он состоит из двух основных сегментов: 1) рынка товаров потребительского назначения (пищевые продукты, непродовольственные товары, общественное питание); 2) рынка услуг потребительского назначения.

Чтобы потребительский рынок представить как объект оперативного внимания со стороны оперативных подразделений полиции, и в первую очередь службы экономической безопасности, приведем его составные части (элементы), это: розничная торговля (гипер- и супермаркеты, магазины, аптеки, палатки, киоски, павильоны, принадлежащие как организациям, так и индивидуальным предпринимателям); сфера общественного питания; платные услуги, оказываемые населению; крупные российские ритейлеры (X5 Retail Group N.V., «Магнит», ГК «ДИКСИ», «Ашан» и т. д.); оптовый рынок; рынок топливно-энергетических ресурсов; розничные рынки и ярмарки; внешняя торговля (экспорт и импорт по основным странам-партнерам, со странами дальнего зарубежья, СНГ). Правоохранительные органы в оперативно-служебных целях понятие «потребительский рынок» употребляют в данном контексте [3]. Вот в таком виде потребительский рынок может быть представлен как один из объектов первоочередного оперативного интереса, с тем, чтобы обеспечить защиту экономических интересов хозяйствующих субъектов и их собственности от преступных посягательств.

Как видим, широкий спектр различных видов экономической деятельности, многие из которых являются бюджетообразующими^{*} и градообразующими, по причине их прибыльности, как правило, становится весьма привлекательным для организованных преступных структур. Этому в немалой степени способствует также отсутствие эффективной системы противодействия экономическим (налоговым) и коррупционным преступлениям, что не позволяет на ранней стадии развития локализовать их и минимизировать последствия.

Чтобы представить ситуацию, приведем безотносительно какой-либо отрасли динамику преступлений налоговой направленности за последние 5 лет. Так, в 2015 г. органами внутренних дел Российской Федерации было выявлено 3944 налоговых преступления^{**}, в 2016 г. – 3567, в 2017 г. – 3452, в 2018 г. – 3309, в 2019 г. – 2907.

Что же касается материального ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате совершения налоговых преступлений, то его характеризуют следующие данные: в 2015 г. ущерб от противоправной деятельности составил более 40 млрд руб.; в 2016 г. – более 58,5 млрд руб.; в 2017 г. – 57,5 млрд руб.; в 2018 г. – более 84 млрд руб.; в 2019 г. – более 71,5 млрд руб.^{***}

Несмотря на некоторое сокращение общего количества выявленных налоговых преступлений, наметилась тенденция роста процента уголовных дел по преступлениям, совершенным в крупном и особо крупном размере. Сокращение связано и с тем, что при форми-

---

* В структуре потребительского рынка значительное место занимают такие сферы, как: производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; производство и оборот табака и табачной продукции; добыча и переработка водных биоресурсов, которые оказались наиболее пораженными преступлениями экономической, налоговой и коррупционной направленности.

** В данном случае под налоговыми преступлениями нами понимаются противоправные деяния, предусмотренные ст. 159 (связано с незаконным возмещением НДС), 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ.

*** Сборники о состоянии преступности в России (за 2015–2019 гг.), подготовленные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/7087734/>; 9338947/; 12167987/; 16053092/; 19412450/ (дата обращения: 15.04.2020).

ровании статистической отчетности теперь из 43 составов преступлений только 16 отнесены к категории «налоговые преступления» [4].

Изучение и анализ оперативно-следственной практики показывают, что налоговые преступления, совершаемые на потребительском рынке, отличаются от аналогичных противоправных деяний, имеющих место в иных сферах экономики. Специфику, на наш взгляд, можно заметить при анализе оперативно-розыскной характеристики преступлений налоговой направленности, совершаемых на потребительском рынке, понимаемой как научно обоснованную совокупность идентификационных признаков, указывающих на подготовку или совершение названного вида преступлений. Такая совокупность образует информационную модель [13, с. 13].

Остановимся на краткой характеристике наиболее типичных оперативно значимых признаков.

Одним из них, на наш взгляд, является высокая латентность преступлений налоговой направленности, совершаемых на потребительском рынке. По нашим данным, уровень латентности достигает 75 %. Это гораздо выше, чем, например, в социально-бюджетной сфере (55–60 %). Для прикрытия реально произведенной операции недобросовестные налогоплательщики (их мы относим к числу наиболее подверженных криминальным схемам) на объектах потребительского рынка (в целях уменьшения суммы уплачиваемых налогов) прибегают к заключению фиктивных сделок. Тем самым внешне правомерные операции позволяют им получать неучтенные денежные средства. Подобного рода сделки, естественно, не находят своего отражения в бухгалтерском учете. В конечном итоге реально произведенная операция оказывается сокрытой.

По различным экспертным оценкам, в последние годы российский бюджет недополучает до 40 % налогов и сборов, а по данным некоторых криминологов, латентность налоговых преступлений настолько высока, что выявляемое количество налоговых преступлений составляет не более 5 % от совершаемых [12, с. 86].

К числу не менее значимых признаков опасности налоговых преступлений следует отнести использование преступниками замаскированных способов их совершения. При этом под способами мы подразумеваем систему противоправных действий, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием преступлений налоговой направленности. Изучение оперативно-следственной практики показывает, что замысловатые, завуалированные способы в механизме преступления играют двоякую роль: с одной стороны, они обеспечивают достижение цели – получить незаконный доход, с другой – избежать возможного изобличения. Так, только по одному виду указанных преступлений – уклонению от уплаты налогов, судебно-следственной практике известно более 200 способов (схем) уклонения^{*}.

Обратим внимание на одно немаловажное обстоятельство: выбор преступниками того или иного способа преступления во многом зависит от особенностей самой отрасли (сферы) экономики. Эту отличительную особенность сотрудники службы экономической безопасности должны принимать во внимание при определении комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий, проводимых в интересах документирования налоговых преступлений.

С этих позиций, например, сфера производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, относящаяся к системе потребительского рынка, считается наиболее подверженной криминальному воздействию [18, с. 58]. В последнее время некоторое распространение получили три криминальные схемы. *Первая схема* связана с реализацией неучтенной ликеро-водочной продукции, выпущенной заводом-производителем, через заблаговременно созданные фирмы-«однодневки», которые после реализации продукции ликвидируются; *вторая* – с фиктивными возвратом и уничтожением уже реализованной

^{*} Преступники продолжают разрабатывать новые, более завуалированные и внешне законные схемы ухода от налогообложения. Нередко использование ими более замысловатых и изощренных схем позволяет осуществить налоговую оптимизацию, обходя систему фискального контроля и нормы уголовного закона.

водочной продукции. Наконец, *третья схема* – это реализация винно-водочной продукции по фиктивным федеральным специальным маркам. После реализации данной продукции завод-производитель осуществляет возврат полученных ФСМ как неиспользованных и получает за них денежные средства из государственного бюджета. Осуществление контроля из-за наличия у членов организованной группы коррупционных связей среди должностных лиц контрольно-надзорных органов крайне затруднено.

Наибольший оперативный интерес представляет противозаконное искусственное «дробление» бизнеса [5]. При этом следует учитывать, что искусственное «дробление» бизнеса потенциально грозит не только доначислением налогов, начислением пеней и штрафов, но и влечет возникновение мер государственного принуждения.

Изучение и анализ законодательных и иных нормативных правовых актов, а также правоприменительной практики, позволили классифицировать совокупность поисковых признаков, указывающих на искусственное «дробление» бизнеса* на две группы: общие и специальные признаки. Из-за ограниченности объема настоящей статьи укажем лишь некоторые признаки второй группы, а именно: создание видимости финансово-хозяйственной работы; одномоментная передача основных и оборотных средств во вновь созданные взаимозависимые структуры; фактическое перемещение имущества между участниками «раздробленного» бизнеса без надлежащего документального оформления; создание и управление группой организаций одними и теми же учредителями, директорами (руководителями), менеджерами; осуществление деятельности по одному адресу; идентичность IP-адресов всех взаимосвязанных организаций; одинаковый (идентичный) вид деятельности; подписание договоров одним лицом по всей группе компаний [10, с. 148].

Не менее важным признаком, особенно характерным для розничных рынков [1], является объем «черного нала». Это денежные средства, укрытые от налогообложения и подлежащие возмещению в бюджет государства. Для целей оперативно-розыскной работы следует иметь в виду, что налогоплательщики для себя ведут «черную бухгалтерию», отражая сведения о доходах и расходах. Черновые записи бухгалтерского учета важно своевременно обнаружить и сохранить, они имеют особое значение в процессе доказывания по делу.

Как представляется, неофициальные наличные расчеты, особенно характерные для потребительского рынка, благоприятствуют дальнейшему развитию теневой экономики, включая криминальную ее составляющую. Поэтому теневую экономику следует рассматривать как индикатор, отражающий полукриминальные и криминальные процессы, которые происходят в рассматриваемой отрасли экономики, и требующий повышенного оперативного внимания. По подсчетам специалистов, по минимальной оценке, потери бюджета и социальных фондов, вызванные уходом от налогов с помощью неучтенного наличного оборота, составляют 4–5 млрд дол. в год.

Еще одним из признаков выступает использование хозяйствующими субъектами в предпринимательской деятельности в системе потребительского рынка аффилированных фирм-«однодневок», в том числе зарегистрированных в оффшорных зонах**. Такие фирмы выступают для недобросовестных налогоплательщиков своего рода инструментом для ухода от налогообложения и для совершения иных противоправных действий (обналичивание денежных средств, их «отмывание», вывод активов предприятия) [15, с. 2].

Изучение и анализ правоприменительной практики службы экономической безопасности показывают, что даже руководители крупных предприятий рассматриваемой системы

---

* В настоящее время законодательного закрепления конкретных критериев допустимости минимизации налогообложения при «дроблении» бизнеса нет. Тем самым весьма сложно разграничить искусственное «дробление» бизнеса от реального (легального). Кроме того, мы сегодня не найдем в понятийно-категориальном аппарате ни налогового, ни гражданского законодательства категорию (определение понятия) «дробление» бизнеса.

** В Российской Федерации ежедневно регистрируются около 1500 юридических лиц. Из них, по мнению большинства специалистов, более 60 % созданы без намерения осуществлять законную предпринимательскую деятельность [15].

всячески пытаются совершать многоходовые финансово-хозяйственные операции в целях сокрытия денежных средств от налогообложения, вовлекая в криминальную схему различные коммерческие структуры (поставщики, потребители, кредиторы, посреднические фирмы).

Особое беспокойство вызывает деятельность фирм-«однодневок», специализирующихся на оказании услуг по обналачиванию и обезналачиванию денежных средств. Эти услуги пользуются повышенным спросом у коммерческих структур в системе потребительского рынка. По мнению П. А. Баранова, оплачивать услуги по обналачиванию денежных средств гораздо дешевле (6–8 % от общей суммы, подлежащей обналачиванию), чем платить налоги [7, с. 389].

Подобного рода противоправные действия, на наш взгляд, являются мощнейшим дестабилизирующим фактором, стимулирующим поступление в теневой оборот¹ неучтенных и не облагаемых налогом денежных средств. Более того, неучтенные денежные средства способствуют созданию благоприятной среды для коррупции, подкупа чиновников. В этом плане заслуживают внимания высказывания Н. В. Матушкиной, проанализировавшей особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям. Она констатирует, что и преступления налоговой направленности вполне могут быть источником финансирования организованных преступных формирований. Преступники все чаще прибегают к совершению закамouflированных операций, преследуя цель ухода от налогообложения [14, с. 140–141].

В качестве типичных признаков в оперативно-розыскной характеристике налоговых преступлений мы выделяем использование возможностей информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего сети Интернет², для их совершения. Исследователи отмечают, что в последнее время преступники стали изобретать все новые и новые способы совершения преступлений в сфере экономики, включая налоговые. А это порождает появление новых проблем, причем ранее не встречавшихся в правоприменительной практике. Здесь речь идет прежде всего о таком элементе оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений, как их материально фиксированные, идеальные и цифровые следы, которые необходимо вовремя обнаружить и закрепить. Оперативным подразделениям полиции теперь все чаще предстоит иметь дело с электронными носителями оперативно значимой информации.

Многие специалисты считают, что интернет-технологии, используемые преступниками при совершении преступлений в сфере экономической деятельности, осложняют работу правоохранительных органов. Эти технологии связаны с возможностью сокрытия преступления ввиду удаленности противоправных деяний виновного от места наступления их последствий, сохранения анонимности предпринятых преступных действий. Кроме того, криминальная деятельность с использованием интернет-технологий, как правило, носит транснациональный характер [16, с. 13–14].

В юридической литературе высказывается мнение о том, что электронно-вычислительные машины нередко выступают как средство совершения не только экономического, но и налогового преступления [20, с. 109]. В подтверждение этого тезиса отметим, что факты совершения экономических (налоговых) и коррупционных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, технологий дистанционного банковского обслуживания на сегодня стали не единичными. Кроме того, как показывает оперативно-следственная практика, перевод безналичных денежных средств в теневой оборот, легализация доходов, приобретенных преступным путем, осуществляются не без использования современных информационных технологий [20, с. 109–110].

Давая характеристику налоговым преступлениям, совершаемым на потребительском рынке, нельзя обойти вниманием влияние организованных преступных структур, в том числе

* По данным Росфинмониторинга, объем теневой экономики России в 2018 г. превысил 20 трлн руб. и составил порядка 20 % ВВП страны. URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/02/2019/5c6c16d99a79477be70257ee> (дата обращения: 15.04.2020).

** Сеть Интернет используется для реализации недоброкачественной фальсифицированной продукции (лекарства, алкоголь и т. п.). Известны факты сбыта поддельных денег.

сформированных на этнической основе [9, с. 50], на состояние, динамику и структуру указанных видов преступлений. Потребительский рынок стал для них весьма привлекательным объектом реализации криминальных устремлений – получение высокой прибыли. Вот почему в настоящее время доминируют налоговые преступления, совершаемые в сфере потребительского рынка в крупном и особо крупном размере.

Преступления в сфере экономической деятельности, совершаемые на потребительском рынке иностранными гражданами, в последнее время стали предметом изучения многих специалистов в области криминологии и уголовного права. В частности, Р. В. Шишкин проводил исследования по указанной проблеме применительно к Дальневосточному федеральному округу [19, с. 7–8]. Исходя из полученных данных, он сформулировал несколько положений, три из них, на наш взгляд, заслуживают особого внимания, а именно: 1) рост числа преступлений в ДФО оказался выше, чем по России в целом по причине близости границ с Китаем, Японией и Кореей; 2) информация о противоправной деятельности иностранных граждан, объединившихся в рамках своих диаспор с замкнутым кругом общения, в правоохранительные органы почти не поступает, а потому количество зарегистрированных преступлений на потребительском рынке не в полной мере отражает реальную картину; 3) процесс иностранной миграции повлек за собой приток криминально активных лиц, занимающихся доставкой контрабандных товаров и продуктов питания на потребительский рынок, нелегальным бизнесом, подделкой различных документов, мошенничеством и обманом потребителей. Приведенные обстоятельства крайне отрицательно сказываются на прогнозе преступности в сфере экономической деятельности, а также выработке стратегии и тактики борьбы с ней.

Кроме того, «между различными диаспорами и соответствующими этническими криминальными структурами в Москве сложились устойчивые отношения сотрудничества или, по крайней мере, терпимости друг к другу» [6, с. 163]. Опираясь на данные статистики, М. М. Анкоси отмечает, что «наибольшее количество преступлений, совершаемых гражданами – выходцами из государств – участников СНГ, приходится, как правило, на Москву, Московскую область и город Санкт-Петербург» [6, с. 165].

К рассматриваемым признакам следует отнести также особенности осуществления внешнеэкономической деятельности. Потребительский рынок, будучи относительно самостоятельной отраслью экономики, чтобы выполнять свое предназначение, вынужден через физических лиц, осуществляющих внешнеторговую операцию, восполнять импортную товарную массу. Здесь уместно вспомнить так называемый челночный бизнес как особый вид международной торговли, получивший развитие в 90-е гг. XX в. в России и странах СНГ. Суть его сводится к импорту потребительских товаров физическими лицами с целью продажи в розницу или мелким оптом на российском рынке. По мнению специалистов, феномен «челночной» торговли в условиях товарного дефицита был связан, с одной стороны, с альтернативными возможностями для заработка, с другой – с появившейся возможностью свободного выезда за рубеж, а также таможенными льготами в отношении внешнеторговых операций физических лиц, что создавало «челнокам» конкурентные преимущества по сравнению с традиционными формами ведения торговли [11, с. 402]. Однако в связи с постепенным насыщением рынков товарами указанный вид бизнеса в настоящее время уходит в прошлое, а основная масса товаров, продаваемых на рынках, ввозится оптом внешнеторговыми фирмами, которые являются законными субъектами внешнеэкономической деятельности. Между тем «челночный» бизнес все еще в ряде субъектов Российской Федерации играет заметную роль в упрочении там потребительского рынка и остается одной из составляющих внешнеторговой деятельности России.

Отметим некоторые проблемы. Постепенно сужается круг стран-поставщиков «челночных» товаров из-за высоких издержек на транспортировку и таможенные процедуры. Закупка товаров осуществляется физическими лицами в наиболее «дешевых» странах – Китае, Турции. С транспортными издержками связана тенденция к закупке товаров в географически

близких к региону реализации странах (например, в Хабаровском крае преобладают китайские товары). Крупные города – Москва, Новосибирск – по-прежнему используются в качестве перевалочных баз для регионов по закупке отечественной и импортной продукции, но не столько у «челноков», сколько у оптовых фирм.

Налоговая нагрузка на внешнеторговую фирму при легальном оформлении груза слишком велика, что снижает или сводит на нет ее доходность. Поэтому распространенной практикой становится неформальное урегулирование отношений с таможенниками или оформление грузов с занижением таможенной стоимости, а также путем перекодировки товаров в пределах одной товарной группы, но с более низкой тарифной ставкой. Как видим, челночную торговлю нельзя назвать криминологически «чистой», так как потери бюджета от нелегального «челночного» импорта еще ощутимы, не изжиты факты беспрошльного ввоза товаров.

Несмотря на имеющиеся сложности (возросшие издержки на единицу закупленного товара), «челночный» бизнес в ряде регионов страны, прежде всего из-за неразвитости потребительского рынка, продолжает развиваться, и по мере создания соответствующей инфраструктуры он приобретает более цивилизованный характер. Считаем, что рассматриваемая сфера деятельности, наряду с другими, должна находиться под пристальным оперативным вниманием со стороны в первую очередь подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

В юридической литературе справедливо отмечается, что преступления налоговой направленности самым теснейшим образом связаны с оттоком капитала из России и легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Не подвергшийся налогообложению капитал подпитывает и оффшорные компании [8, с. 40].

Есть и другой аспект этой проблемы, который связан с организациями с участием иностранного капитала и иностранных фирм в России. Налогоплательщики (предприниматели) быстро «привыкли» к отечественному законодательству о налогах и сборах, нашли в нем лазейки для уклонения от уплаты налогов, изобретая при этом завуалированные криминальные схемы [18, с. 59].

По мнению исследователей, в настоящее время борьба с налоговой преступностью выходит на новый уровень – межгосударственный [17, с. 48–49].

Криминальные структуры небезуспешно создают фирмы за рубежом. Это происходит следующим образом: российские компании регистрируются в оффшорной зоне, затем такая фирма заключает с отечественными предприятиями контракты на поставку различных товаров в Россию, под этим предлогом за рубеж переводятся крупные суммы денег. Но оплаченные товары в Россию или совсем не поступают, или поступают частично, а полученные за них деньги переводятся на счета других фирм и приобретают вполне легальный вид.

Как видим, оффшорная юрисдикция чаще всего применяется для уклонения от налогообложения, концентрации значительных денежных средств вне фискальной юрисдикции государства.

По мнению экспертов, потери бюджета от использования оффшорных схем составляют порядка 1 трлн руб. Ежегодно из Российской Федерации в оффшоры осуществляется перевод денежных средств на сумму около 50–70 млрд дол. Бюджет несет потери в размере 35–40 млрд дол*.

Подведем некоторые итоги. Совокупность типичных признаков, полученная на основе обобщения результатов изучения и анализа научных публикаций, законодательных и иных нормативных правовых актов, оперативно-следственной практики, образует содержание оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений, совершаемых на объектах потребительского рынка. Знание их сотрудниками службы экономической безопасности позволяет им оперативно определить объекты первоочередной оперативной заинтересованно-

---

* Интернет-портал СНГ. URL: <http://www.e-cis.info> (дата обращения: 15.04.2020).

сти, сосредоточить основные усилия на своевременном выявлении и пресечении налоговых преступлений, точно проводить оперативно-розыскные мероприятия по обнаружению завуалированных схем уклонения от уплаты налогов.

Литература

1. О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 34.
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
3. О едином учете преступлений (вместе с Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов): приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 20.02.2014) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц (ФНС России на основе изучения и анализа судебной практики выделила 17 признаков, доказывающих виновность налогоплательщика в искусственном «дроблении» бизнеса): письмо ФНС России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Анкоси М. М. Этническая организованная преступность в городе федерального значения Москве // Государственная служба и кадры. 2019. № 4.
7. Баранов П. А. Обналичивание денежных средств: налоговая оптимизация или преступление? // Современный ученый. 2017. № 5.
8. Гришин А. В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения: сб. статей конф. Орёл: Орловский юрид. ин-т МВД России, 2017.
9. Иванов П. И. О понятии «этническая организованная преступность в сфере экономики» // Оперативник (сыщик). 2013. № 2 (35). С. 48–55.
10. Иванов П. И., Шитов А. С. Особенности оперативно-розыскного обеспечения деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке, совершаемых путем искусственного «дробления» бизнеса // Закон и право. 2020. № 2.
11. Капралова Н. Л., Карасева Л. А. Челночный бизнес в российской экономике: роль и оценка масштабов // Экономический журнал ВШЭ. 2005. Т. 9. № 3.
12. Кучеров И. И. Налоговые преступления (теория и практика расследования): монография. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2010.
13. Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях: науч. доклад. М.: ВНИИ МВД России, 2008.
14. Матушкина Н. В. Особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2017. Т. 27. № 5.
15. Соловьев И. Н. Защита финансовых интересов государства: противодействие фирмам-однодневкам и уклонению от уплаты налогов: учеб. пособие. М.: Проспект, 2013.
16. Суходолов А. П. [и др.]. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1.
17. Трунцевский Ю. В. Международное сотрудничество в борьбе с финансовыми преступлениями // Российский следователь. 2014. № 11.
18. Шапиро Л. Г. О способах совершения налоговых преступлений // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1 (22).
19. Шишкин Р. В. Предупреждение преступлений, совершаемых иностранными гражданами на потребительском рынке в Дальневосточном федеральном округе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
20. Якубов Р. С. Электронно-вычислительные машины как средство совершения налоговых преступлений // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. № 1.

УДК 343.9

СПУТНИКОВАЯ НАВИГАЦИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Денис Викторович Галкин, заведующий кафедрой Хабаровского филиала Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук

E-mail: dvgalkin@bk.ru

В статье рассматриваются отдельные аспекты использования технологии спутниковой навигации в правоохранительной деятельности, обуславливающие ее значение для криминалистики. Проанализированы нормативные акты, регламентирующие применение данных спутниковой навигации в целях обеспечения правопорядка и безопасности граждан и дающие представление о возможностях их использования для раскрытия и расследования преступлений. Подчеркивается криминалистическое значение информационных систем, использующих данные спутниковой навигации. Сделан акцент на проблемах использования спутниковых навигаторов в качестве средств измерений при определении координат места происшествия, сформулированы рекомендации по их применению при производстве следственных действий.

Ключевые слова: спутниковая навигация; технико-криминалистические средства; данные геолокации; определение координат места происшествия; средства измерений в криминалистике.

FORENSIC SATELLITE NAVIGATION: TECHNICAL CAPABILITIES AND LEGAL ISSUES

Denis Viktorovich Galkin, head of the Department of Khabarovsk Branch of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, *kandidat nauk*, degree in Law

The article discusses certain aspects of the use of satellite navigation technology in law enforcement, determining its importance for forensics. The author analyzes the regulations governing the use of satellite navigation data in order to ensure the rule of law and security of citizens, and giving an idea of the possibilities of their use for the disclosure and investigation of crimes. The forensic significance of information systems using satellite navigation data is emphasized. Attention is focused on the problems of using satellite navigators as measuring instruments in determining the coordinates of the scene of an accident, recommendations are formulated for their use in the production of investigative actions.

Keywords: satellite navigation; technical and forensic tools; geolocation data; determination of the coordinates of the scene; measuring instruments in forensics.

Одним из наиболее важных достижений современной науки и техники является технология спутниковой навигации, позволяющая с помощью компактного электронного устройства с высокой точностью определить свое местоположение на земной поверхности. Ее широкое распространение и применение в самых разных сферах жизнедеятельности позволяет на качественно новом уровне решать различные задачи в целях реализации личных, общественных и государственных нужд. В последние годы технология спутниковой навигации активно внедряется в самые разные сферы жизнедеятельности. Позволяя определить и зафиксировать данные о местонахождении и передвижении людей и различных объектов, спутниковая навигация приобретает большое значение с точки зрения криминалистики. Сведения и документы, в которых фигурируют географические координаты, все чаще становятся объектом оценки в уголовном и административном процессе.

Использование спутниковой навигации в раскрытии и расследовании преступлений активно изучается в последние годы в работах по криминалистике и уголовному процессу. Большинство научных публикаций по данной теме посвящены возможностям использования навигации как в целом в интересах дознания и следствия [12, с. 93–96; 16, с. 126–132], так и в конкретных следственных ситуациях [6, с. 40–43; 8, с. 84–86; 9, с. 62–69]. Развивая и дополняя исследования указанных выше и других авторов, представляется необходимым проанализировать нормативные акты, регламентирующие использование данных спутниковой навигации в целях обеспечения правопорядка и безопасности граждан и имеющие криминалистическое значение.

Сведения о координатах местонахождения человека имеют ключевое значение при расследовании преступлений, связанных с безвестной пропажей граждан. Данными о местонахождении (геолокации) абонентов располагают операторы сотовой связи [6, с. 41]. В 2019 г. в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» внесены изменения, в соответствии с которыми в случае безвестной пропажи несовершеннолетнего у оператора сотовой связи может быть незамедлительно, без предварительного судебного решения, с согласия его родителей, истребована техническая информация о соединениях и местоположении его абонентского устройства.

При обследовании больших участков местности в ходе поиска без вести пропавших граждан сотрудники розыскных подразделений могут самостоятельно использовать спутниковые навигаторы. Поисковые группы с помощью навигаторов записывают маршрут своего движения, позволяя руководителю поисков определить еще не обследованные участки. При обнаружении следов или предметов, указывающих на возможное совершение преступления в отношении без вести пропавшего, в штаб поиска (следователю) могут быть отправлены их фотографии и координаты.

Данные о местоположении абонента могут иметь решающее значение для организации дежурными частями полиции незамедлительного реагирования на сообщения граждан о совершенных преступлениях и правонарушениях. Если при звонке заявителя с мобильного телефона оперативный дежурный будет в режиме реального времени видеть его местонахождение на электронной карте города, это поможет предотвратить тяжкие последствия преступления, организовать его раскрытие по «горячим следам». В настоящее время все больше сообщений о происшествиях, находящихся в компетенции правоохранительных органов, поступает на единый телефонный номер экстренных служб «112». Согласно приказу Минкомсвязи России от 1 декабря 2016 г. № 607 [5], при звонке абонента на номер «112» оператор мобильной связи обязан организовать автоматическую передачу данных о местонахождении абонента, что позволит оператору службы «112» видеть абонента на электронной карте и использовать это в своей работе. В настоящее время местонахождение абонента устанавливается по сетям оператора сотовой связи, но в дальнейшем планируется включить в требования по сертификации мобильных телефонов автоматическое определение координат с помощью спутниковой навигации при звонке на номер «112».

Спутниковая навигация используется при документировании дорожно-транспортных происшествий. В соответствии с административным регламентом, утвержденным приказом МВД России от 23 августа 2017 г. № 664, в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения (приложение 17 к приказу) должны быть указаны его географические координаты, полученные с использованием навигационной аппаратуры ГЛОНАСС/GPS.

Спутниковая навигация активно применяется при проведении гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий. Новые возможности для получения доказательств нахождения людей и объектов в том или ином месте и их передвижениях в определенное время предоставляют современные транспортные информационные системы, основанные на использовании технологии спутниковой навигации.

С 2018 г. на все автомобили, выпускаемые в России, устанавливаются бортовые устройства системы «ЭРА-ГЛОНАСС». Она позволяет с помощью спутниковой навигации определять местоположение автомобиля и в случае аварии автоматически отправлять их диспетчеру системы и в службы экстренного реагирования (спасателям, службе скорой помощи, полиции). Сведения о координатах места нахождения автомобиля в момент дорожно-транспортных и иных происшествий хранятся в базе данных системы и могут быть получены по мотивированному запросу. Форма запроса о предоставлении информации о координатно-временных параметрах транспортных средств на момент дорожно-транспортных и иных происшествий на автомобильных дорогах в Российской Федерации, содержащейся в Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС», утверждена приказом Министерства транспорта РФ от 22 ноября 2016 г. № 353.

Кроме системы «ЭРА-ГЛОНАСС» с 2015 г. в России действует система «Платон», обеспечивающая взимание платы с грузовиков, имеющих разрешённую максимальную массу свыше 12 т. Данные платежи взимаются в счёт возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам большегрузным коммерческим транспортом. Система «Платон» обеспечивает передачу в автоматическом режиме данных о движении транспортного средства и распространяется на все автомобильные дороги общего пользования федерального значения. Контроль за маршрутом движения автомобиля осуществляется с помощью бортового устройства, оснащенного приемником сигналов навигационных систем ГЛОНАСС/GPS. Они определяют географические координаты движущегося автомобиля и с заданной периодичностью отправляют их через сети сотовых операторов в центр обработки данных системы «Платон». Маршрутные карты каждого зарегистрированного в системе автомобиля хранятся в базе данных системы и могут быть предоставлены по запросу собственника. Такие сведения могут иметь большое значение при раскрытии и расследовании различных преступлений, совершаемых на транспорте.

В контексте обобщения практики применения технологии спутниковой навигации в правоохранительной деятельности представляет интерес анализ ее использования по другим направлениям правоохранительной деятельности, не связанным напрямую с раскрытием и расследованием преступлений.

Так, одной из первых задач правоохранительной деятельности, для решения которой была использована спутниковая навигация, стал контроль за соблюдением меры пресечения в виде домашнего ареста. С 2010 г. для этого используются электронные браслеты. Постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 г. установлены перечень и правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и ограничений [3].

Для дистанционной идентификации и отслеживания местоположения арестованного используются электронные устройства (браслеты и трекеры), предназначенные для ношения на теле подозреваемым (обвиняемым) и имеющие встроенную систему контроля несанкционированного снятия и вскрытия корпуса. Отслеживание местоположения осуществляется по сигналам глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС/GPS.

Приказом Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 утвержден порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений [4]. Согласно приказу, после установки и активации электронного браслета информация о соблюдении лицом наложенных запретов и ограничений, включая информацию о всех его передвижениях, в автомати-

ческом режиме передается на сервер и пульт мониторинга уголовно-исполнительной инспекции. Отчеты с координатами о местонахождении лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, и отчеты о допущенных им нарушениях формируются автоматически с последующей архивацией отчетных сведений в файл. Сведения о нарушениях, полученные при помощи аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, при необходимости направляются сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции в орган дознания, предварительного следствия или в суд для рассмотрения вопроса об изменении меры пресечения.

Одной из основных повседневных задач, решаемых с помощью спутниковой навигации, является управление мобильными нарядами полиции. Визуализация на единой карте информации о происшествиях, расстановке сил и средств значительно повышает эффективность оценки оперативной обстановки, принятия управленческих решений и в конечном итоге раскрытия и расследования преступлений.

Кроме указанных информационных систем и баз данных, использующих технологию спутниковой навигации, сведения о местоположении содержатся в мобильных телефонах граждан. Большинство из них оснащены навигационными модулями. Электронные данные о местоположении могут быть экспортированы в файлы специального формата, используемые электронными картографическими сервисами. Это позволит наглядно увидеть на электронной карте маршрут передвижения абонента и место его пребывания в определенное время. Сведения о местоположении могут отражаться в следующих программных приложениях и разделах операционной системы телефона:

- в описании цифровых фотоснимков, сделанных с помощью телефона (если включена функция отображения координат места съемки);
  - в истории Wi-Fi-соединений, при которых интернет-провайдер фиксирует IP-адрес пользователя;
  - в программных приложениях, фиксирующих передвижения абонента (например, функция «История местоположений» в приложениях Google);
  - в специальных навигационных программах, используемых владельцем телефона.
- Например, такие программы могут использоваться лицами, совершающими преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, с помощью которых они фиксируют и передают другим лицам координаты схронов (закладок) с наркотиками.

Большое значение для последующего использования указанных данных в качестве доказательств по уголовному делу имеет процессуальный порядок их получения. Данные о геолокации могут быть получены в результате следственного осмотра мобильного телефона с согласия владельца, непосредственно от владельцев мобильных телефонов в ходе допросов, а также в ходе производства компьютерно-технической экспертизы. Такие данные важны с криминалистической точки зрения: с их помощью можно установить время и место нахождения владельца устройства, его связи с другими лицами, маршруты передвижения в определенные периоды времени.

Представленный обзор разнообразных задач, решаемых с помощью спутниковой навигации и связанных с деятельностью правоохранительных органов, позволяет сделать определенные выводы.

Во-первых, необходимо констатировать тот факт, что спутниковая навигация нашла широкое применение в деятельности полиции и других правоохранительных органов для решения текущих задач самых разных служб и подразделений. Она используется как в качестве универсального средства управления подразделениями (для расстановки сил и средств, оптимизации транспортного обеспечения), так и для решения специфических правоохранительных задач в сфере оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной и уголовно-процессуальной деятельности. Спутниковыми навигаторами оснащены большинство следственных орга-

нов, они входят в минимальный перечень приборов в составе криминалистических чемоданов и являются одними из наиболее часто используемых технико-криминалистических средств.

Во-вторых, относительная новизна данной технологии и специфика технических аспектов ее функционирования обуславливают необходимость изменения и дополнения основных и дополнительных образовательных программ ведомственных учебных заведений, в том числе Следственного комитета и Министерства внутренних дел. Не все сотрудники правоохранительных органов в достаточной мере владеют навыками использования спутниковых навигаторов. Традиционное содержание образовательных программ по юридическим специальностям не должно рассматриваться как препятствие для изучения технических аспектов спутниковой навигации. Так же, как появление оптической фотографии привело к необходимости изучения выдержки и диафрагмы на уроках криминалистики, а появление компьютеров актуализировало изучение информатики, освоение спутниковой навигации может быть предусмотрено в рамках специальных дисциплин «Криминалистика», «Специальная техника» и других.

В ходе расследования уголовных дел важнейшее юридическое значение также могут иметь сведения о границах участков местности (например, при незаконном пересечении государственной границы [10, с. 101–108]), о границах водных акваторий [7, с. 53–61; 13, с. 76–84], о скорости и расположении транспортных средств (транспортные преступления), о местонахождении людей [15, с. 208–210] и т. д. Во многих случаях привлечение лица к уголовной ответственности может зависеть от наличия достоверной информации об указанных обстоятельствах.

Место совершения преступления – одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). В ходе осмотра места происшествия использование спутникового навигатора дознавателем, следователем, следователем-криминалистом или экспертом позволяет установить и документально зафиксировать место совершения преступления. Спутниковые навигаторы применяются для обозначения следов и вещественных доказательств при осмотре больших, открытых участков местности как в населенных пунктах, так и за их пределами, особенно если вблизи отсутствуют постоянные ориентиры. При этом возникает ряд проблем технического, тактического и процессуального характера. На некоторые из них уже обращалось внимание в научных работах и публикациях [9; 11, с. 7–11]. Вместе с тем анализ современной следственно-судебной практики позволяет обнаружить и сформулировать и другие проблемы использования спутниковой навигации. Так, малоизученным остается вопрос о применении спутникового навигатора в качестве средства измерения в ходе производства осмотра места происшествия.

Общий порядок применения технических средств (к которым, безусловно, относится и спутниковый навигатор) при производстве следственных действий в уголовном процессе регламентируется ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» и ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия». Вместе с тем, как уже было отмечено выше, спутниковый навигатор является средством измерения [16]. Следовательно, на него распространяются требования метрологического законодательства [1], которые заключаются в необходимости получения сертификата соответствия и свидетельства о периодической поверке. Закон устанавливает сферы деятельности, на которые распространяются указанные требования, среди них – деятельность в области обороны и безопасности государства, а также деятельность, связанная с выполнением поручений суда, органов прокуратуры, государственных органов исполнительной власти [1; 2].

Уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает особых требований к техническим средствам, относящимся к средствам измерений, но регламентирует конечный результат их использования – доказательства по уголовному делу. Так, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88

УПК РФ). В то же время такие требования установлены Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которому измерительные приборы, используемые для получения доказательств, должны быть утверждены в установленном порядке в качестве средств измерения, иметь соответствующие сертификаты и пройти метрологическую поверку (ст. 26.8 «Показания специальных технических средств»). Учитывая более высокую общественную опасность преступлений, а следовательно, более строгие процессуальные правила их расследования, необходимо сделать вывод о том, что требования к доказательствам в уголовном процессе должны быть не ниже, чем при расследовании административных правонарушений. Вместе с тем отказ от использования в следственной деятельности навигаторов, не прошедших процедуру периодической поверки, по нашему мнению, искусственно обедняет криминалистический инструментарий расследования преступлений.

В связи с этим представляются обоснованными следующие рекомендации. В качестве единственного источника доказательства места совершения преступления и других обязательных признаков состава конкретного преступления могут быть использованы только показания навигаторов, включенных в реестр средств измерений, прошедших сертификацию и метрологическую поверку. К таким преступлениям относятся, например, экологические преступления, предъявление обвинения по которым предусматривает установление территориальных границ: нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253 УК РФ); нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ) и др.

В других следственных ситуациях показания навигаторов, не прошедших обязательной метрологической поверки, также могут иметь доказательственное значение, но должны подтверждаться другими сведениями, например привязкой к постоянным ориентирам на местности. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассматривая апелляционные жалобы об использовании несертифицированных навигаторов по уголовным делам об убийствах, указала, что помимо координат, определенных с помощью навигатора, в протоколе осмотра указаны постоянные видимые ориентиры, позволяющие идентифицировать место убийств*. В результате жалобы были отклонены, а обвинительные приговоры оставлены без изменения.

Литература

1. Об обеспечении единства измерений: федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ (ред. от 13.07.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О перечне средств измерений, поверка которых осуществляется только аккредитованными в установленном порядке в области обеспечения единства измерений государственными региональными центрами метрологии: постановление Правительства РФ от 20 апреля 2010 г. № 250 (ред. от 12.10.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений: постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ России и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11 февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Правил определения места нахождения пользовательского оборудования (оконченного оборудования), с которого были осуществлены вызов или передача сообщения о происшествии по единому номеру вызова экстренных оперативных служб «112», и Порядка предоставления и объема информации, необходимой для обеспечения реагирования по вызову или сообщению о проис-

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2016 г. № 73-АПУ16-1; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу № 30-апу18-2 от 3 мая 2018 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- шествии по единому номеру вызова экстренных оперативных служб «112»: приказ Минкомсвязи России от 1 декабря 2016 г. № 607. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Алехин Д. В. Использование информации абонентских устройств сотовой связи при расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением людей // Предварительное расследование и перспективы его развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ф. Р. Шарифзода. Душанбе: ЭР-граф, 2018.
  7. Антонова Е. Ю. Незаконные добыча (вылов) и оборот водных биологических ресурсов в Дальневосточном регионе // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., 14 мая 2015 г. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2015.
  8. Галкин Д. В. Возможности позиционирования на местности с использованием технологии спутниковой навигации при производстве следственных действий // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 3 (10).
  9. Головчанский А. В. Об использовании средств спутниковой навигации в целях установления и фиксации координат места происшествия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2.
  10. Ефремов Д. В., Карпенко Н. А. Тактика производства следственного осмотра при расследовании незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации на морском участке // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 1 (50).
  11. Киселев Е. А., Забавина А. Ю. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4.
  12. Колотушкин С. М., Забавина А. Ю. Использование возможностей навигационного позиционирования объектов по некоторым направлениям отраслевого законодательства в целях раскрытия и расследования преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 4 (33).
  13. Мерецкий Н. Е., Шурухнов Н. Г., Жердев П. А. Некоторые особенности задержания подозреваемых в незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 3 (48).
  14. Пугачёв И. Н., Маркелов Г. Я., Забавина А. Ю. Значение науки геоинформатики в раскрытии и расследовании преступлений (техничко-криминалистический аспект) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4 (37).
  15. Скобелин С. Ю. Использование билингвой и иной цифровой информации для установления местонахождения пропавшего без вести // Раскрытие и расследование преступлений, связанных с безвестным исчезновением граждан: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф., 27 сентября 2018 г. / под общ. ред. А. М. Багмета. М.: Моск. акад. СК России, 2018.
  16. Тартаковский Д. Ф., Гальцев Ю. В., Гарманов В. В. Измерения в криминалистике: методические основы. СПб.: Изд-во ДНК, 2010.

УДК 343.98

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ольга Павловна Виноградова, доцент кафедры, кандидат юридических наук;

Светлана Сергеевна Ржанникова, старший преподаватель

(Уральский юридический институт МВД России)

E-mail: olga10vin@mail.ru

55r80@mail.ru

В статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с проведением комплекса мероприятий информационно-аналитического и организационно-структурного характера в целях своевременного качественного расследования хищений транспортных средств, совершенных с использованием современных информационных технологий. В частности, раскрываются возможности одного из новейших видов криминалистических исследований – радиотехнической экспертизы, которая применяется при расследовании хищений транспортных средств.

Ключевые слова: хищение транспортных средств; современные информационные технологии; радиотехническая экспертиза.

PROBLEMATIC ASPECTS OF INVESTIGATION OF VEHICLE THEFT COMMITTED WITH THE USE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

Olga Pavlovna Vinogradova, department associate professor, *kandidat nauk* degree in Law;

Svetlana Sergeevna Rzhannikova, senior lecturer

(Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

The article deals with certain issues related to the implementation of a set of measures of information-analytical and organizational-structural nature for the purpose of timely qualitative investigation of theft of vehicles committed using modern information technologies. In particular, the author reveals the possibilities of one of the newest types of forensic research – radio technical expertise, which is used in the investigation of theft of vehicles.

Keywords: theft of vehicles; modern information technologies; radio technical expertise.

Одним из ключевых направлений деятельности МВД России является своевременное раскрытие и качественное расследование хищений транспортных средств, составляющих значительную часть имущественных преступлений. Указанная проблема представляется весьма актуальной, поскольку постоянно разрабатываются новые и совершенствуются старые способы совершения имущественных преступлений: создаются более продвинутые устройства для реализации преступного замысла, всевозможные технические приспособления, позволяющие глушить сигнал охранных сигнализаций, устройства по разблокировке электронных замков, обхода систем контроля доступа и другие. В связи с этим требуются эффективные рекомендации по осуществлению уголовного преследования за данные преступления, так как успешный розыск транспортных средств обеспечивается проведением комплекса мероприятий информационно-аналитического и организационно-структурного характера, в зависимости от сложившейся ситуации на первоначальном этапе расследования.

В последние годы многие регионы России захлестнула волна хищений автотранспортных средств, и хотя общественность давно высказывает просьбу ужесточить наказание за такие хищения*, на сегодняшний день этот вопрос все еще не урегулирован.

Например, в Ярославской области на протяжении первой половины 2016 г. действовала организованная группа, похищавшая автомобили дорогостоящих марок Toyota и Lexus, пользовавшихся большим покупательским спросом, со смарт-ключами (бесконтактные ключи-брелоки) и бесключевым запуском двигателя. Преступления совершались на стоянках у крупных торговых центров по следующей схеме: дождавшись, когда владелец закроет салон, активизирует охранную систему автомобиля и направится в сторону гипермаркета, один из соучастников, имея при себе специальное радиотехническое устройство, считывающее сигнал смарт-ключа, следовал за хозяином автомобиля, другой соучастник с активированным радиотехническим устройством подходил к водительской двери оставленного автомобиля на расстояние до трех метров. Первый соучастник сканировал электронный защитный код штатного ключа автомобиля, находящегося у хозяина, и перенаправлял (ретранслировал) его на устройство второго сообщника. Тот, приняв эти данные, разблокировал защитную систему (центральный замок) автомобиля. Третий соучастник следил за передвижением собственника в гипермаркете, пока второй проникал в салон автомобиля, запускал двигатель и уезжал**.

По статистике 2017 г., наиболее похищаемой российской маркой автомобиля стала «Лада Приора» из-за отсутствия на этом автомобиле эффективной штатной защиты. Если говорить про иномарки, то чаще всего угоняют Mazda 3 (в основном для дальнейшей разборки и продажи запасных частей), Hyundai и Ford Focus (для последующей продажи на черном рынке). Понятно, что если перепроданная машина может всплыть случайным образом, то автомобиль, разобранный на запчасти, вряд ли найдется. Автомобили с более высокой стоимостью подвергаются хищению по заказу. Для таких целей используются услуги профессиональных угонщиков и новые технологии, которые смогут обмануть любую сигнализационную систему. Наиболее часто хищения автотранспортных средств совершаются в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Владивостоке, Калининграде и других крупных городах. Например, для Дальнего Востока характерно хищение автомобилей японского производства, в Центральном регионе России – западно-европейского производства. Так, в г. Екатеринбурге организованная преступная группа подыскивала иномарки, оборудованные штатной сигнализацией с автозапуском. С помощью устройства, предназначенного для перехвата и эмулирования радиоконанд пультов дистанционного управления и специальных «заготовок» ключей от замков зажигания автомобилей, участники группы открывали приглянувшееся транспортное средство, запускали двигатель и уезжали. Преступники похитили 20 машин марок Toyota Camry, Toyota Avensis, Lexus, Mitsubishi Outlander, Honda CR-V, Opel Astra, Mazda 3, Mazda CX 7, Kia Rio и Hyundai Solaris [1, с. 27].

Знание о том, каким способом совершается хищение транспортного средства, помогает быстрее осуществлять раскрытие преступления. Следует отметить, что содержащаяся в криминалистической характеристике хищений транспортных средств информация хотя и имеет обобщенный, типовой характер, тем не менее, включает в свое содержание важнейшие исходные данные, которые позволяют выдвигать перспективные следственные версии.

Криминалистическая характеристика преступлений данного типа носит неоднозначный характер, так как каждое хищение автотранспортного средства подразумевает свои отличительные признаки. Из этого следует, что к расследованию каждого хищения требуется индивидуальный подход, тщательный анализ всех материалов дела, не допуская шаблонных действий [2, с. 112–119].

* URL: <https://www.change.org/p/путин-в-в-ужесточить-наказание-за-хищение-транспорта>.

** Приговор Ярославского районного суда № 1–33/2017 от 27 марта 2017 г. по делу № 1–33/2017. URL: <https://sudact.ru>

Хищения транспортных средств совершаются на территории:

- парковки у дома (по статистике, более 8 % хищений совершено именно с неохраняемых парковочных мест во дворах);
- стоянки у магазина (в данном случае приоритетностью для угонщиков считается наличие огромного количества машин);
- платной парковки (только 5 % от всей численности совершенных хищений)*.

Личность преступников является важным элементом криминалистической характеристики краж автотранспорта. Как показывают практика и научные исследования, кражи автомобилей совершаются лицами, имеющими различные познания в области технических средств. Наиболее криминальной активностью обладают мужчины в возрасте от 23 до 40 лет.

При совершении кражи автотранспорта группой лиц в ней имеется распределение ролей, участников объединяет корыстная цель. В составе группы имеется организатор, осуществляющий руководство и планирование преступления. В группу входят лица, обладающие различными навыками: автомеханик, специалист по радиоэлектронным устройствам, сбытчики, связисты и различные помощники. Так, в октябре 2018 г. в Екатеринбурге осудили банду автомобильных воров, которые похищали иномарки с крупных парковок города, расположенных возле офисных зданий и метрополитена. Всего ими было похищено 22 автомобиля общей стоимостью более 12 млн руб. По данным следствия, в группировку входили четверо мужчин**.

Потерпевшими могут являться как мужчины, так и женщины. Возраст потерпевших от таких преступлений не имеет четкой выраженности. Следует отметить, что потерпевшие, как правило, устанавливали современные средства охраны своего транспортного средства. Характеристики образа жизни потерпевшего, как правило, также не имеют выраженных признаков, так как преступник выбирает жертву по спросу на автомобиль, легкости получения доступа к нему и возможности быстрой его продажи.

Что касается механизма слеодообразования, то при осмотре места, откуда был похищен автомобиль, особое внимание обращается на следы обуви, на следы протектора шин, следы жизнедеятельности человека (окурки, салфетки, следы слюны, крови, потерянные вещи и т. п.). В случае обнаружения транспортного средства, на которое было направлено преступное действие, в целях установления местонахождения виновных лиц, следственно-оперативной группе следует обратить особое внимание на места возможного применения радиотехнических средств. Такими местами являются разъемы подключения к диагностическим шлейфам (разъемам) автомобиля.

Также необходимо тщательно осмотреть места пролегания кабелей бортовой системы автомобиля. Кроме того, в салоне автомобиля могут быть обнаружены микроволокна, запаховые следы, следы рук на рулевом колесе, рычаге переключения передач, дверных ручках. Следует помнить, что даже если обнаруженные следы рук окажутся непригодными для идентификации, потожировое вещество, которым они образованы, содержит информацию о ДНК оставивших их лиц, поэтому целесообразно сделать смывы потожирового вещества с рулевого колеса, дверных ручек, солнцезащитных козырьков. Интересным представляется факт, произошедший в 2008 г. в Финляндии, когда при осмотре угнанного автомобиля, обнаруженного в 25 км от места кражи, полицейские заметили комара, летавшего по салону. Взглянув на брюшко насекомого, они заметили, что недавно комар кого-то укусил, его отправили в лабораторию для анализа. В результате, благодаря сравнению обнаруженной в комаре ДНК с базой данных полиции, удалось установить личность подозреваемого в краже автомобиля***.

Если же транспортное средство было обнаружено в месте подготовки его к продаже (так называемый «отстойник») и имеются основания полагать, что к транспортному средству уже

* URL: <http://avtopravozashita.ru/ugon/statistika-ugonov.html> (дата обращения: 11.12.2019).

** URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-65497551.html (дата обращения: 10.12.2019).

*** URL: <https://ria.ru/kaleidoscope/20081222/157828731.html> (дата обращения: 11.12.2019).

были применены какие-либо подготовительные меры, то необходимо обращать внимание на следы пальцев рук на частях автомобиля, на инструмент, применяемый злоумышленниками для перебивки номеров агрегатов автомобиля, возможные технические средства, необходимые для отключения GPS в целях пресечения попыток установления местонахождения похищенного автомобиля. Также следует обратить особое внимание на возможные следы, оставшиеся от транспортных средств, которые возможно были угнаны ранее.

Современное состояние экспертного исследования маркировочных обозначений транспортных средств отличает комплексный подход. Поскольку экспертиза требует познаний из области трасологии, химии и технико-криминалистического исследования документов, то специалист, проводящий исследование, должен быть знаком с компьютерной экспертизой, а также с технологией производства самих транспортных средств. Перечень объектов экспертизы также широк и включает в себя как кузовные элементы или шасси автомобилей с нанесенными на них маркировочными обозначениями, так и электронные носители информации блоков управления его системами*. Появление таких объектов исследования, как электронные блоки управления системами автомобилей, явилось основанием разработки метода технической диагностики обозначенных систем в целях получения информации идентификационного характера. При производстве данных исследований широко применяется как штатное, так и специализированное диагностическое оборудование. В настоящее время при производстве экспертиз данного вида, с учетом высокого уровня криминального изменения идентификационных маркировок транспортных средств, довольно часто в случае необратимого изменения или уничтожения заводского идентификационного номера и номера двигателя возникает необходимость в истребовании информации из баз данных автопроизводителей.

Как известно, информационные базы данных предприятий-изготовителей содержат в электронном виде производственные карточки с информацией об изготовленных транспортных средствах, в которых зафиксированы особенности комплектации автомобиля с указанием индивидуальных маркировок отдельных комплектующих элементов. Данные номера используются сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений для идентификации транспортных средств, то есть для установления первоначальных идентификационных маркировочных обозначений (идентификационный номер, индивидуальный номер двигателя и т. п.). Хотя данный метод идентификации применяется в течение последних десяти лет, в настоящее время отмечается большой дефицит информационного обеспечения в указанной области, отсутствует система четкого взаимодействия экспертных подразделений, а также органов предварительного расследования с представительствами большинства иностранных автопроизводителей на территории России. Проблема состоит в том, что представительства большинства иностранных автопроизводителей на территории России либо неохотно идут на сотрудничество с правоохранительными органами, ограничиваясь формальными отписками, либо затягивают сроки предоставления информации, мотивируя это отсутствием прямого доступа к производственным базам данных.

В целях совершения преступления, направленного на похищение транспортного средства и его дальнейшую реализацию, злоумышленники осуществляют ряд подготовительных мероприятий, таких как покупка или изготовление радиотехнического устройства, посредством которого в дальнейшем будет получен доступ к автомобилю; подыскание мест, где будут находиться угнанные автомобили в целях удаления номерных агрегатов, а также разбора автомобиля на запчасти, перекраски в другой цвет и др.

Следующая задача – это поиск лиц, которые будут осуществлять мероприятия по перебивке, разбору и подготовке автомобиля к реализации. Существенной проблемой для злоумышленников является быстрая реализация похищенного автомобиля и получение денежных

---

* URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Жекспертно_криминалистический_центр/Публикации_i_vistuplenija/item/1633997 (дата обращения: 12.12.2019).

средств. Поэтому преступники даже подыскивают соучастников для установления связи с другими государствами с целью продажи через указанных лиц угнанных транспортных средств.

Способ похищения транспорта может быть различным. Возможно разрушение автомобиля, в частности разбивание стекла или запирающего механизма, с целью попасть в транспортное средство; иногда преступники принудительно заставляют владельца транспортного средства покинуть свой автомобиль. Однако наиболее распространенным способом незаконного завладения транспортным средством в настоящее время является использование радиотехнических средств, устройств по разблокировке электронных замков, обхода систем контроля доступа и др. По словам генерального директора группы компаний Autosecurity, занимающихся разработкой и производством противоугонных устройств для автомобилей, время, требуемое для хищения машины с сигнализацией, составляет от 30 секунд до 7 минут.

Одним из современных радиотехнических средств хищения транспорта являются так называемые кодграбберы (*codegrabber*). Это компактный специальный электронный прибор, который настроен на рабочую частоту передатчика, перехватывает кодовую информацию, записывает ее и посылает в эфир. При этом он отключает противоугонную систему. Изначально у него было довольно мирное назначение: кодграбберы использовались в службах сервиса для разблокирования сигнализации машины в случае ее отказа. У кодграббера есть мощная система для настроек и редактирования. Этот аппарат вполне умещается в ладони и может быть незаметен, работает с расстояния 20 м от объекта.

Успешный розыск транспортных средств в значительной степени обеспечивается своевременным проведением эффективного комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Рассмотрим такое оперативно-розыскное мероприятие, как снятие информации с технических каналов связи. Данное мероприятие подразумевает получение видеозаписей с камер видеонаблюдения, которые могли запечатлеть процесс использования радиотехнических средств в момент хищения транспортного средства. Также данные видеозаписи помогают установить злоумышленников посредством проверки лиц на видеозаписях по базам данных, что в дальнейшем поможет установить возможное местоположение данных лиц. Также в рамках данного мероприятия выясняется маршрут следования угнанного автомобиля посредством дорожных камер видеофиксации административных правонарушений и устанавливается дальнейшее место сокрытия транспортного средства. Существует и возможность внедрять сотрудников уголовного розыска в данные группы в целях установления способа совершения преступления и оборудования, посредством которого осуществляется проникновение в транспортное средство. Также данное мероприятие позволяет установить всю последовательность действий злоумышленников – от момента проникновения в транспортное средство до места его реализации. В рамках данного мероприятия могут быть реализованы многие оперативно-розыскные мероприятия, например наблюдение, прослушивание телефонных переговоров и т. д.

В России как минимум каждое третье преступление раскрывается при непосредственном участии экспертно-криминалистических подразделений. Ими ежегодно производится порядка 1,5 млн судебных экспертиз. Ежегодно регистрируется около 30 тыс. хищений транспорта*. При расследовании таких преступлений нередко требуется назначение радиотехнической экспертизы.

Радиотехническая экспертиза является одним из новейших видов исследований, реализуемых в органах внутренних дел, и сопровождает раскрытие и расследование многих видов преступлений. Однако не во всех регионах есть возможность производства таких экспертиз: либо нет соответствующих специалистов, либо отсутствует приборная база, а чаще всего – и то и другое одновременно.

* URL: <https://мвд.пф/reports/item/14696015> (дата обращения: 12.11.2019).

Основная цель радиотехнической экспертизы выражается в изучении закономерностей функционирования радиоэлектронных устройств, а именно: исследование технического состояния и функционирования радиотехнического оборудования и систем, выявление причин и причинно-следственных связей неполадок, возникающих в процессе их функционирования.

Задача состоит в установлении фактических обстоятельств, имеющих значение для расследования преступлений, связанных с использованием радиоэлектронных устройств. Возможности радиотехнической экспертизы зависят от вида предоставляемых на исследование объектов.

Объектами радиотехнической экспертизы по делам о хищениях транспортных средств могут быть:

1. Радиоэлектронные устройства и их компоненты, материалы и их комплектующие, изъятые у подозреваемых лиц при проведении осмотров и обысков.
2. Радиоэлектронные устройства, исполняющие функцию получения информации.
3. Устройства и приборы для перехвата из эфира радиокоманд пультов дистанционного управления охранными системами автомобильных сигнализаций.
4. Оборудование для программирования иммобилайзеров.
5. Ключи зажигания и электронные метки.
6. Блоки и части электронного оборудования автомобилей [3, с. 184].

Так, исследуя устройства для отключения охранных систем автомобилей и запуска их двигателей, эксперты могут определить возможность:

- отключения различных автомобильных систем охранной сигнализации с помощью представленного на исследование оборудования;
- запуска двигателя автомобиля с помощью представленного на исследование оборудования без использования оригинального автомобильного ключа;
- блокирования передачи тревожных сообщений, генерируемых установленной на автомобиле охранной системой, с помощью представленного на исследование оборудования.

Проанализировав различные источники, мы не обнаружили понятия радиотехнической экспертизы, поэтому предлагаем свою формулировку ее определения, основанную на понятии судебной экспертизы, изложенном в ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Радиотехническая экспертиза – процессуальное действие, состоящее в проведении исследований и даче заключения экспертом по вопросам, требующим при их разрешении специальных знаний в области технического состояния и функционирования радиотехнического оборудования и систем, в целях выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию.

На этапе назначения радиотехнической экспертизы следует определить целесообразность ее производства, поскольку необходимые сведения могут быть получены как путем консультации у специалиста, так и из различных справочных источников.

Необходимо помнить, что производство экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях организуется по административно-территориальному принципу. Сегодня радиотехнические экспертизы проводятся лишь в нескольких экспертно-криминалистических центрах регионов (в том числе и в ЭКЦ ГУ МВД России по Свердловской области). В случае отсутствия специалиста в соответствующем регионе, а также при необходимости применения уникальной аппаратуры или новых методик, радиотехническую экспертизу следует назначать в ЭКЦ МВД России. Что касается требований к объектам исследования, то дополнительно к радиоэлектронным устройствам должна быть представлена информация о способах их использования (инструкции, пароли, коды доступа и т. п.). Образцы для сравнительного исследования не требуются.

Немаловажными являются требования к условиям хранения и упаковке объектов исследования. Упаковка должна исключать возможность физического доступа к объекту.

Целесообразно использовать для этого картонные коробки, полиэтиленовые и бумажные пакеты, которые заклеиваются (завязываются), опечатываются и снабжаются пояснительными надписями. Хранить их следует в сухом помещении при комнатной температуре, исключая влияние электромагнитных полей. Объекты не штабелируются.

Эффективность получения информации, имеющей значение для дела, во многом зависит от правильной формулировки вопросов эксперту. При постановке вопросов для радиотехнической экспертизы необходимо учитывать вид предоставляемого объекта, возможности его использования. При предоставлении на исследование радиоэлектронных устройств для отключения охранных систем автомобилей и запуска их двигателей целесообразно задать следующие вопросы:

1. Какова функциональная принадлежность представленного устройства?
2. Возможно ли с помощью представленного устройства отключать различные автомобильные системы охранной сигнализации?
3. Возможно ли с помощью представленного оборудования осуществить запуск двигателя автомобиля без наличия оригинального автомобильного ключа? Если да, то каким способом?
4. Возможно ли с помощью представленного оборудования блокировать передачу тревожных сообщений, генерируемых установленной на автомобиле охранной системой?

Таким образом, возможности радиотехнической экспертизы на сегодняшний день достаточно обширны, что, безусловно, может благоприятно сказаться на качестве раскрытия и расследования краж автотранспорта. Несмотря на то, что данная экспертиза появилась сравнительно недавно, она уже приносит огромную пользу в процессе раскрытия и расследования преступлений. Однако прослеживается и ряд проблем: отсутствие квалифицированных кадров и определенных методов и тактики проведения экспертизы. В настоящее время данные проблемы решаются, в частности, разрабатываются новые, более совершенные комплексы для проведения радиотехнической экспертизы и более тщательного анализа устройств, применяемых в преступных кругах.

Сегодня повседневная служебная деятельность следователя органов внутренних дел не представляется без использования современных устройств и информационных технологий. Владение достоверной информацией по конкретному уголовному делу, сбор и анализ этой информации, а также принятие процессуальных решений с соответствующим документальным оформлением и представлением уполномоченным должностным лицам является основой для успешного раскрытия и расследования преступлений в установленные сроки.

Литература

1. Бердникова О. П. Типичная обстановка и способы совершения разбойных нападений на водителей автотранспортных средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3.
2. Жидкова Е. В., Быбко Д. Н. К вопросу о способе преступного завладения автотранспортными средствами // III Криминалистические чтения: сб. мат-лов / под общ. ред. А. В. Верещагиной. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015.
3. Порядок назначения судебных экспертиз, исследований и использование экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации: справ. пособие / под ред. П. А. Гришина. М.: ЭКЦ МВД России, 2016.

УДК 343.983.22

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛЕДОВ ПРИМЕНЕНИЯ 9-ММ ПИСТОЛЕТА SIG SAUER P229

Алексей Николаевич Бардаченко, заместитель начальника кафедры, кандидат юридических наук;

Игорь Александрович Чулков, старший преподаватель
(Волгоградская академия МВД России)

E-mail: ardachenko-alex@rambler.ru
chulkov09.02@mail.ru

Девятимиллиметровый пистолет Sig Sauer P229 очень популярен в силовых структурах. К сожалению, криминалистическая литература не содержит исчерпывающих данных о его устройстве, в ней полностью отсутствует описание следов его применения. Авторами была изучена материальная часть данной модели оружия и проведено экспериментальное исследование по определению признаков, отображающихся в следах на выстреленных пулях и стреляных гильзах. Описаны и проиллюстрированы признаки, отображающиеся в следах близкого выстрела на преградах. Приведенные данные будут востребованы при определении системы, образца, модели оружия, а также обстоятельств его применения в рамках судебно-баллистических экспертиз. Они могут использоваться при подготовке экспертов-баллистов в образовательных организациях системы МВД России.

Ключевые слова: следы выстрела на преградах; пуля; гильза.

CRIMINAL CHARACTERISTICS OF TRACES OF APPLICATION OF 9-MM GUN SIG SAUER P229

Aleksey Nikolaevich Bardachenko, deputy head of the Department, *kandidat nauk*, degree in Law;

Igor Aleksandrovich Chulkov, senior lecturer
(Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia)

The 9.0 mm Sig Sauer P229 pistol is very popular in power structures. Unfortunately, data on the device of the gun and on the traces of its use are not contained in the forensic literature. The authors studied the device of this model of weapons and conducted an experimental study to determine the signs in the tracks on fired bullets and spent cartridges. Signs in the traces of a close shot on obstacles are described and illustrated. The above data will be used to determine the system, model of the weapon, as well as the circumstances of its use in the production of forensic ballistic examinations. The results can be used in the preparation of ballistic experts in educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Keywords: traces of a shot on obstacles; bullet; cartridge case.

Анализ структуры преступности в Российской Федерации свидетельствует о достаточно большом числе преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия. В 2019 г. их было зарегистрировано более 4,5 тыс., раскрываемость составила 68,6 %*.

При расследовании данной категории преступлений в обязательном порядке проводятся судебно-баллистические экспертизы. Методиками исследования огнестрельного оружия и следов его применения предусмотрено проведение сравнения со справочной информацией о материальной части оружия, характеристиках его следов на пулях, гильзах и преградах.

---

* Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 28.02.2020).

Однако в криминалистической литературе такие данные в отношении 9,0-мм пистолета Sig Sauer P229 отсутствуют. Находящийся в производстве с 1991 г., он является на данный момент одним из лучших образцов личного короткоствольного оружия в мире. Эта модель, благодаря отработанной при создании предыдущих конструкций схеме, обладает примечательными боевыми и эксплуатационными качествами. Этим объясняется большая популярность пистолета в силовых структурах.

Работа его автоматики основана на использовании энергии отдачи затвора при коротком ходе ствола, который качается в вертикальной плоскости. Запирание осуществляется посредством прилива на казенной части ствола и запирающей поверхности выводного окна в кожухе затвора. Снижение казенной части ствола при отпирании происходит за счет взаимодействия фигурного выреза в приливе под казенной частью ствола со стальным вкладышем рамки. Ударный механизм курково-ударникового типа. Предохранитель автоматический, запирает ударник. Отпирание ударника осуществляется при нажатии на спусковой крючок при выстреле. В вырезе левой накладке рукоятки пистолета находится флажок рычага безопасного спуска курка с боевого взвода. При отведении флажка рычага вниз курок срывается с шептала и встает на предохранительный взвод, при этом детали ударно-спускового механизма не блокируются. Питание пистолета осуществляется из отъемных двухрядных магазинов. Длина пистолета – 180 мм, длина ствола – 99 мм. Пистолет изготавливается со стволами под 9x19 мм (9-мм Luger) или 357 SIG. Маркировочные обозначения расположены на кожухе затвора слева – фирма-производитель и модель, на рамке справа – страна-производитель и заводской номер, на патроннике ствола – калибр* (рис. 1).

Рис. 1. 9-мм пистолет Sig Sauer P229

В целях изучения следов применения данного оружия проведено экспериментальное исследование. Из трех 9-мм пистолетов Sig Sauer P229 с малоизношенными каналами стволов было произведено по две серии выстрелов патронами 9x19 мм FMJ ОАО «Барнаульский патронный завод» в мишени из белой хлопчатобумажной ткани (бязи), закрепленной на картон, в интервале дистанций от 0 до 200 см. Анализ полученных следов выстрела позволил установить следующие их особенности.

При стрельбе из пистолета Sig Sauer P229 на ведущей части пули при ее поступательном движении в канале ствола образуются 6 первичных следов полей нарезов, расположенных параллельно продольной оси пули. Справа от них расположены 6 правонаклонных вторичных следов шириной 1,4–1,5 мм, угол наклона которых составляет 4,2–4,5°. В промежутке между следами полей нарезов отображаются следы дна нарезов в виде отдельных трасс (рис. 2).

* Официальный сайт фирмы Sig Sauer. URL: <https://www.sigsauer.com/products/firearms/pistols/p229/> (дата обращения: 03.12.2019).

Рис. 2. Фоторазвертка следов канала ствола на пуле

Среди следов деталей пистолета на гильзе можно выделить след бойка ударника, след краев канала ударника в чашке затвора, следы чашки затвора, следы зацепа выбрасывателя, след верхнего ребра выреза кожуха-затвора под отражатель (рис. 3). Следы, образованные другими деталями оружия на поверхностях гильз, слабо выражены и малоинформативны.

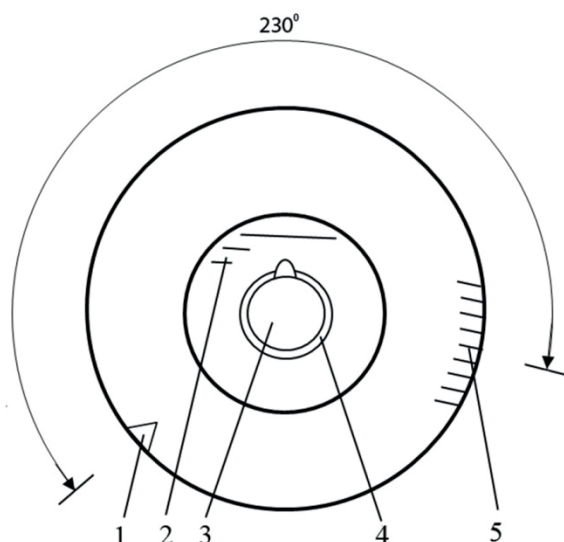

Рис. 3. Следы на гильзе:

- 1) след верхнего ребра выреза кожуха-затвора под отражатель;
- 2) следы чашки затвора; 3) след бойка ударника; 4) след краев канала ударника в чашке затвора;
- 5) след зацепа выбрасывателя (положение следов отражателя и зацепа выбрасывателя, а также угол между ними могут варьироваться)

След бойка ударника размещается в центре капсюля, с незначительным смещением, в виде округлой вмятины с дном полусферической формы. В его верхней части может располагаться след скольжения, образованный бойком ударника в момент снижения казенной части ствола (рис. 4). След краев канала ударника в чашке затвора располагается вокруг следа бойка (рис. 5). Его внешние границы ломаной формы. Следы чашки затвора в виде линейных углублений наблюдаются на капсюле гильзы (рис. 6). Основная их часть располагается в верхней части капсюля. В момент досылания патрона в патронник образуется след от передней части зацепа выбрасывателя на торце донной части гильзы у фланца (рис. 7). При удалении гильзы за пределы оружия зацеп выбрасывателя формирует след на торце фланца гильзы (рис. 8). Он располагается несколько выше первого следа, так как в этот момент казенная часть ствола несколько снижена. След верхнего ребра выреза в кожухе-затворе под отражатель располагается на торце донной части гильзы в виде параллельных валиков и бороздок (рис. 9). Он возникает в момент снижения казенной части ствола.

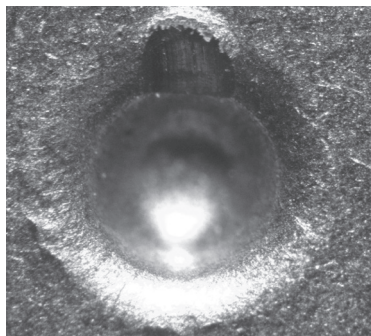

Рис. 4. След боя ударника

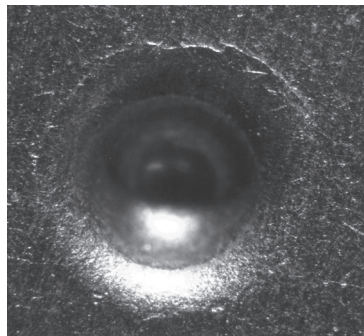

Рис. 5. След краев канала ударника в чашке затвора

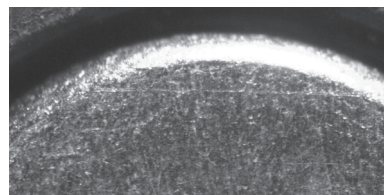

Рис. 6. Следы чашки затвора

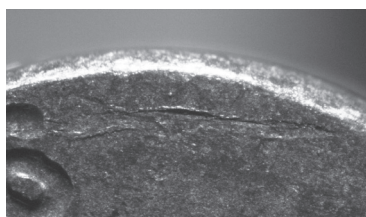

Рис. 7. След зацепа выбрасывателя, образованный при досылании патрона в патронник

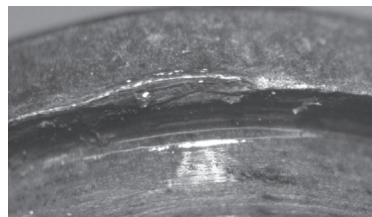

Рис. 8. След зацепа выбрасывателя, образованный при удалении гильзы за пределы оружия

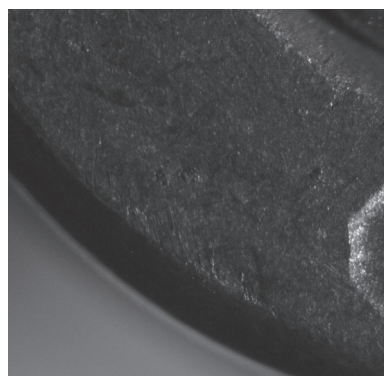

Рис. 9. След верхнего ребра выреза кожуха-затвора под отражатель

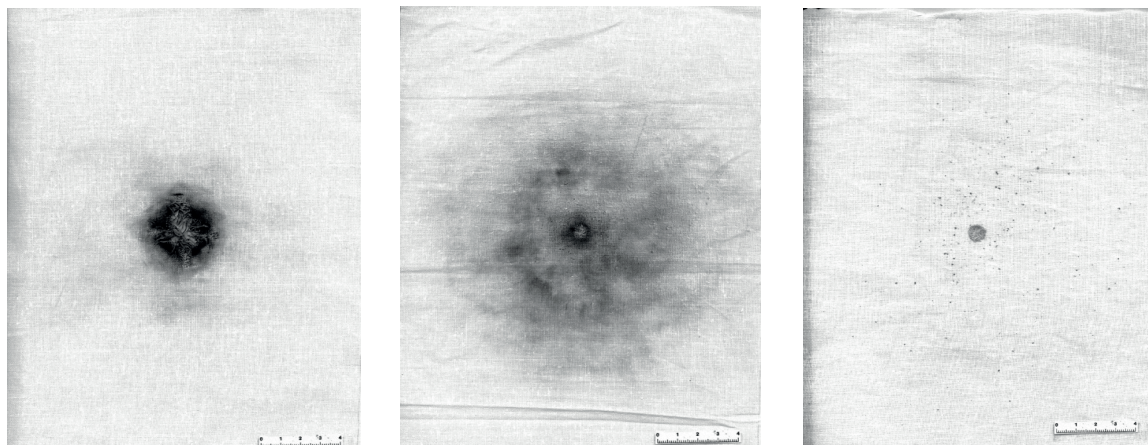
Исследование морфологии огнестрельного повреждения, а также распределения дополнительных следов выстрела в зоне огнестрельного повреждения лежит в основе установления дистанции близкого выстрела. В судебной баллистике в пределах близкого выстрела условно выделяют три зоны действия дополнительных факторов выстрела. В первой зоне наблюдается все из них, приоритетным же является механическое действие газопороховой струи, непосредственно формирующей огнестрельное повреждение. Для исследуемой модели оружия оно наблюдается, как правило, только при выстрелах в упор. При этом формируются крестообразные разрывы ткани с размером лучей от 15 до 20 мм от центра повреждения (рис. 10 а).

Приоритетным признаком второй зоны является отложение копоти выстрела. В проведенных нами экспериментах ее следы просматриваются на дистанциях до 30 см. Иногда копоть выстрела крайне слабой интенсивности может наблюдаться на дистанциях до 40 см. Дифференциация центральной и периферийной зон копоти возможна на дистанциях до 10 см. Центральная зона характеризуется следующими размерами: при выстрелах в упор – 30–35 мм, с дистанции 1 см – 70–85 мм, с дистанций 3–7 см – 75–110 мм. Размеры периферийной зоны не определяется из-за значительной размытости внешних границ (рис. 10 б).

В третьей зоне близкого выстрела на объект поражения оказывают действие преимущественно пороховые зерна. В виде осыпи разной степени интенсивности они отлагаются на дистанциях 3–60 см. Картина отложения зерен пороха на мишенях выглядит следующим образом (табл. 1, рис. 10 в).

**Характеристики отложения зерен пороха при стрельбе
из 9-мм пистолета Sig Sauer P229**

Дистанция, см	Характеристика отложения зерен пороха вокруг повреждения
0	Не наблюдаются
1	Единичные в центральной зоне отложения копоти
3	Осыпь диаметром 25–30 мм
5	Осыпь диаметром 20–35 мм
7	Плотная осыпь диаметром 35–40 мм
10	Плотная осыпь диаметром 55–60 мм
15	Плотная осыпь диаметром 55–65 мм
20	Плотная осыпь диаметром 60–65 мм
25	Плотная осыпь диаметром 60–70 мм
30	Плотная осыпь диаметром 80–85 мм
40	Разреженная осыпь диаметром 120–140 мм
45	Разреженная осыпь диаметром 160–175 мм
50	Разреженная осыпь диаметром 170–190 мм
60	Разреженная осыпь диаметром 170–200 мм
80	В незначительном количестве
150	Единичные
170	Не наблюдаются

а) б) в)
Рис. 10. Следы выстрела на ткани при стрельбе из 9-мм пистолета Sig Sauer P229:
а) в упор; б) с дистанции 5 см; в) с дистанции 45 см

Диффузно-контактным методом была выявлена картина распределения ионов меди [1]. Для определения меди использовался насыщенный раствор рубеоановодородной кислоты $\text{NH}_2\text{C(S)C(S)NH}_2$ в этиловом спирте. В качестве растворителя – 12 %-ный раствор аммиака (квалификация Ч). В качестве носителя будущей контактограммы использовалась отфиксированная фотобумага «Унибром» (глянцевая, нормальная, тонкая).

Анализ образованных следов позволил установить следующие закономерности (табл. 2, рис. 11).

Таблица 2

Характеристики отложения ионов меди при стрельбе из 9-мм пистолета Sig Sauer P229

Дистанция, см	Характеристики	
	центральной зоны гомогенного отложения	точечных и мелкоочаговых отложений
0	Округлой формы диаметром 25–35 мм или четырехугольной формы размером между противоположными углами 35–40 мм	В незначительном количестве
1	Округлой формы диаметром 80–90 мм с расходящимися от центра радиальными лучами	Основная масса расположена в центральной зоне отложения копоти
3	Округлой формы диаметром 80–90 мм с расходящимися от центра радиальными лучами	Основная масса расположена в центральной зоне отложения копоти
5	Округлой формы диаметром 105–120 мм	Основная масса в виде плотной осыпи диаметром 30–35 мм
7	Округлой формы диаметром 110–125 мм	Основная масса в виде плотной осыпи диаметром 30–40 мм
10	Границы зон не определяются	Основная масса в виде плотной осыпи диаметром 40–50 мм
15	Слабой интенсивности	Основная масса в виде разреженной осыпи диаметром 40–45 мм
20	Крайне слабой интенсивности	Основная масса в виде разреженной осыпи диаметром 70–80 мм

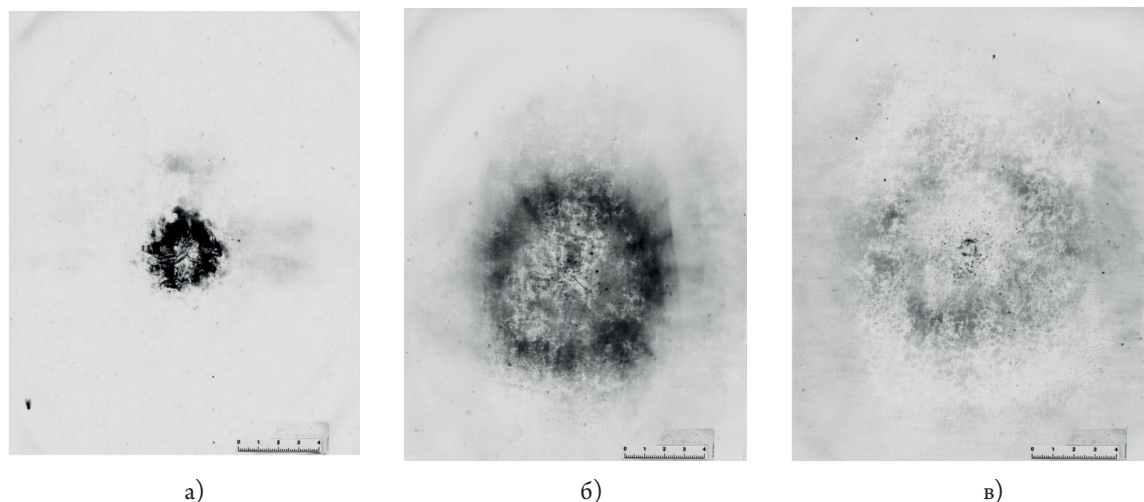

Рис. 11. Контакттограммы распределения соединений меди при стрельбе из 9-мм пистолета Sig Sauer P229: а) в упор, б) с дистанции 3 см; в) с дистанции 7 см

Проведенные экспериментальные исследования дают возможность высказать следующие суждения.

Изученный (исследованный) комплекс следов на стреляных гильзах, отображающий особенности и взаиморасположение слеодообразующих деталей пистолета Sig Sauer P229, позволяет с высокой степенью достоверности установить не только особенности механизма отпирания – снижение казенной части ствола, но и модель оружия. В полной мере это относится и к установленным характеристикам канала ствола пистолета, проявляющимся в следах на пулях, выстреленных из него. По приведенным особенностям характеристик следов близкого выстрела из пистолета возможно установление дистанции выстрела. При этом наиболее достоверную информацию несут отложения копоти, зерен пороха, а также частиц оболочки пули.

Полученные нами данные будут востребованы при судебно-баллистическом исследовании выстреленных пуль, стреляных гильз, огнестрельных повреждений, изъятых с мест происшествий. Также они могут использоваться в образовательном процессе по специальности «Судебная экспертиза».

Литература

1. Афанасьев И. Б., Юдина Т. Ю. Диффузно-контактный метод при исследовании следов продуктов выстрела: метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2015.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 346.6

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ АУДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (АУДИТА): ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Людмила Николаевна Древал, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор

E-mail: dreval.lyudmila@mail.ru

В статье в историческом аспекте рассматривается правовое регулирование аудиторской деятельности (аудита); определяется влияние международной нормативной базы и практики зарубежных стран, а также периода зарождения рыночных отношений в нашем государстве на современное национальное законодательство, регламентирующее этот вид предпринимательства.

Ключевые слова: аудит; предпринимательская деятельность; рыночные отношения; бухгалтерская и финансовая отчетность; аудиторский стандарт; аудитор.

ON LEGAL REGULATION OF AUDITING ACTIVITY (AUDIT): HISTORY AND MODERNITY

Lyudmila Nikolaevna Dreval, professor of the Department of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

The article considers the legal regulation of audit activity (audit) in a historical aspect; the influence of the international regulatory framework and practice of foreign countries, as well as the period of the emergence of market relations in our country on the modern national legislation governing this type of business is determined.

Keywords: audit; entrepreneurial activity; market relations; accounting and financial reporting; auditing standard; auditor.

Гражданско-правовое регулирование предпринимательских отношений, составляющих основу рыночной экономики, достигается посредством различных способов, в том числе с помощью обязательств в виде конкретных договорных форм.

Применение договоров считается гибкой правовой формой, в которую могут облекаться разные по характеру общественные отношения, в большей степени имущественные. «Основное назначение договора при этом сводится к удовлетворению взаимных интересов участников экономического оборота, выражающегося в регулировании в рамках закона поведения людей ...» [6, с. 32].

Заключение договора ведет к установлению правовой связи между субъектами предпринимательства, создавая возможность не только их взаимодействия, но и определяя требования к порядку и последовательности совершаемых действий.

При большом количестве предпринимательских договоров главное место в их числе занимают те, которые касаются возмездного оказания услуг: медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, образовательных, по туристическому обслуживанию и т. п.

Услуги представляют собой деятельность, удовлетворяющую разнообразные потребности их пользователей и не связанную с созданием вещи (объекта), научно-технической продукции (ноу-хау, изобретения). Они могут быть как фактическими действиями (перевозка, хранение), так и юридическими (деятельность комиссионера, экспедитора). Услуги также могут обеспечивать функционирование инфраструктуры рынка (деятельность биржевых посредников и банков) и способствовать производству товаров, пользующихся спросом на рынке (маркетинг, консалтинг и т. п.) и др.

В качестве договора, представляющего важность для государства в целях защиты его экономических интересов, можно обозначить обязательство, предметом которого являются аудиторские услуги, поскольку, согласно действующему законодательству, контролирующие органы могут использовать в своих целях информацию, подготовленную аудиторами о финансово-хозяйственной деятельности проверяемых субъектов.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ (гл. 39) при заключении рассматриваемых обязательств стороны должны договориться о таких существенных условиях, как совершение определенных действий или деятельности (проведение аудита, выполнение аудиторских услуг), оплата (цена) и срок.

Аудит, являясь одним из видов предпринимательской деятельности, преследует цель – проверить бухгалтерскую и финансовую отчетность субъекта и выразить мнение о ее достоверности. Его называют независимым финансовым контролем, так как аудит осуществляется самостоятельно, без влияния (вмешательства) государства. К тому же субъекты, имеющие право проводить такого рода мероприятия, не являются составной частью системы органов государственной власти или местного самоуправления. Их деятельность не может и не должна подменять государственный финансовый контроль, так как аудиторы и аудиторские организации – это субъекты предпринимательства, имеющие целью систематическое получение прибыли. Следовательно, аудит осуществляется наряду с государственным и муниципальным финансовым контролем.

Однако в нашем государстве в таком представлении аудит воспринимался не всегда, поскольку из анализа юридической литературы и законодательства следует, что первым русским памятником права, упоминающим аудиторов, был Устав генерала А. Вейде 1698 г., представленный Петру I после изучения военного дела в ряде западно-европейских государств. Позже на его основе было подготовлено «Уложение, или Право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам». Аудитор того времени следил за соблюдением закрепленного порядка судопроизводства и правильным применением закона, был специалистом в области уставных отношений.

Влияние на формирование современной интерпретации аудита в России оказали правовые источники таких стран, как Великобритания, Италия, Франция, где проверки по подтверждению бухгалтерской финансовой отчетности, по постановке на учет, консультирование в этой сфере и иные вопросы такого рода получили широкое распространение уже в XVIII–XIX вв. Они осуществлялись профессиональными аудиторами специально созданных организаций.

В Англии (Великобритании), например, в 1880 г. был образован институт присяжных бухгалтеров. Под влиянием британской практики в конце XIX столетия аудиторское дело возникает в США.

В Германии первые шаги по введению аудита были сделаны в 1870 г., когда появилась необходимость законодательного закрепления проведения внешнего аудита. Институт же аудиторов образуется здесь только к 1932 г. в результате передачи ему функций ранее существовавшего Института ревизии и попечительства.

Новый толчок развитию аудиторского дела дал мировой экономический кризис 1929–1933 гг., когда массовое банкротство субъектов бизнеса способствовало ужесточению проведения проверок в отношении их, а также тщательному исследованию их финансово-экономической и хозяйственной деятельности независимыми экспертами-аудиторами.

Банкротство являлось и является одним из способов прекращения деятельности коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, которое во многом зависит от определения вида неплатежеспособности. Считается, что она может быть относительной и абсолютной.

Первая характеризуется платежной неспособностью должника на конкретный момент, причины которой – это объективные, но временные факторы (например, несвоевременные расчеты с партнерами), и при их исчезновении у него появлялась возможность произвести расчеты по долговым обязательствам с кредиторами.

При абсолютной неплатежеспособности речь идет о невозможности удовлетворения требований по долгам не только в настоящее время, но и на перспективу, а также о недостаточности имущества должника.

Разбираться в видах неплатежеспособности субъектов предпринимательства как раз и предстояло аудиторам и аудиторским организациям.

Попытки создания аудиторской службы в России, целью которой являлось осуществление независимых проверок финансовой отчетности, были предприняты в 1889, 1912, 1928 гг. К сожалению, они оказались неудачными. Четвертая попытка началась в конце 80-х гг. прошлого столетия. Она была предопределена зарождением рыночных отношений и узакониванием их в нормативных правовых актах, закрепляющих различные формы собственности, в том числе частную (а не только общенародную, т. е. государственную); равную защиту участников рынка; отмену запрета на осуществление предпринимательской деятельности и закрепление ее ведения в различных организационно-правовых формах (в виде акционерных обществ, производственных кооперативов, обществ с ограниченной ответственностью и т. п.) и др.

Создание субъектов, осуществляющих аудиторские услуги, было предопределено появлением в Российском государстве большого количества предпринимателей и, как следствие этого, увеличением правонарушений в финансовой сфере и возросшей нагрузкой на государственные и муниципальные контролирующие органы. В дополнение к этому можно обратить внимание и на то, что большая часть бизнесменов (индивидуальных и коллективных) стала заинтересованной в осуществлении законной финансово-хозяйственной деятельности. Следовательно, для них важно было доказать это государству, а также убедить в этом своих партнеров и третьих лиц, с которыми они вступали в правоотношения и от которых зависела их дальнейшая деятельность и благополучие. Такие доказательства должны были быть представлены авторитетным и независимым экспертом, каковым являлся аудитор (аудиторская организация). Поэтому появилась необходимость в правовой регламентации общественных отношений в этой области.

Стремление к направлению аудиторской деятельности в правовое русло увенчалось принятием Временных правил об аудиторской деятельности, утвержденных Указом Президента РФ 22 декабря 1993 г.

Временные правила об аудиторской деятельности просуществовали до 2001 г., поскольку с этого периода рассматриваемые отношения стали регулироваться Федеральным законом «Об аудиторской деятельности» [1]. В декабре 2008 г. закон обрел новую редакцию.

Временными правилами впервые было обращено внимание на необходимость безотлагательного установления правовых основ по регулированию аудиторской деятельности – предпринимательской деятельности по осуществлению независимого вневедомственного финансового контроля; определялись ее виды, права и обязанности проверяющих.

Проверяющими (аудиторами) могли быть как частные лица – индивидуальные предприниматели, которые прошли аттестацию, зарегистрировались в установленном порядке и получили разрешение на ведение такой деятельности, так и аудиторские фирмы (юридические лица). Следует отметить, что важным положением этого документа была норма, которая устанавливала юридическую ответственность для экономических субъектов в случае их уклонения от проведения обязательной аудиторской проверки либо за препятствование ее проведению. Мерой ответственности был определен довольно крупный штраф: в зависимости от проступка и субъекта сумма его варьировалась от 50 до 500-кратного размера минимальной оплаты труда.

Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» 2001 г. детализировал правовую регламентацию общественных отношений в этой области. Также им был введен запрет на осуществление иных видов предпринимательской деятельности аудиторами.

В законе редакции 2008 г. дополнительно было уделено внимание контролю качества проведения аудиторских проверок (собственно аудита) и аудиторских услуг (налоговое консультирование, оказание юридической помощи, автоматизация бухгалтерского учета, разработка и анализ инвестиционных проектов, оценочная деятельность и т. п.), виды которых определяются приказом Министерства финансов РФ [4]. Законом также определены границы государственного вмешательства в деятельность аудиторов, независимо от того, кто ее осуществляет, индивидуальный предприниматель (аудитор) или аудиторская организация.

По сравнению с предыдущим законом, в анализируемом нормативном правовом акте появилось новое положение, касающееся членства рассматриваемых субъектов в саморегулируемой организации, вместо ранее установленного лицензирования.

Одной из обязанностей саморегулируемой организации стало ведение реестра аудиторов и аудиторских организаций (документ, подтверждающий их регистрацию и учет), членом которой они являются, а также внесение сведений о вновь созданных субъектах. Необходимо отметить, что только после внесения информации в реестр деятельность аудиторов и аудиторских организаций приобретает законный характер.

Сегодня можно утверждать, что в нашем государстве рынок аудиторских услуг сформировался. Так, по данным Министерства финансов РФ, этот вид предпринимательской деятельности осуществляют около 17,5 тыс. аудиторов и более 3600 аудиторских организаций*.

Помимо обозначенного законодательства аудиторская деятельность регулируется и другими нормативными правовыми актами. В их числе Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О бухгалтерском учете» [2], документы подзаконного характера [3; 4; 5].

Важными также являются специальные источники: стандарты (правила) аудиторской деятельности и Кодекс профессиональной этики аудиторов, которые считаются обязательными для аудиторов, аудиторских организаций и саморегулируемых организаций.

Правила определяют требования к аудиторским процедурам и необходимы для того, чтобы поддерживать качество аудиторских услуг на уровне, отвечающем требованиям международных стандартов. К тому же они способствуют повышению знаний и квалификации аудиторов.

В соответствии с Федеральным законом «Об аудиторской деятельности» на территории Российской Федерации применяются международные стандарты аудита, принимаемые Международной федерацией бухгалтеров. Однако международные стандарты аудита и иные

---

* URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/audit/reestr_audit/auditor_org/ (дата обращения: 28.02.2020).

международные документы должны быть признаны Правительством РФ. Этим же исполнительным органом государственной власти устанавливается порядок их применения [3].

Кодекс профессиональной этики [7] представляет собой свод правил поведения, обязательных при осуществлении аудиторской деятельности, которая должна быть основана на таких принципах, как честность, объективность, профессиональная компетентность, должная тщательность, конфиденциальность, профессиональное поведение.

Аудитору необходимо помнить, что объективность во многом зависит от отсутствия конфликтов интересов, представляющих угрозу не только объективности, но и реализации других принципов. Угрозы могут возникнуть, например, при обстоятельствах, когда: 1) аудитор оказывает услугу, касающуюся конкретного вопроса, для двух или более клиентов, чьи интересы по данному вопросу находятся в противоречии; 2) интересы аудитора по конкретному вопросу находятся в противоречии с интересами клиента, которому он предоставляет услугу. Поэтому любой предприниматель (индивидуальный или коллективный), осуществляющий аудиторскую деятельность на территории Российской Федерации и дорожающий своей деловой репутацией, придерживается правил поведения как национального, так и международного уровня.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы:

1) сложившаяся мировая практика осуществления аудиторских услуг влияла и влияет на российское законодательство. Сегодня международные правила, регулирующие общественные отношения в этой сфере, являются составной частью национального законодательства. Существенное влияние и в настоящее время не перестают оказывать правовые источники таких государств, как Великобритания, Германия, Франция, Италия, США и др.;

2) анализ ретроспективы российского законодательства и обобщение существующей практики приводят к мысли о том, что оно претерпело значительные изменения: от непонимания сущности аудита и отсутствия какого-либо правового регулирования до современного узаконивания общественных отношений в этой сфере;

3) история развития российского законодательства имела свою специфику вследствие объективных причин, в числе которых исторические особенности развития нашего государства.

Литература

1. Об аудиторской деятельности: федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.
2. О бухгалтерском учете: федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.
3. Положение о признании международных стандартов аудита подлежащими применению на территории Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства РФ от 11 июня 2015 г. № 576. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2020).
4. Об определении видов аудиторских услуг, в том числе перечня сопутствующих аудиту услуг: приказ Министерства финансов РФ от 9 марта 2017 г. № 33н. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.02.2020).
5. Международные стандарты аудита и иные международные документы: утв. приказами Министерства финансов РФ от 24 октября 2016 г. № 192н и от 9 ноября 2016 г. № 207н. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2020).
6. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975.
7. Кодекс профессиональной этики аудиторов (приложение к протоколу заочного голосования Совета по аудиторской деятельности от 21 мая 2019 г. № 47). Доступ из СПС «Гарант».

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Оксана Валерьевна Турчина, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: okturchina@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся правового регулирования исполнения обязательств в гражданском праве, проведен анализ теоретических и правоприменительных проблем исполнения обязательств, в частности, исследована судебная практика относительно порядка и сроков исполнения обязательств, а также сделаны выводы об их эффективности для отечественного гражданского законодательства.

Ключевые слова: обязательство; правоотношение; гражданское право; надлежащее исполнение; субъекты обязательства; разумный срок.

CURRENT ISSUES OF FULFILLMENT OF OBLIGATIONS

Oksana Valerievna Turchina, department associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor

The article deals with issues related to the legal regulation of performance of obligations in civil law, analyzes the theoretical and law enforcement problems of performance of obligations in civil law. In particular, the author studies the judicial and arbitration practice regarding the procedure and terms of performance of obligations, as well as draws conclusions about their effectiveness for domestic civil legislation.

Keywords: obligation; legal relationship; civil law; proper performance; subjects of the obligation; reasonable time.

На сегодняшний день вопросы исполнения обязательств являются одними из наиболее дискуссионных в гражданском праве. Они затрагивают одновременно договорные отношения, обязательства из причинения вреда, а также обязательственные отношения в целом. В рамках исполнения обязательства происходит процесс его реализации, который подчинен его содержанию, определенным условиями обязательства, требованиям закона, а также обычаям или иным предъявляемым требованиям.

Отметим, что эффективное функционирование гражданского законодательства в данной сфере напрямую зависит от соблюдения порядка исполнения обязательств, а также от своевременного устранения пробелов и недоработок действующего законодательства.

Споры, обусловленные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, все чаще становятся предметом разбирательства в суде.

Для правильного уяснения сущности обязательства, необходимо соотнести объем внутреннего содержания данного понятия с совокупностью глубинных связей, протекающих в единстве всех его многообразных форм в правоотношениях и обязанностях.

В законодательной дефиниции под обязательством понимается правоотношение, в силу которого одно лицо обязано совершить в пользу другого лица определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (ст. 307 ГК РФ).

Вместе с тем ставить знак равенства между обязательством и правоотношением не представляется возможным уже потому, что правоотношения бывают не только относительными, но и абсолютными, не только имущественными, но и личными неимущественными, не только

гражданскими, но и уголовными, финансовыми, административными и т. д. Правоотношение является родовым понятием.

Определенная путаница в понимании, что такое обязанность и обязательство, связана также с некоторой некорректностью в понятийном аппарате, использованном в разделе 3 подраздела 1 ГК РФ. Так, статья 307 ГК РФ определяет обязательство как обязанность одного лица совершить определенное действие либо воздержаться от действия, а также право кредитора требовать от должника исполнения его обязанности.

О. С. Иоффе рассматривал гражданско-правовую обязанность как средство регулирования поведения граждан, осуществляемого нормами гражданского права путем обеспечения определенного поведения ее носителя в целях удовлетворения интересов управомоченного, совпадающих с интересами государства или не противоречащих им [3, с. 565].

Мы придерживаемся мнения, что существует определенная иерархия правовых категорий, выстраиваемая по критерию совокупности охватываемых понятием предметов. Так, обязательство находится на отдельной плоскости, занимая промежуточное положение между правоотношением и обязанностью.

Учитывая тот факт, что исполнение обязанности является волевым актом, в практике нередки случаи, когда должник, добросовестно исполнивший свои обязанности, не может добиться соответствующего поведения со стороны своего контрагента. Было бы несправедливо, если бы невозможность исполнения обязательства напрямую ставилась в зависимость от обстоятельств, за которые отвечает сам кредитор.

В данной ситуации ученые-правоведы приходят к выводу, что право должника внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса является исключением из общего правила необходимости соблюдения трехэтапной процедуры исполнения обязательства. То есть они говорят об отсутствии принятия кредитором исполненного. На наш взгляд, принятие исполнения обязательства, как этап, здесь присутствует. Однако в целях сохранения эффективности товарооборота и справедливости в правоотношениях законодатель применяет своего рода условную формулу – фикцию принятия, что позволяет прекратить обязательство.

Исполнение обязательств – юридическая процедура, возникающая между должником и кредитором по надлежащему исполнению взаимообусловленных обязанностей, вытекающих из содержания конкретного гражданско-правового обязательства, с последующим одобрением результата и принятием предмета исполнения обязательства с целью прекращения обязательства.

Исполнение обязательств базируется на определенных требованиях, которые подчинены принципам надлежащего исполнения обязательств.

В отличие от вещно-правовых отношений, которые могут быть только абсолютными, обязательственное право выражает прямое взаимодействие конкретных субъектов – кредитора и должника.

Субъективное право, в том числе и обязательственное, включает в себя интерес, или объективную потребность. В частности, при реализации права на пользование той или иной вещью собственник удовлетворяют ту или иную свою потребность. В связи с этим индивиды вступают в различные обязательственные отношения.

В рассматриваемой группе правоотношений участвуют два субъекта: лицо, которое исполняет обязательство, – должник и лицо, в отношении которого исполняется обязательство, – кредитор.

В процессе исполнения обязательств, какого бы рода они ни были (услуга, работа или передача вещи), важнейшее значение имеет определение субъектов – кредитора и должника, которые подтверждают свой статус (полномочия) соответствующими документами или иными доказательствами [1, с. 17–22].

Большое значение в обязательственных правоотношениях имеет понятие надлежащего исполнения, которое, в свою очередь, включает в себя понятие надлежащего лица. Важно знать, кто исполняет обязательство и кому оно исполняется. От правильности выбора данных лиц будет зависеть, надлежащим образом выполнено обязательство или нет. Так, например, надлежащим лицом, которому должно быть исполнено обязательство, является кредитор или уполномоченное им на это лицо (п. 1 ст. 312 ГК РФ).

В соответствии со ст. 312 ГК РФ должник несет риск своей ответственности, если он не затребует подтверждение полномочий кредитора, то есть лица, которому он осуществляет исполнение. В практической деятельности очень распространено действие сторон по оформленной доверенности. Конечно, за должника может осуществить исполнение любое третье лицо, однако кредитор также заинтересован в проверке надлежащих полномочий должника, иначе и кредитор в итоге может получить убытки. Например, за должника может действовать лицо по доверенности на приемку товара.

В связи с этим интерес представляет надлежащее исполнение при множественности лиц в обязательстве (ст. 321–325 ГК РФ). По общему правилу, изложенному в ст. 321 ГК РФ, права и обязанности между участниками договора являются равными. Особенностью обязательственных правоотношений является то, что в момент совершения действий, которые порождают обязательства, субъекты строго определены. Однако в процессе исполнения к субъектам могут быть присоединены и другие участники. В то же время на практике, как правило, происходит не расширение круга участников, а их перемена. В процессе исполнения обязательств может быть заменен как кредитор, так и должник. То есть налицо изменение субъектного состава при неизменности самого обязательства. Именно появление ненадлежащего лица может привести к судебным разбирательствам по исполнению обязательства. На практике такие ситуации возникают очень часто.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что важнейшее значение при исполнении обязательств имеет правильное определение субъектов обязательства – надлежащих лиц (исполняющего обязательство и в отношении которого оно исполняется), поскольку при исполнении обязательства ненадлежащим лицом оно может быть признано неисполненным. Кроме того, правильное определение субъекта исполнения особенно существенно при перемене лиц в обязательстве, например, при уступке требования. В данном случае должны быть соблюдены все условия, иначе права одного из участников будут нарушены, что повлечет за собой появление новых обязательственных отношений.

На практике нередки ситуации, когда у должника нет возможности погашения обязательства в полном объеме. В таких случаях он может обратиться к кредитору с предложением об исполнении обязательства по частям. Примером таких правоотношений являются отношения по кредитному договору. Таким образом, сама сущность денежных обязательств предполагает право должника на осуществление исполнения обязательств частями при условии, что такой порядок не нарушает иных прав кредитора. В связи с этим возникает вопрос о принятии кредитором подобного варианта исполнения обязательств. При этом справедливым будет отметить, что данный вопрос не нашел должного внимания на теоретико-концептуальном уровне и в высказываниях мнений ученых-юристов имеются противоречия. Некоторые полагают, что отказ от принятия частичного исполнения обязательства есть не что иное, как способ обеспечения обязательства [2, с. 93], либо способ защиты прав и интересов кредитора, для которого исполнение обязательства по частям может быть просто не выгодным.

Напрямую в законодательстве нет четких формулировок относительно частичного исполнения обязательства. Исходя из системного толкования норм гражданского права, кредитор должен принять только то обязательство, которое исполнено в соответствии с принципами надлежащего исполнения, и, следовательно, не обязан принимать предлагаемое ему должником ненадлежащее исполнение обязательства. Сказанное логически приводит к мысли, что

это есть реализация права кредитора на отказ от принятия частичного исполнения или детализация принципа надлежащего исполнения обязательства, предусмотренного ст. 309 ГК РФ.

Следует также отметить, что при исполнении обязательства по частям возникают вопросы о применении сроков исковой давности. По общему правилу, срок исковой давности составляет 3 года с того момента, как кредитор узнал о неисполнении обязательства. Однако в случае исполнения обязательств по частям сроки исковой давности применяется ко всем частям отдельно, то есть у каждой части исполнения обязательств имеется свой срок исковой давности, равный трем годам с того момента, когда должен был наступить срок исполнения каждой части.

В материалах судебной практики по этому вопросу есть на что обратить внимание. Например, согласно условиям кредитного договора от 3 июня 2013 г., заключенного между ОАО Банк «ЗПД» и должником Т., погашение заемщиком кредита и процентов, начисленных за пользование кредитом, производится аннуитетными платежами в сумме 1 623 руб. 64 коп. согласно графику погашения, являющемуся неотъемлемой частью договора*.

В соответствии с требованиями ст. 311 ГК РФ кредитным договором предусмотрена периодичность платежей и исполнение обязательства по частям. Таким образом, к требованию о взыскании задолженности по основному долгу применимы положения о сроке исковой давности, исчисляемом отдельно по каждому платежу со дня, когда кредитор узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

Согласно договору, кредит заемщику предоставлен с окончательным сроком возврата 3 июня 2016 г. Поскольку 3 июля 2014 г., в установленный договором срок, заемщик Т. обязательства по внесению очередных платежей не исполнила, то с указанной даты по каждому платежу в отдельности у истца возникло право требования просроченной задолженности.

Кредитные правоотношения по правовой природе предусматривают именно срочность предоставленного кредита, в связи с этим начало течения срока исковой давности по кредитным обязательствам на основании ст. 200 ГК РФ, по общему правилу, с учетом фактических взаимоотношений сторон, определяется днем, когда банк узнал или должен был узнать о нарушении своего права по истечении установленного договором срока погашения кредита (его соответствующей части).

Из материалов дела следует, что исковое заявление подано в суд 26 июня 2019 г., то есть спустя 3 года с момента, когда кредитор узнал или должен был узнать о нарушении своего права. С учетом приведенных норм права и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также исходя из установленных по делу фактических обстоятельств, суд приходит к выводу об истечении срока давности для предъявления требований по платежам, которые подлежали внесению до 3 июня 2016 г.

Согласно ст. 199 ГК РФ, исковая давность применяется судом только по заявлению стороны, сделанному до вынесения судом решения. Ответчиком Т. суду заявлено о применении срока исковой давности. Таким образом, исковые требования ОАО Банк «ЗПД» в лице конкурсного управляющего – Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» к Т. предъявлены за пределами срока исковой давности, в связи с этим у суда отсутствуют основания для удовлетворения исковых требований истца. То есть в данном случае истек срок исковой давности по последней части исполнения обязательства, поэтому суд принял решение о применении сроков исковой давности ко всему обязательству.

Из вышеизложенного следует, что исполнение обязательств по частям на сегодняшний день в большей степени регулируется общими принципами исполнения обязательств и правоприменительной практикой, нежели нормами законодательства, что приводит к появлению коллизий, осложняет правоприменение. Конечно, данный вопрос необходимо урегулировать

* Решение Приволжского районного суда г. Самары № 2(2)-172/2019 от 29 июля 2019 г. по делу № 2(2)-172/2019. URL: <https://sudact.ru>.

либо на законодательном уровне, либо в порядке толкования норм права Верховным Судом РФ, с четким определением как порядка исполнения обязательства по частям, так и порядка принятия исполнения данного кредитором обязательства.

Еще одной проблемой, связанной с исполнением обязательств, является проблема установления критериев разумности при определении срока исполнения обязательств или отказа от их исполнения в разумный срок.

Гражданское законодательство достаточно часто использует оценочные категории, одной из которых является такая категория, как разумный срок. При этом понятие разумности – оценочное, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе. Так, например, Д. Н. Левина полагает, что «оценочные категории придают гражданской форме гибкость, обеспечивают относительную стабильность, отсутствие пробелов в законодательстве и регулирование правоотношений, способствуют снижению законодательной экономии, если правильно их использовать, и обучают уяснению правовых норм гражданами» [4, с. 67].

Для наиболее глубокого уяснения смысла категории «разумный срок» применительно к исполнению обязательств интерес представляет проведенный анализ судебной практики, которая подтвердила, что понятие разумного срока трактуется судами по-разному и зависит от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела. В основном суды исходят из характера взаимоотношений сторон и учитывают обстоятельства, влияющие на способность своевременного исполнения обязательства, а также другие имеющие значение для дела обстоятельства.

В некоторых случаях в соответствии с ч. 2 ст. 314 ГК РФ несогласованность сторонами срока исполнения обязательства дает основание для применения семидневного срока как разумного для исполнения обязательств. Однако анализ судебной практики показывает, что в ряде случаев суды определяют разумный срок исполнения обязательств, исходя из анализа существа отношений. Вместе с тем в судебной практике имеется немало примеров дел, рассматривая которые суды проявляли вдумчивые и адекватные подходы при определении того, какой срок исполнения обязательства является разумным.

Приведем несколько примеров, демонстрирующих усмотрение суда на применение разумности сроков исполнения обязательств.

1. В рамках отношений по поставке товара суд счел срок в 45 календарных дней разумным*.
2. В рамках лизинговых отношений Девятый арбитражный апелляционный суд признал разумным сроком 615 календарных дней**.
3. В рамках устранения недостатков суд установил разумный срок в 6 календарных дней***.
4. Разумный срок в 5 календарных дней был установлен в апелляционном определении Верховного суда Республики Карелия от 11 марта 2016 г. по делу № 33–802/2016.
5. Больше 7 календарных дней счел необходимым установить в качестве разумного срока Седьмой арбитражный апелляционный суд в постановлении от 7 февраля 2019 г. № 07АП-12759/2018 по делу № А03–13811/2018.
6. Разумный срок в 9 календарных дней указан в постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 августа 2017 г. по делу № А66–1521/2016.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Многие существующие проблемы правового характера делают процесс исполнения обязательств в гражданском праве затруднительным. Препятствуют этому нечеткость формулировок дефиниций и правовых категорий, а также наличие оценочных категорий, неурегулированность вопроса о сро-

---

* Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 июля 2019 г. № 09АП-30657/2019 по делу № А40–23897/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 апреля 2019 г. № 09АП-10461/2019-ГК по делу № А40–78843/18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

*** Апелляционное определение Воронежского областного суда от 17 июля 2018 г. по делу № 33–4970/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ках исполнения отдельных видов обязательств и, как следствие, возникающая на основе этих проблем неоднородность судебной практики.

Литература

1. Агаронян Р. П. Проблемы определения условий исполнения гражданско-правовых обязательств // Вопросы экономики и права. 2019. № 7 (133).
2. Делягина С. В. Исполнение денежного обязательства по частям // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 8.
3. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2010.
4. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: дис. . . . канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

УДК 347.4

ПРЕЗУМПЦИЯ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ ПО ДОГОВОРУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЛЕЧЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Юлия Викторовна Блинова, доцент кафедры Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: jblinova@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются механизмы § 630 h Германского гражданского уложения, помогающие пациентам доказать наличие противоправного поведения лечащего лица или причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившим вредом. Эти презумпции распространяются только на договор о предоставлении лечения, не пересекаясь с нормами об ответственности из договоров или деликтов. В рамках реформирования российского законодательства целесообразно подумать о специальном регулировании и бремени доказывания гражданско-правовой ответственности врача.

Ключевые слова: договор о предоставлении лечения; презумпция врачебной ошибки; бремя доказывания ответственности; Германское гражданское уложение.

ASSUMPTIONS OF MEDICAL MALPRACTICE FROM MEDICAL SERVICE CONTRACT IN GERMANY

Yulia Viktorovna Blinova, department associate professor of the Altai State University, *kandidat nauk*, degree in Philology, Associate Professor

This article discusses ways of § 630 h of the German Civil Code which provide health care consumer with establishing attending's wrong-doing or cause and effect relationship of attending's wrong-doing and resulting injury. These assumptions apply only to medical service contracts without steering clear of norms concerning contractual liability or liability in tort. In the context of reforming Russian legislation it is practicable to see about peculiar regulation and burden of proving of attending's civil liability.

Keywords: medical service contract; assumption of medical malpractice; burden of proving of liability; German Civil Code.

Минздрав России констатирует, что из-за врачебных ошибок тяжелые осложнения в России каждый год получают более 70 тыс. человек*. В то же время в ФРГ, например, где с 26 февраля 2013 г. действует закрепленные нормами Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) договор о предоставлении лечения, цифры иные. Так, в соответствии с годовым отчетом, подготовленным Медицинской службой головного центра Союза больничных касс и Медицинской службой страхования, в 2018 г. проведено 14133 экспертизы, при этом только в 4006 случаях была установлена врачебная ошибка, которая в 3497 случаях повлекла вред; наконец, только в 2799 случаях была доказана причинно-следственная связь между врачебной ошибкой и наступившим вредом**. Говоря иначе, в 75,3 % случаев отсутствовали основания для наступления гражданско-правовой ответственности, что свидетельствует в том числе об эффективном правовом регулировании отношений пациент – врач. Изложенное обуславливает необходимость обращения внимания на нормы иностранного законодательства в целях выяв-

---

* URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e3e9fc09a79473ae7c214a6> (дата обращения: 12.03.2020).

** Jahresstatistik 2018: Behandlungsfehler-Begutachtung der MDK-Gemeinschaft // URL: https://www.mds-ev.de/fileadmin/dokumente/Pressemitteilungen/2019/2019_05_16/2019-08-12_Behandlungsfehlerbegutachtung_Jahresstatistik_2018_PDF_UA.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

ления позитивного опыта и возможного учета российским законодателем. Соответственно, предметом рассмотрения в настоящей статье выступают презумпции врачебной ошибки по § 630 h ГГУ, при этом использованы сравнительно-правовой, формально-юридический, описательный, логический и лингвистический методы.

Для начала следует сказать, что немецкий законодатель классифицирует договор о предоставлении лечения как разновидность договора, имеющего своим предметом оказание услуг, поскольку размещен этот относительно новый тип договора в подразд. 2 разд. 8 «Договор оказания услуг и подобные договоры» Кн. 2 ГГУ [9]. И применительно к теме настоящей статьи становится очевидным, что именно в отношении качества оказываемых услуг суд может испытывать дефицит доказательств, квалифицирующих медицинские услуги как некачественные, в свете противопоставления предметов смежных договоров, известных также и немецкому праву. Так, в соответствии с § 611 ГГУ предметом договора оказания услуг выступает предоставление обещанных услуг, в то время как, согласно § 631 ГГУ, по договору подряда исполнитель обязуется изготовить, изменить вещь или достигнуть иной результат путем выполнения работы или оказания услуги. Как отмечает V. Emmerich, это не слишком удачное разграничение договоров: «по договорам оказания услуг заказчики также нацелены на положительный результат, и никто не оплачивает услуги «just for fun» («смеха ради»). Однако традиционным для немецкого правового поля является отнесение договоров с лицами некоторых свободных профессий (врачи, юристы) к договорам оказания услуг, а не подряда [11, S. 127].

Атрибутирование договора о предоставлении лечения с договорами оказания услуг, а не с договорами на выполнение работ, обусловлено тем простым обстоятельством, что врач в любом случае может обязываться только к проведению лечения пациента, а не к излечению пациента [11, S. 127; 16, S. 11]. И здесь для большей наглядности очень аккуратной немецкой позиции в части возложения гарантийных обязательств на врача целесообразно привести определение понятия «качество» в области медицины, предложенное рабочей группой «Менеджмент качества в медицине» Немецкого общества медицинской информатики, биометрии и эпидемиологии (GMDS), под которым понимается «достаточная и соответствующая (в субъективном и объективном смысле), ориентированная на качество жизни, квалифицированная, но и экономичная медицинская помощь, направленная на повышение вероятности желаемых результатов лечения у индивидов и всего общества» [15, S. 21]. Все же договоры на выполнение операций периодически квалифицировались как договоры подряда, но и тогда условием договора выступало безупречное проведение операции, а не наступление излечения. Вместе с тем при осуществлении косметических операций иногда исходят из другого подхода, но исключительно в целях защиты прав пациентов [11, S. 127–128].

Спецификой медицинской услуги выступает то обстоятельство, что некачественно оказанная такая услуга чаще, чем другие виды услуг, сопряжена с причинением вреда жизни, телесной неприкосновенности или здоровью пациента, и здесь классически, по теории доказывания, для наступления ответственности причинителя вреда необходимо доказать три элемента: наличие противоправного поведения врача, наличие вреда и их причинно-следственную связь [14, S. 260; 17, S. 126]. Как принято считать в процессуалистике, наиболее сложным в доказывании элементом является установление причинно-следственной связи, вот почему немецкий законодатель пошел навстречу пациентам и закрепил в ГГУ четыре презумпции наличия противоправного поведения лечащего лица (абз. 1–3 § 630 h ГГУ) и две презумпции наличия причинно-следственной связи между противоправным поведением лечащего лица

* В силу сложившихся российских традиций основаниями ответственности выступают 4 обстоятельства: противоправность поведения нарушителя; возникновение вреда (убытков) на стороне потерпевшего; причинно-следственная связь между поведением правонарушителя и вредом, возникшим у потерпевшего; вина правонарушителя [8, с. 523]. Вместе с тем с учетом презумпции вины должника в гражданском праве можно говорить в целом о совпадении оснований ответственности и обстоятельствах доказывания в РФ и ФРГ.

и наступившим вредом (абз. 4–5 § 630 h ГГУ), которые освобождают пациентов от бремени доказывания названных фактов [13, S. 164 ff.; 14, S. 260].

Под опровержимой презумпцией понимается предположение, признаваемое достоверным, пока не будет доказано обратное [5]. Более развернутая дефиниция предложена юристом М. Бартошеком: «Презумпция (в праве) – это правовое предположение, согласно которому с учетом обычного соотношения фактов можно (по уполномочию права) судить на основании определенного факта о существовании другого факта, не доказанного, а только предполагаемого» [4]. Как следует из определения, важно, во-первых, чтобы презумпция отражала обычный ход вещей; во-вторых, чтобы ее использование было санкционировано нормой права; в-третьих, чтобы презумпция помогала установить факт, который прямо по каким-либо причинам отсутствует, не может быть доказан.

Соответственно, в ГГУ использованы две разновидности презумпции врачебной ошибки – презумпция противоправного поведения лечащего лица (абз. 1–3 § 630 h) и презумпция наличия причинно-следственной связи между противоправным поведением лечащего лица и наступившим вредом (абз. 4, 5 § 630 h)*. Данные презумпции являются опровержимыми и действуют, пока не доказано иное**. Это презумпции неустановленного факта, а, в отличие от уголовного права и процесса, в гражданском праве и процессе неустановление определенных фактов не означает их безусловного отсутствия [7, с. 466]. Тем не менее, в рамках рассматриваемого предмета опровержимый характер презумпций имеет положительное значение, потому что дает возможность лечащему лицу в определенных случаях доказать свою невиновность, что демонстрирует в итоге качественное оказание медицинской услуги и нормальное развитие обязательства. Параграф 630 h ГГУ регулирует бремя доказывания при привлечении лечащего лица к ответственности за врачебную ошибку. При этом под последней, исходя из буквального текста закона (наименование параграфа), понимается и ошибка, связанная с предоставлением лечения, и ошибка, вытекающая из информирования пациента. Таким образом, немецкий законодатель закрепил подходы к бремени доказывания, которые сложились в судебной практике [10, S. 27].

Согласно абз. 1 § 630 h ГГУ, ошибка лечащего лица предполагается, если имел место общий риск, связанный с лечением, и этот риск полностью поддавался управлению со стороны лечащего лица, однако причинил вред жизни, телесной (физической) неприкосновенности или здоровью пациента.

Под общим риском понимается, в частности, риск, который «происходит не от человеческого организма или особенностей медицинского вмешательства в этот организм ... медицинское оборудование, материалы полностью контролируются врачом, если только там нет скрытого дефекта или нельзя научно объяснить, как это произошло» [18, S. 352]. Таким образом, неправильное назначение медтехники или дефекты гигиены, а также оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, относятся к общим, т. е. полностью управляемым рискам от лечения, перечень которых, однако, носит открытый характер [13, S. 165; 17, S. 128].

Как гласит абз. 2 § 630 h ГГУ, лечащее лицо должно доказать, что оно получило согласие пациента (§ 630 d) и информировало его в соответствии с требованиями § 630 e. Если информирование не соответствует этим требованиям, лечащее лицо может ссылаться на то, что пациент и в случае надлежащего информирования согласился бы на медицинское вмешательство.

* Здесь следует сделать оговорку, что данные презумпции являются специальными нормами, распространяющимися исключительно на договор о предоставлении лечения, поэтому не затрагивают ни положения § 280 ГГУ о договорной ответственности, ни положения § 823 ГГУ о деликтной ответственности [14, S. 260]. Например, вне правового регулирования по § 630 a-h ГГУ будут лица, находящиеся в соответствующих учреждениях на социальном обслуживании, или лица в бессознательном состоянии, с которыми договор о предоставлении лечения в момент оказания помощи не может быть заключен.

** URL: <https://bigenc.ru/law/text/3175637> (дата обращения: 12.03.2020).

Получение согласия пациента на проведение медицинского вмешательства и информирование пациента являются в ФРГ очень серьезной обязанностью лечащего лица, поскольку выходят на «право пациента на самоопределение» [3, с. 50], последнее объясняет и повышенную ответственность за пренебрежение лечащим лицом данной обязанностью. По традиционному подходу в ФРГ, согласие пациента может исключать противоправность действий лечащего лица, если пациент был надлежащим образом уведомлен о действиях лечащего лица [6, с. 326]. Следовательно, ключевой обязанностью выступает информирование пациента, поскольку ссылка на § 630 d приводит к другой презумпции, в соответствии с которой согласие пациента предполагается, если пациенту либо его представителю разъяснены обстоятельства, касающиеся предстоящего медицинского вмешательства (абз. 2 § 630 d ГГУ). Параграф 630 e ГГУ определяет объем, форму, сроки информирования, в частности, информирование пациента о примерной стоимости лечения, язык коммуникации, время информирования и пр. Презумпция согласия пациента или его представителя при информировании о медицинском вмешательстве не действует, если пациент, будучи совершеннолетним и дееспособным, составил распоряжение пациента, которое будет предусматривать иное (абз. 1 § 1901 a ГГУ).

Согласно абз. 3 § 630 h ГГУ, если лечащее лицо вопреки абз. 1 или 2 § 630 f не внесло запись о необходимом существенном медицинском вмешательстве и его результате в историю болезни или вопреки абз. 3 § 630 f не сохранило историю болезни, предполагается, что оно не проводило это медицинское вмешательство.

Абзац 2 § 630 f ГГУ обязывает лечащее лицо отражать в истории болезни пациента все профессионально важные для текущего и будущего лечения осуществленные вмешательства и их результаты, в том числе анамнез, диагноз, исследования, результаты исследований, данные осмотра, лечение и его результат, вмешательства и их результат, согласие на лечение и информирование. Кроме того, заключения врачей также должны присутствовать в истории болезни пациента. При этом история болезни пациента хранится в течение 10 лет после завершения лечения, если иной срок не установлен законодательством [12, S. 7].

В соответствии с абз. 4 § 630 h ГГУ, если лечащее лицо для проведения предпринятого им лечения не имело соответствующей квалификации, предполагается, что это послужило причиной наступления вреда жизни, телесной (физической) неприкосновенности или здоровью. В данной ситуации действует общее требование, что лечащее лицо должно соответствовать принятому в конкретной области медицины стандарту, действующему на момент заключения договора. Исключение составляет ситуация, когда пациент знает об отсутствии у данного лечащего лица соответствующего образования, знаний, но тем не менее соглашается на заключение договора с ним (абз. 2 § 630 a ГГУ). Вместе с тем презумпция абз. 4 § 630 h обнаруживает связь с таким понятием деликтного права, как вина, проявленная при принятии на себя определенных обязательств (*Übernahmeverschulden*), т. е. когда врач несет ответственность за предпринятое лечение, которое он вследствие разных причин не должен был проводить. К таким причинам могут быть отнесены отсутствие опыта, знаний, аппаратного оснащения или личные обстоятельства (болезнь, переутомление) [16, S. 12]. Однако, как видно, только отсутствие опыта и знаний, а не усталость лечащего лица выделены законодателем в основание презумпции, поскольку является наиболее опасным при оказании медицинских услуг, хотя в законопроекте такая идея была [13, S. 177]. В развитие данной мысли, по мнению адвоката Й. Ноя, начинающие врачи и практиканты должны особо критично относиться к своим возможностям и в случае сомнений обращаться за советом к опытным коллегам-специалистам или отказаться от медицинского вмешательства, однако не допуская при этом нарушений нормы о неоказании медицинской помощи [16, S. 13]. Здесь следует также указать, что лечащее лицо не обязано всегда знать последние разработки и новшества в своей области, но если эти новые стандарты менее вредны для пациента, обещают более успешное излечение, менее

спорны в медицинских кругах, то их неиспользование также будет означать недолжное поведение лечащего лица [16, S. 13].

Согласно абз. 5 § 630 h ГГУ, если допущена грубая врачебная ошибка и она может повлечь причинение вреда жизни, телесной (физической) неприкосновенности или здоровью, предполагается, что вред причинен вследствие врачебной ошибки. Это предполагается и тогда, когда лечащее лицо своевременно не собрало необходимые результаты медицинского обследования или не обеспечило их сохранность, если результаты обследования с достаточной вероятностью привели бы к назначению дальнейших медицинских мероприятий и если несоблюдение этих мероприятий было грубой медицинской ошибкой.

В практике немецких судов грубая врачебная ошибка представляет собой самый значительный случай для поворота бремени доказывания, и именно поэтому законодатель пошел на презюмирование наличия причинно-следственной связи между противоправным поведением лечащего лица и наступившим вредом, что уже давно является, по словам D. Franzki, обычным правом [13, S. 179]. Все же пациент по-прежнему должен доказать наличие врачебной ошибки и вреда. Вместе с тем презумпция регулирует только так называемый первичный вред, т. е. вред, полученный вследствие врачебной ошибки; наступление вторичного вреда данная презумпция не охватывает [17, S. 128]. По мнению Федерального Верховного суда ФРГ, грубая врачебная ошибка представляет собой такую ошибку, которой «у лица с соответствующим образовательным и научным уровнем ни в коем случае не может быть» [17, S. 128].

По сравнению с немецким законодательством, ответственность врача в России регулируется отсылочно, т. е. специальный Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] не устанавливает специфику ответственности исполнителя медицинских услуг (ст. 98), а направляет к отраслевому законодательству, не говоря уже о закреплении презумпций вины врача. При этом только административная и уголовная ответственность врача имеют выраженный характер, поскольку есть ряд составов в соответствующих кодексах (гл. 6 КоАП РФ, ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124, ст. 293 УК РФ). В части гражданско-правовой ответственности нет и этого: ответственность врача регулируется положениями либо гл. 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств, либо гл. 59 ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда, в которых не учитывается профессиональная деятельность исполнителя медицинских услуг.

В Постановлении от 26 января 2010 г. № 1 [2] Верховный Суд РФ разъяснил, что по общему правилу, установленному ст. 1064 ГК РФ, ответственность за причинение вреда возлагается на лицо, причинившее вред, если оно не докажет отсутствие своей вины. Установленная ст. 1064 ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт увечья или иного повреждения здоровья, размер причиненного вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред (п. 11 Постановления). Вместе с тем пациенту или его наследнику как неспециалистам и/или неочевидцам чрезвычайно затруднительно доказывать факт того, что лицо является причинителем вреда, т. е. совершило противоправные действия. В связи с этим, как нам представляется, введение в российское законодательство минимальных ориентиров для доказывания неправомерного поведения врача могло бы идти на пользу как пациентам, так и самим врачам, ибо последние более ответственно подходили бы к так называемым «контрольным точкам».

Таким образом, на основе проведенного исследования можно утверждать, что договор о предоставлении лечения в ГГУ содержит ряд специальных норм, отличных от норм, регулирующих договорную или деликтную ответственность контрагентов, в которых закреплены презумпции, помогающие пациентам доказывать врачебную ошибку. Данное обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение, поскольку пациентам не приходится каждый раз по-

вому определять и обосновывать вид, объем значимых обстоятельств, устанавливать противоправное поведение лечащего лица и, что еще более существенно, в условиях неочевидности доказывать наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением лечащего лица и наступившим вредом.

Литература

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2019. № 52 (Ч. I). Ст. 7836.
2. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.
3. Арсланов К. М. Врачебная обязанность по своевременному информированию пациента о медицинском вмешательстве (немецкий опыт) // Медицинское право. 2016. № 4.
4. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения / пер. с чешск. Ю. В. Преснякова. М.: Юрид. лит., 1989.
5. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001.
6. Егорова М. А., Крылов В. Г., Романов А. К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017.
7. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект // Юридическая техника. 2010. № 4.
8. Ягельницкий А. А. Гражданско-правовая ответственность // Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. I: Общая часть. М.: Статут, 2019.
9. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18.08.1896 (zuletzt geändert am 21.12.2019). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения: 12.03.2020).
10. Entwurf eines Gesetzes zur Verbesserung der Rechte von Patientinnen und Patienten // Drucksache 17/10488. 2012.
11. Emmerich V. BGB-Schuldrecht. Besonderer Teil. 12. Auflage. Heidelberg: C. F. Müller, 2009.
12. Fleischhauer K. Die Regulierung der medizinischen Versorgung in Deutschland. Normsetzung und Normen in der gesetzlichen und in der privaten Krankenversicherung – Eine Einführung. Berlin: LIT VERLAG, 2014.
13. Franzki D. Der Behandlungsvertrag. Ein neuer Vertragstypus im Bürgerlichen Gesetzbuch: Göttinger Schriften zum Medizinrecht. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2014.
14. Hindemith J. Kausalität // Handbuch Arzthaftungsrecht. Fehlerkategorien. Schadensregulierung. Mandats- und Verfahrensgestaltung. Praxistipps / Hrsg. Dr. A. Jorzig. Heidelberg: C. F. Müller, 2018.
15. Mayer E. D., Boukamp K. B. Internes Qualitätsmanagement in der medizinischen Versorgung. Lehr: Kompetenz-Centrum «Qualitätssicherung/Qualitätsmanagement» der MDK-Gemeinschaft und des Spitzenverbandes Bund der Krankenkassen, 2012.
16. Neu J. Haftungsfragen // Saarländisches Ärzteblatt. 2013. № 8.
17. Salaschek S. Die «Kind als Schaden»-Rechtsprechung im Verhältnis zu den §§ 218 ff. StGB. Arzthaftungsansprüche der Eltern bei unterlassenen und misslungenen Schwangerschaftsabbrüchen und die Rolle des § 218 a StGB. Hamburg: Springer-Verlag, 2018.
18. Wischmeyer T., Rademacher T. Regulating Artificial Intelligence. Hamburg: Springer-Verlag, 2020.

УДК 347.515.6

ПРАВО РЕГРЕССА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ К ДОЛЖНОСТНОМУ ЛИЦУ, ЧЬИ НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЕ) ПРИВЕЛИ К ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА: ДЕЙСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Анна Алексеевна Овчинникова, преподаватель Хабаровского государственного университета экономики и права

E-mail: a. a.ovchinnikova@bk.ru

Статья посвящена исследованию проблемных аспектов, сопряженных с введением п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ и действием указанной нормы во времени. Проанализированы три категории споров, связанных с подачей публично-правовым образованием регрессного иска к должностному лицу. Автором доказано, что право регресса к должностному лицу существовало у публично-правового образования всегда вследствие самого факта уплаты денежных средств одним лицом за другое.

Ключевые слова: право регресса; действие во времени; должностное лицо; регрессное обязательство; основание возникновения регрессного обязательства из причинения вреда; регрессное требование.

THE RIGHT OF RECOURSE OF PUBLIC LAW FORMATIONS TO AN OFFICIAL WHOSE ILLEGAL ACTIONS (INACTION) LED TO COMPENSATION FOR HARM: ACTION IN TIME

Anna Alekseevna Ovchinnikova, lecturer of the Khabarovsk State University of Economics and Law

The article is devoted to the study of problematic aspects related to the introduction of paragraph 3.1 of article 1081 of the Civil code of the Russian Federation, and the effect of this norm in time. Three categories of disputes related to the filing of a regress claim against an official by a public legal entity are analyzed. The author proves that the right of recourse to an official has always existed in a public legal entity as a result of the fact that one person paid money for another.

Keywords: right of recourse; action in time; official; regress obligation; the basis for the occurrence of a regress obligation from causing harm; regress claim.

Пункт 3.1 ст. 1081 ГК РФ был введен Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (далее – Федеральный закон № 329-ФЗ) и закрепил за публично-правовыми образованиями, в случае возмещения ими вреда по основаниям, предусмотренным ст. 1069 и 1070 ГК РФ, а также по решениям Европейского суда по правам человека, *право регресса к должностному лицу, чьи незаконные действия (бездействие) привели к указанному возмещению.*

Несмотря на то, что п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ действует уже более восьми лет, в правоприменительной практике до сих пор регулярно возникают споры, связанные с действием указанной нормы во времени. При рассмотрении подобных споров суды вынуждены исследовать временные пределы реализации регрессных требований публично-правовыми образованиями, а также вопросы, связанные с выбором правильного *правового основания* подачи регрессного иска. Кроме того, в рамках рассмотрения обозначенных споров весьма актуальными остаются

вопросы, связанные с определением предмета доказывания и установлением перечня относимых и допустимых доказательств.

Проанализировав судебную практику в указанной области, мы можем выделить три категории споров, связанных с подачей публично-правовым образованием (в лице Министерства финансов Российской Федерации и главного распорядителя бюджетных средств) регрессного иска к должностному лицу, чьи незаконные действия (бездействие) привели к возмещению вреда.

Первая категория споров касается момента возникновения права предъявления регрессного требования к должностному лицу государственных органов, органов местного самоуправления, причинившему вред гражданину или юридическому лицу, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, а также должностному лицу органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, причинившему вред гражданину или юридическому лицу, не повлекший незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также незаконного привлечения юридического лица к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности. То есть речь идет о регрессном требовании, которое производно от обязательства из причинения вреда, регулируемого ст. 1069 ГК РФ (основного по отношению к регрессному).

Так, одни суды считают, что если вред причинен до вступления в силу указанной нормы (т. е. до 3 ноября 2011 г.), то следует отказать в удовлетворении иска*, и что необходимо устанавливать, когда было исполнено основное обязательство. Если судом выяснено, что вред причинен до введения в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, то регрессный иск им не удовлетворяется. Другие суды, наоборот, считают, что право регресса существовало всегда и нет необходимости исследовать, когда именно был причинен вред или было исполнено основное обязательство [3].

Примечательным в этом отношении является следующее дело. Решением Элистинского городского суда от 25 ноября 2015 г. удовлетворены иски о возмещении морального вреда. Основанием для предъявления иска о возмещении морального вреда явились неправомерные действия сотрудника паспортно-визового учета ОФМС России по Республике Калмыкия, который 26 марта 2008 г. внес в автоматизированную информационную систему неверные сведения, вследствие чего паспорт заявителя получил статус «недействителен в связи со смертью владельца». Решение Элистинского городского суда от 25 марта 2015 г. Министерством финансов Российской Федерации исполнено 2 ноября 2015 г.

Как было указано выше, норма права, наделившая публично-правовые образования правом подачи регрессного иска, вступила в силу с 3 ноября 2011 г., в связи с этим в обозначенном случае встал вопрос о том, что явилось основанием возникновения регрессного обязательства: факт исполнения основного обязательства, факт причинения вреда или же факт признания действий должностного лица незаконными?

Из обстоятельств приведенного дела видно, что вред был причинен до введения п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ в действие, но возмещен он уже после вступления в силу указанной нормы. Суд сослался на ст. 4 ГК РФ, которой установлено, что акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Так, было отмечено, что поскольку неправомерные действия должностного лица, в результате которых был причинен моральный вред, имели место в марте 2008 г., когда нормы п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ не существовало, правовых оснований для удовлетворения требований

* Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 7 июня 2017 г. по делу № 33–3751/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

истца не имеется^{*}. То же самое можно обнаружить в других решениях, где суды в большинстве случаев причинения вреда должностным лицом до введения в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ указывают, что Федеральным законом его обратная сила не предусмотрена, то есть на отношения, возникшие до введения его в действие, он не распространяется.

Примечательно, что и Министерство финансов Российской Федерации в указаниях по представлению интересов Российской Федерации [4] прямо указало на то, что управлениям надлежит обращаться в суды с регрессными требованиями к должностным лицам, *чьи действия (бездействие) были признаны судами, арбитражными судами незаконными после даты вступления в силу изменений*, внесенных в ст. 1081 ГК РФ Федеральным законом № 329-ФЗ.

Мы полагаем, что рассматриваемая норма не является отправной точкой возникновения регрессного требования у публично-правового образования. На наш взгляд, сам *факт возмещения вреда* одним лицом за неправомерные действия другого лица является *достаточным основанием возникновения регрессного обязательства* вне зависимости от принятия и вступления в силу п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, в связи с этим право предъявить регрессный иск имелось у публично-правового образования *и до введения в силу указанной нормы*. Справедливой представляется аргументация президиума Свердловского областного суда, который, отменяя решение нижестоящей инстанции, указал на то, что именно исполнение возложенной на Российскую Федерацию обязанности по возмещению вреда за незаконные действия ответчиков является основанием для предъявления регресса^{**}.

При этом следует отметить, что публично-правовое образование до вступления в силу названного федерального закона практически не использовало право предъявления регрессного требования, за исключением случаев, прямо предусмотренных п. 3 ст. 1081 ГК РФ, т. е. при наличии *приговора суда* в отношении должностных лиц. В литературе того времени отмечалось, что судебная практика по данной категории споров являлась немногочисленной *в связи с отсутствием специальных норм о порядке подачи регрессного иска*, а также по причине наличия норм о праве регресса только в отношении следователя, дознавателя, прокурора, суда, если указанными субъектами причинен вред и имеется вступивший в законную силу приговор, которым установлена их вина [7; 8].

Однако анализ правоприменительной практики, складывающейся до 2011 г., свидетельствует о наличии решений, в которых регрессные требования заявлялись к должностному лицу до введения в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, и суды удовлетворяли их, в качестве правового основания используя *п. 1 ст. 1081 ГК РФ*, т. е. руководствовались общей нормой по регрессу. Приведенный тезис весьма наглядно демонстрирует типичный пример из правоприменительной практики.

Ленинградский районный суд г. Калининграда еще в 2009 г. разрешил спор о взыскании в порядке регресса суммы вреда с должностного лица, чьи действия по аресту доли квартиры и имущества должника были признаны незаконными решением Балтийского районного суда г. Калининграда с возмещением вреда за счет казны Российской Федерации. Установив указанные обстоятельства, суд сделал вывод, что требования истца о возмещении ущерба с должностного лица в порядке регресса подлежат удовлетворению^{***}.

Однако следует констатировать, что подобные решения носили единичный характер и более распространенной являлась прямо противоположная практика. Так, Федеральный арбитражный суд Уральского округа указал, что причиненный гражданину *вред возмещен за счет*

* Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 22 февраля 2018 г. по делу № 33–155/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Постановление президиума Свердловского областного суда от 7 февраля 2018 г. по делу № 44Г-2/2018 // Бюллетень судебной практики по гражданским делам за первый квартал 2018 г. (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 16 мая 2018 г.).

*** Решение Ленинградского районного суда г. Калининграда от 7 октября 2009 г. № 2–3264/2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

средств казны России в силу закона и не может быть взыскан в порядке регресса с Управления Министерства юстиции России по Оренбургской области, поскольку случаи, когда причиненный должностным лицом вред может быть взыскан в порядке регресса, установлены п. 3 ст. 1081 ГК РФ, которым не предусмотрена возможность взыскания в порядке регресса суммы возмещенного казной вреда для восстановления ее в бюджете. Учитывая изложенное, оснований для удовлетворения искового требования о возмещении вреда, заявленного на основании ст. 1081 ГК РФ, у суда не имелось*.

В данном случае мы видим ограничительное толкование п. 3 ст. 1081 ГК РФ судом, который не применил п. 1 указанной статьи, несмотря на то, что в данной норме не поименованы конкретные случаи предъявления регрессного иска, то есть норма является общей для всех случаев возникновения права регресса. Схожая позиция высказывалась и в литературе. В частности, М. И. Бару указывал на то, что право регресса всегда следует из закона и является обязательством *ex lege* [6, с. 8].

Подобная аргументация вызывает обоснованные сомнения, поскольку суть регресса в качестве механизма коррелирующей справедливости предполагает возникновение обратного требования у лица, которое уплатило денежные средства за другое лицо, непосредственно виновное в причинении вреда. При наличии подобного возмещения регрессное требование возникает автоматически, вне зависимости от специального указания на это право в законе. В противном случае мы должны прийти к выводу о том, что законодатель должен включать каждый конкретный казус в текст закона для того, чтобы предоставить право регресса.

Последующее введение п. 3.1 в ст. 1081 ГК РФ подтвердило верность приведенного тезиса. В ряде решений суды справедливо указали на то, что норма п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ по сути *лишь конкретизировала* применительно к положениям п. 1 круг субъектов, имеющих право предъявить регрессные требования по суммам выплаченного возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) должностных лиц государственных органов, *но не отменила ранее установленную п. 1 ст. 1081 ГК РФ возможность такого взыскания*, в том числе для случаев, когда вред (ущерб) был причинен должностным лицом государственного органа при исполнении им служебных обязанностей, ответственность за противоправные действия которого несет Российская Федерация, субъект Российской Федерации, орган местного самоуправления в силу ст. 1069, 1071 ГК РФ. Исключений относительно круга лиц, имеющих право обратного требования (регресса) к лицу, являющемуся причинителем вреда, п. 1 ст. 1081 ГК РФ не содержит и никогда не содержал. *Право Российской Федерации в случае возмещения ущерба, причиненного гражданину в результате незаконных действий должностного лица, предъявить к последнему требования в порядке регресса не ограничено***. Кроме того, в некоторых решениях было отмечено, что ни на момент причинения вреда, ни на момент признания действий должностного лица незаконными, действующим законодательством не ограничивалось право Российской Федерации в случае возмещения ущерба, причиненного гражданину в результате незаконных действий ответчика, предъявить к последнему требования в порядке регресса***.

Окончательную точку в данном вопросе поставил Верховный Суд РФ [3], который в 2018 г. также указал, что судебные инстанции, разрешая спор по требованиям прокурора, предъявленным в интересах Российской Федерации, к бывшему сотруднику ФМС России

* Постановление ФАС Уральского округа от 26 ноября 2003 г. № Ф09-3430/03-ГК по делу № А47-1927/03. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда от 12 мая 2017 г. по делу № 33-2872/2017; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 21 декабря 2016 г. по делу № 11-18021/2016. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

*** Апелляционное определение Архангельского областного суда от 21 февраля 2013 г. по делу № 33-912/13; апелляционное определение Иркутского областного суда от 27 октября 2015 г. по делу № 33-9387/2015. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

о возмещении в порядке регресса ущерба в связи с преступными действиями должностного лица, не применили к спорным отношениям закон, подлежащий применению (п. 1 ст. 1081 ГК РФ), поскольку пришли к ошибочному выводу о том, что общие положения п. 1 ст. 1081 ГК РФ к спорным отношениям не могут быть применены ввиду наличия специальной нормы – п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, применение которой в данном случае невозможно, так как преступление должностным лицом было совершено до введения в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, полагаем, что право регресса к должностному лицу, непосредственно виновному в причинении вреда, существовало у публично-правового образования всегда в силу факта уплаты денежных средств одним лицом за другое, однако механизм этот не был должным образом урегулирован, на что еще в 2005 г. указывал председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванов, отмечавший, что «было бы неплохо добиться такого положения вещей, когда суммы выплат из бюджета позже возвращались бы туда посредством материального «наказания» провинившегося чиновника»^{*}. Таким образом, вывод о том, что введение п. 3.1 в ст. 1081 ГК РФ предоставило право регресса публично-правовым образованиям к должностному лицу, не вполне корректен. Фактически речь идет лишь об уточнении полномочий публично-правового образования посредством прямого указания на наличие подобной возможности.

Перейдем ко второй категории споров, связанных с подачей регрессного иска публично-правового образования. Дело в том, что ст. 1081 ГК РФ в редакции, действующей до 3 ноября 2011 г., в некоторых случаях ограничивала право регресса необходимостью вынесения приговора, устанавливающего вину должностного лица органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда. Подобная ситуация наблюдалась во всех случаях возмещения вреда, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности (п. 3 ст. 1081 ГК РФ в предыдущей редакции).

Таким образом, вплоть до 3 ноября 2011 г. для предъявления регрессного иска к указанным лицам требовалось наличие вступившего в законную силу приговора суда, устанавливающего вину в совершении вышеуказанных действий, являющихся основанием для предъявления регрессного требования. После 3 ноября 2011 г. правила регресса в отношении приведенных ситуаций были в значительной степени смягчены в том смысле, что для привлечения к ответственности должностного лица отныне не нужно было вынесения приговора суда, подтверждающего вину.

В связи с этим в правоприменительной практике периодически возникает вопрос о том, какую редакцию ст. 1081 ГК РФ применить к указанной категории должностных лиц при заявлении казной регрессных требований, в том числе, какой момент брать за основу при выборе редакции указанной нормы: 1) момент причинения вреда; 2) момент фактической выплаты в пользу пострадавшего публично-правовым образованием вместо должностного лица, которое виновно в причинении вреда; 3) момент признания действия должностного лица незаконным?

Для ответа на поставленный вопрос следует разобраться с тем, что является основанием возникновения регрессного требования. В частности, нужно ли исследовать обстоятельства непосредственного причинения вреда должностным лицом, в связи с которыми и был возмещен вред в основном обязательстве из причинения вреда, или необходимо рассматривать обстоятельства, наступившие после факта осуществления выплаты государством за виновное должностное лицо, то есть после возникновения регрессного обязательства?

* URL: <http://www.arbitr.ru/press-centr/news/2109.html>.

В литературе на этот счет высказывались разные позиции. Так, М. М. Агарковым дано понятие основания возникновения обязательства как факта, с наступлением которого право связывает возникновение обязательственного правоотношения [5, с. 84]. В. Т. Смирнов указывал, что основаниями регрессного иска в обязательствах, возникающих из причинения вреда, являются ответственность должника по регрессному иску за причиненный вред и факт платежа лицом, предъявившим регрессное требование, определенной суммы в возмещение этого вреда [12, с. 14]. По мнению И. Б. Новицкого, регрессное требование предполагает существование какого-то другого обязательства, исполнение которого и порождает (на основании специальной нормы закона или воли лиц, участвующих в правоотношении) право регресса. Поэтому при определении природы регрессного обязательства и регрессного иска необходимо с достаточной определенностью установить их связь с предыдущими правоотношениями, на почве которых возникает право регресса [10, с. 31].

К. С. Юдельсон указывал, что право регресса имеет самостоятельный характер [14, с. 199]. Регрессное обязательство возникает *в связи с исполнением какого-то обязательства*, но оно не дополняет это другое обязательство, поскольку последнее обязательство уже прекратило существование до возникновения регрессного обязательства и дополнять, следовательно, нечего. По мнению ученого, основаниями возникновения регрессного обязательства могут быть: 1) уплата третьему лицу регредиентом за счет регрессата; 2) получение от третьего лица регрессатом за счет регредиента; 3) совершение третьим лицом действий, возлагающих на регрессата обязанность возратить регредиенту непосредственно от него полученное [14, с. 200].

В свою очередь, Г. Н. Шевченко называет юридические факты, которые необходимы для возникновения регрессного требования: 1) юридические факты, которые составляют основание первоначального обязательства; 2) исполнение должником первоначального обязательства за третье лицо или по его вине и наступление в результате этого ущерба. При отсутствии одного из фактов, по мнению Г. Н. Шевченко, не может возникнуть регрессное требование [13, с. 44].

Кроме того, в юридической литературе отмечается позиция, согласно которой регресс возникает только на основании решения суда. Так, Г. М. Найвиделис полагал, что основанием для предъявления регрессного иска является решение суда о взыскании денежной суммы с истца в пользу третьего лица [9, с. 72]. Однако М. С. Бару возражал и считал, что указание в резолютивной части решения суда на возможность подачи регрессного иска является юридически безразличным [6, с. 9]. В. Т. Смирнов и Г. Н. Шевченко также пришли к выводу, что указание в решении суда на предъявление регрессного иска не имеет юридического значения [12, с. 16; 13, с. 44].

На наш взгляд, наиболее обоснованной представляется позиция Г. Н. Шевченко. Полагаем, что основаниями для возникновения регрессного обязательства и предъявления регрессного иска к должностному лицу являются непосредственное причинение вреда должностным лицом, а также исполнение этого обязательства в виде перечисления денежных средств на счет кредитора в основном обязательстве. В контексте исследуемой темы считаем, что в случае подачи регрессного иска к должностному лицу, чьи действия повлекли возмещение публично-правовым образованием вреда, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, ключевое значение с точки зрения необходимости представления приговора суда имеет *момент причинения вреда*.

По нашему мнению, сам факт указания судом в решении по основному обязательству на право регресса еще не порождает возникновения соответствующего требования. Суть регресса основана на том, что до момента фактической выплаты денежных средств регресс как

обратное требование не может возникнуть. Здесь же следует учитывать, что далеко не всегда кредитор в основном обязательстве из причинения вреда предъявляет исполнительный лист к исполнению.

В пользу приведенной позиции говорит и имеющаяся правоприменительная практика, однозначно свидетельствующая о том, что редакция ст. 1081 ГК РФ должна определяться *на момент причинения вреда потерпевшему*, т. е. на момент возникновения основного обязательства.

Так, Орехово-Зуевский городской суд Московской области указал, что истец, заявляя требования о взыскании материального ущерба в порядке регресса, необоснованно ссылаясь на нормы п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, поскольку незаконные действия следователя были *совершены до вступления в силу* п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ. Было отмечено, что законодатель не распространил действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ на отношения, возникшие до введения его в действие, т. е. обратная сила не предусмотрена. Оценив представленные доказательства, принимая во внимание отсутствие вступившего в законную силу приговора в отношении следователя, суд пришел к выводу об отсутствии правовых оснований для взыскания с ответчика в порядке регресса денежной суммы в счет возмещения ущерба*.

Схожую аргументацию использовал в своем решении Ленинский районный суд г. Саранска. Из материалов дела следовало, что действия сотрудников МВД, которые привели к образованию у Российской Федерации убытков после обращения пострадавших в суд за судебной защитой в виде взысканных убытков, компенсации морального вреда и судебных расходов, совершены до введения в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, позволяющего обратиться с регрессными требованиями к виновному лицу. Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции отметил, что п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ был введен после причинения вреда сотрудниками МВД, при этом обратная сила в отношении указанной нормы не предусмотрена. Суд второй инстанции согласился с приведенной аргументацией и оставил в силе вышеуказанное решение**.

Поддерживая по существу позицию судов в приведенных делах, необходимо отметить следующее. Безусловно, регрессное обязательство возникает не ранее исполнения основного обязательства. Однако нельзя отрицать тот факт, что вред, являющийся необходимой предпосылкой и безусловным основанием возникновения регресса, исследуется судом именно в рамках основного обязательства. На этом же этапе устанавливаются ключевые условия деликтной ответственности должностного лица. Таким образом, несмотря на возникновение регресса не ранее исполнения основного обязательства в виде *возмещения вреда потерпевшему*, основное значение с точки зрения выбора редакции ст. 1081 ГК РФ имеет факт причинения вреда в рамках основного обязательства.

Более сложным представляется случай, когда незаконные действия должностного лица в отношении пострадавшего являются длящимися. Так, в одном деле неправомерные действия должностных лиц, в результате которых, по мнению истца, потерпевшему был причинен ущерб, имели место *в период с момента возбуждения уголовного дела 21 мая 2011 г. до прекращения уголовного преследования в отношении потерпевшего 27 ноября 2012 г.* Суд первой инстанции применил к спорным правоотношениям п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, учитывая, что уголовное дело было прекращено уже после введения в действие указанного пункта. Суд второй инстанции, отменяя решение суда, сославшись на положения пункта ст. 4 ГК РФ, указал, что оснований для привлечения ответчиков к ответственности в порядке реализации положений п. 3.1 ст. 1081

* Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 8 ноября 2018 г. по делу № 2–3128/2018–М-2922/18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Ленинского районного суда г. Саранска от 3 ноября 2015 г. по делу № 11–161/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ГК РФ не имеется, а вывод суда о необходимости применения закона, действующего на дату прекращения уголовного преследования, основан на неправильном толковании норм права*.

Для того, чтобы определить момент причинения вреда по основному обязательству, имеющий первостепенное значение для выбора редакции п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ и возникновения регресса, следует обратиться к решению суда, касающемуся основного обязательства. Так, Тверским районным судом г. Москвы** было установлено, что 21 мая 2011 г. следователем возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц, 22 мая 2011 г. потерпевший был задержан по подозрению в совершении преступления. 26 мая 2011 г. в отношении потерпевшего избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. 9 сентября 2011 г. мера пресечения в отношении потерпевшего в виде заключения под стражу изменена на залог. 26 декабря 2011 г. органами следствия действия потерпевшего были переквалифицированы. Наконец 27 ноября 2012 г. постановлением следователя уголовное дело в отношении потерпевшего было прекращено с признанием за ним права на реабилитацию.

Как следует из указанного решения, неправомерные действия должностных лиц, в результате которых потерпевшему был причинен ущерб, имели место с момента возбуждения уголовного дела 21 мая 2011 г. до прекращения уголовного преследования 27 ноября 2012 г. Сложность заключается еще и в том, что ни решением суда, которым удовлетворены требования реабилитированного лица, ни служебной проверкой в отношении должностных лиц не было установлено, какое конкретно действие является неправомерным, виновным и фактически причинившим вред.

Полагаем, если в материалах дела имеются доказательства того, что именно *возбуждение уголовного дела* являлось виновным и незаконным действием должностного лица, то суд должен применить норму права, действующую на момент *совершения следователем указанного действия* (в приведенном деле это май 2011 г., когда действовал п. 3 ст. 1081 ГК РФ в прежней редакции, требующий наличия приговора, устанавливающего вину следователя). Если же незаконной была последующая переквалификация, то именно указанное процессуальное действие следует принять за основу при определении редакции ст. 1081 ГК РФ. В приведенном деле переквалификация была произведена в декабре 2011 г., соответственно для предъявления регрессного требования уже не нужно было обязательного наличия приговора суда.

Несколько слов следует сказать об обратной силе п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ. Применительно к указанной норме законодатель не установил ее обратной силы, что, по общему правилу, препятствует взыскивать в порядке регресса вред, причиненный должностным лицом до вступления в силу вышеуказанной нормы***. При этом момент непосредственного возмещения вреда по основному обязательству, равно как и момент предъявления регрессного требования, в указанном случае не имеет юридического значения, что подтверждается судебной практикой.

Так, в одном деле было отмечено, что в момент совершения незаконных действий действовал п. 3 ст. 1081 ГК РФ, согласно которому требовалось наличие приговора в отношении следователя, несмотря на то, что основное обязательство по возмещению вреда за счет казны было исполнено уже после вступления в законную силу решения суда****. В другом деле суд указал, что несмотря на исполнение обязательства в 2014 г., на момент возбуждения уголовного дела в отношении Т. и привлечения его в качестве обвиняемого в совершении преступления,

* Апелляционное определение Московского городского суда от 8 июня 2018 г. по делу № 33–22255/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Решение Тверского районного суда г. Москвы от 1 июля 2013 г. по делу № 2–3988. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

*** Решение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 8 ноября 2018 г. по делу № 2–3128/2018–М–2922/18; апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 16 марта 2017 г. по делу № 33–468/2017; апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 16 марта 2017 г. по делу № 33–464/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

**** Решение Сальского городского суда от 9 апреля 2013 г. по делу № 2–579/13. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, которые впоследствии были отменены и за потерпевшим признано право на реабилитацию, п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ не действовал, в связи с этим указанная норма не может быть распространена на правоотношения, которые возникли до ее введения в действие*. С учетом того, что вина ответчика как условие ответственности в соответствии с действовавшим п. 3 ст. 1081 ГК РФ приговором суда установлена не была, суд первой инстанции обоснованно отказал в удовлетворении исковых требований**.

Здесь же следует сделать важное уточнение. Фактически с 2011 г. привлечение к регрессной ответственности за причинение вреда на общих основаниях свидетельствует об отягчении такой ответственности в отношении должностных лиц, поскольку ранее такая ответственность наступала только при наличии приговора суда, устанавливающего вину в причинении вреда. В статье 54 Конституции РФ имеется норма, согласно которой закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Как справедливо отмечает Н. Ю. Рассказова, указанное правило применимо ко всем отношениям, включая гражданско-правовые [11, с. 31–52]. Отчасти приведенный тезис подтвердил и Конституционный Суд Российской Федерации, который неоднократно высказывался по поводу обратной силы закона. Так, по мнению высшей судебной инстанции, придание обратной силы закону – исключительный тип его действия во времени, использование которого относится лишь к прерогативе законодателя. При этом либо в тексте закона содержится специальное указание о таком действии во времени, либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу имеется подобная норма. Законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений. Обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают *между индивидом и государством в целом*, и делается это в интересах индивида (уголовное законодательство, пенсионное законодательство). В отношениях, субъектами которых выступают *физические и юридические лица*, к таким относятся и трудовые отношения, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон [1; 2].

Наконец, третья категория споров, связанных с действием во времени норм о регрессе к должностному лицу, касается ситуаций, в которых возмещение произведено на основании решения Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд). Эта новелла также введена в 2011 г. Этот случай следует рассмотреть отдельно, поскольку до 2011 г. законодатель прямо не допускал возможности предъявления регрессного требования к должностным лицам, которое было бы обусловлено решениями Европейского суда.

Отметим, что аналогично ранее рассмотренным случаям, связанным с введением в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, право Российской Федерации на подачу регрессного иска было всегда, вне зависимости от специального указания на это в ГК РФ. Подобная возможность вытекает из общего смысла регресса, и аргументация здесь в принципе та же, что была описана ранее применительно к первой категории споров. Вместе с тем подача регрессного иска к должностному лицу в ситуациях, когда оплата вреда произведена на основании решения Европейского суда, – редкость. Примечательным в этом отношении является единственное найденное автором решение, которое было вынесено до введения в действие п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ.

В названном деле поводом для подачи регрессного иска послужила выплата потерпевшему по постановлению Европейского суда по правам человека от 26 января 2006 г. «Дело Михеев против Российской Федерации» (жалоба № 77617/01). Осуществление выплаты

* Решение Белгородского районного суда от 7 февраля 2017 г. по делу № 2–305/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Приморского краевого суда от 24 января 2018 г. по делу № 33–716/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

явилось основанием для предъявления регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено данное возмещение. Нижегородский областной суд в 2009 г. указал, что поскольку вред, причиненный гражданину в результате недобросовестного исполнения должностных обязанностей сотрудниками РУВД – ответчиками по данному делу, возмещен за счет казны Российской Федерации, то есть государством, то прокурор вправе в интересах РФ предъявить регрессное требование к ответчикам*. То есть, несмотря на отсутствие в законе специального указания на возможность подачи регрессного иска, суд указал на возникновение регрессного обязательства на основании факта уплаты причиненного вреда за виновное должностное лицо.

Однако поскольку непосредственные причинители вреда являлись оперуполномоченными отдела уголовного розыска, то необходимо выяснять момент причинения вреда, с целью определения того, требуется ли наличие приговора суда, которым установлена их вина. Из постановления Европейского суда следует, что именно применение пыток к М. 19 сентября 1998 г. в здании отделения милиции, которые причинили ему настолько тяжелые психические и физические страдания, что он совершил попытку самоубийства и в результате стал инвалидом I группы, стало основанием для присуждения М. возмещения материального ущерба и морального вреда**. То есть в момент причинения вреда должностными лицами действовал п. 3 ст. 1081 ГК РФ в прежней редакции, соответственно для удовлетворения регрессного иска суду необходимо выяснять, имеется ли вступивший в законную силу приговор суда, устанавливающий их вину.

Пожалуй, единственный случай, не вызывающий сколько-нибудь серьезных проблем, касается регресса Российской Федерации к судье. Здесь действует правило, согласно которому Российская Федерация в случае возмещения вреда, причиненного судьей при осуществлении им правосудия, имеет право регресса в том случае, если *его вина установлена приговором суда*, вступившим в законную силу. Речь идет о составе преступления, предусмотренном ст. 305 УК РФ. Указанное условие имелось в ст. 1081 ГК РФ как до введения в действие Федерального закона № 329-ФЗ, так и после. Однако отсутствие споров в данном случае обусловлено не тем, что нормы ГК РФ в этой части не претерпели никаких изменений с момента принятия части второй ГК РФ, но скорее тем фактом, что привлечение судьи к уголовной ответственности за вынесение заведомо неправосудного решения является редкостью, а потому нам не удалось обнаружить реальные случаи предъявления регрессных требований к судье в правоприменительной практике.

Литература

1. По индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики отказа в рассмотрении в судебном порядке трудовых споров об увольнении, разрешенных по действовавшему до 21 июня 1990 года законодательству о труде вышестоящими в порядке подчиненности органами: решение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1993 г. № 81-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности части 7 статьи 7 Федерального закона от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и пункта 1 статьи 4 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2015 г. № 1539-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 апреля 2018 г. № 47-КГПР18-3. Доступ из СПС «ГАРАНТ».
4. Об организации работы по представлению интересов Минфина России в судах: письмо Министерства финансов РФ от 3 октября 2014 г. № 08-04-06/3395. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву М.: Юриздат, 1940.
6. Бару М. И. Регрессные обязательства в трудовом праве. М.: Госюриздат, 1962.

* Определение Нижегородского областного суда от 19 мая 2009 г. по делу № 33-3643. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

** Там же.

7. Журавлева Ю. В. Регресс в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Зуева М. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
9. Найвиделис Г. М. Регрессные иски между социалистическими организациями // Советское государство и право. 1968. № 2.
10. Новицкий И. Б. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями: опыт обобщения арбитражной и судебной практики. М.: Госюриздат, 1952.
11. Рассказова Н. Ю. Действие актов гражданского законодательства во времени // Арбитражные споры. 2019. № 2.
12. Смирнов В. Т. Регрессные иски в обязательствах из причинения вреда. М.: Юриздат, 1960.
13. Шевченко Г. Н. Регрессные обязательства в отношениях между социалистическими организациями. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990.
14. Юдельсон К. С. Основные проблемы права регресса в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. Вып. № 9.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники. При этом список библиографических ссылок вначале содержит перечень использованных официальных документов, расположенных по юридической силе, затем – перечень печатных источников (книги, статьи в журналах и газетах и т. д.), а в конце списка литературы приводятся ссылки на интернет-ресурсы. В пределах каждой такой подгруппы библиографические записи сортируются по алфавиту. Пристатейный нумерованный список литературы следует оформлять в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».